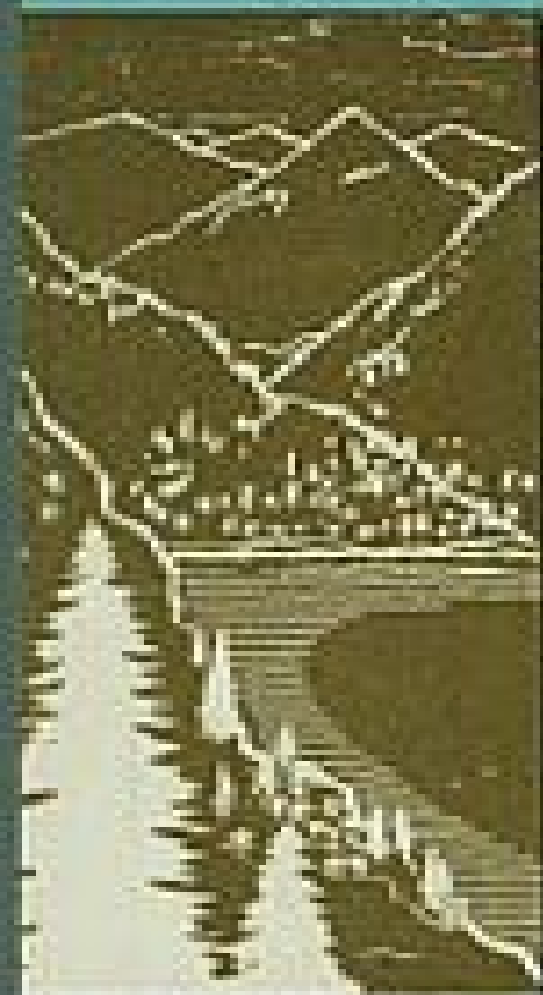

СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ

А. Алдан-
Семенов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга посвящена жизни и деятельности знаменитого русского географа П. П. Семенова-Тян-Шанского.

- [А.Алдан-Семенов](#)

-

- [I](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [II](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)

- [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Основные даты жизни и деятельности П. П. Семенова-Тян-Шанского](#)
  - [Краткая библиография](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
-

А.Алдан-Семенов СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ

Автор приносит искреннюю благодарность за дружескую помощь в его работе над этой книгой писателям А. З. Анфиногенову, С. Н. Маркову, И. А. Халифману, профессорам географу Н. И. Леонову и Л. И. Соловьеву, библиотеке Московского филиала Всесоюзного географического общества, библиографу 5. Шипировичу, а также В. В. Семенову-Тян-Шанскому, О. А. Семеновой.

Горы словно висели в небе, просвеченные солнцем, синими тенями, снегами, спящими вечно.

Острые пики их, тяжелые пирамиды, грандиозные купола, ломаные и округлые перевалы казались сплошной стеной, воздвигнутой на краю земли.

И каменная эта стена была многоцветной, от ледников и водопадов, от еловых лесов и диких яблоневых рощ, желтых и алых тюльпанов, от снегов, гладких и твердых.

Она вся трепетала, дышала запахами неизвестных растений и, загадочная и манящая, все звала на свою высоту географов мира.

Никто из ученых и путешественников не видел ее, никто, кроме буддийского монаха Сюан-Цзана.

Только буддийский монах проникал за эту таинственную стену очень давно и оставил туманное описание того, что увидел.

С мистическим страхом перед грозным величием вселенной и сознанием собственного ничтожества монах записал в дневник: «С начала мира снега, здесь накопившиеся, обратились в ледяные глыбы, которые не тают ни весной, ни летом. Гладкие поля твердого и блестящего льда тянутся в беспредельность и сливаются с облаками...»

С тех пор прошло двенадцать столетий, а Небесные горы по-прежнему оставались неведомыми для науки.

Они были лишь обозначены робкими штрихами на географической карте Азии.

И карта эта лежала на письменном столе славного путешественника Александра Гумбольдта.

Дряхлые ладони великого путешественника прикрыли на карте Небесные горы.

Кто же откроет для науки Тянь-Шань? Ему, Александру Гумбольдту, уже слишком поздно...

Глава 1

ВОСХОД

Он вернулся в Урусово летом 1850 года.

Стояла глубокая теплая ночь, его приезда никто не видел. Лишь старая кухарка долго возилась с дверью и, открыв, ахнула от удивления:

— Батюшки мои, никак Петр Петрович!

Он крепко обнял старуху, поцеловал в щеки, отказался от ужина, торопливо прошел в отцовский кабинет.

Все здесь знакомо ему с детских лет, и все кажется незнакомым, странно печальным, постаревшим. На письменном столе сивые налеты пыли, кожаные кресла порыжели, из широкого дивана торчат пружины. Со стен сумрачно смотрят портреты предков.

За окном, словно продолжая кабинет, уходит в синий сумрак аллея акаций, на подоконнике — серое облачко столетника. Кажется, только столетник не изменился с самого раннего детства.

Петр Петрович зажег пальмовую свечу, сел в кресло. Повернул голову к книжному шкафу: Державин, Тредьяковский, Пушкин. Французские издания Вольтера, Расина, Гюго, немецкие — Гёте и Шиллера.

Он взял томик Гёте, взвесил на ладони, благодарно подумал: «В детстве я и немецкий выучил, чтобы в подлиннике прочитать Гёте. Читал, забравшись с ногами в это самое кресло». Он погладил вытертую кожу подлокотников, поставил на место книгу, скользнул взглядом по темным портретам. Прапрадед, прадед, дед, отец. У них — суровые, властные лица, горбатые носы, курчавые волосы. Предки взирают на него лакированными глазами, словно спрашивают: «Достоин ли ты нашей фамилии? И чем ты приумножил славу бояр Семеновых?»

Он гордился древностью и славой своего рода.

Его отдаленные предки были ближайшими сподвижниками Олега — великого князя Рязанского. После падения Рязанского княжества Семеновы перешли на службу к князьям московским. Они подписывали акт избрания на царство Михаила Романова, занимали видные посты в царствование Петра Первого и Екатерины Второй.

За верную службу получили Семеновы обширные угодья и вотчины с крепостными крестьянами в Рязанской и Тульской губерниях, по берегам живописных рек Прони и Рановы, были внесены в родословные книги русского дворянства.

Он снова, уже пристально оглядел портрет прапрадеда своего Григория Григорьевича. Было что-то жестокое в надменных губах, в худой руке, прижатой к пышному камзолу. Петр Петрович знал причину этой жестокости, тонко подмеченную крепостным художником. Дикий нрав прапрадеда довел крестьян до решительных действий. Григорий Григорьевич был убит своими крепостными.

Прадед Петр Григорьевич разорял своих мужиков, беспощадно наказывал слуг, пользовался «правом первой ночи». Он умер при таинственных обстоятельствах — ходили слухи, что Петра Григорьевича также убили крепостные.

Эти трагические истории в роду Семеновых повлияли на деда Николая Петровича. Он покинул деревню, переехал в Петербург, поступил на военную службу.

Николай Петрович участвовал в 37 сражениях. После тридцатилетней службы в суворовских войсках он вышел в отставку в чине секунд-майора. Вернулся в деревню, женился на дочери помещика Бунина и поселился в Урусове — имении жены.

Бунины были богатыми помещиками-крепостниками. Ближайшим родственником им приходился поэт Василий Андреевич Жуковский.

Урусово, расположенное на живописном берегу реки Рановы, считалось одним из самых благоустроенных поместий в Рязанской губернии. Обширный барский дом со старинным тенистым садом, тысяча десятин плодородной земли, лесные угодья, заливные луга принадлежали Николаю Петровичу Семенову. В Урусове зажил он широкой жизнью богатого помещика, воспитывая пятерых своих сыновей. Самый старший — Петр Николаевич Семенов родился в 1791 году...

При воспоминании об отце улыбка осветила лицо Петра Петровича. Он глубоко вздохнул, пошевелился, откинул курчавую голову на высокую спинку кресла. Воспоминания снова захлестнули его.

Отца сначала воспитывали дома, под руководством гувернантки мадам Бруннер, бежавшей из Франции во времена террора. Подростком Петра Николаевича отвезли в Москву в Университетский пансион. Из Москвы он переехал в Петербург и поступил в лейб-гвардейский Измайловский полк. Петр Николаевич увлекался литературой, писал стихи. Он перезнакомился со всеми выдающимися петербургскими писателями, посещал дома Державина, Дмитриева, Шишкова.

Наступил 1812 год. Измайловский полк доблестно сражался на полях Бородина.

Молодой прапорщик Петр Семенов проявил в Бородинском сражении

и храбрость и мужество. Кивер его в нескольких местах продырявили французские пули. Угодила пуля и в бронзовый складень на его груди. Семенова контузило, но через четверть часа он снова был на поле боя. К концу Бородинского сражения прапорщик Семенов командовал ротой. За исключительную храбрость был награжден золотой шпагой.

С кутузовской армией Петр Николаевич преследовал Наполеона, сражался при Тарутине, Березине, под Кульмом. С небольшим разъездом пробрался в тыл неприятеля, но был захвачен в плен.

Вместе с разбитыми войсками Наполеона брел он во Францию через Саксонию и Лотарингию. Когда же русская армия окружила Париж, Петр Семенов бежал из плена. Вместе с армией вошел он во французскую столицу.

В 1815 году Петр Семенов вернулся в Петербург, а через пять лет вышел в отставку. Он женился на дочери московского архитектора Бланка — Александре Петровне и поселился в Урусове.

Здесь, в Урусове, появился на свет божий и он, Петр Петрович Семенов, недавний ученик петербургской школы гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, вольный слушатель университета, а теперь — молодой ботаник, член Русского географического общества. Он вернулся в родное поместье, полный творческих замыслов и мечтаний. В тишине рязанских лесов и полей, на берегу Рановы думает он посвятить себя географии и ботанике — самым любимым своим наукам.

Петр Петрович встал, подошел к окну. Слабая утренняя заря, исчерченная черными ветвями деревьев, постепенно розовела. Сад, огромный, но запущенный, звал на тропинки с прелыми прошлогодними листьями.

Петр Петрович торопливо спустился в аллею, к цветам, седым от росы. Он знал все уголки своего детства в этом саду. Вот любимый сибирский кедр — еще мальчонкой он собирал под ним крупные спелые орешки. Вот старая разлапистая яблоня — ее паданцы были его излюбленным лакомством. А вот и глубокий овраг, заполненный черемушником. Со дна оврага всплывали белые освежающие облака цветущей черемухи, пронзительно пахло вишневой смолой. Сад продолжался и по склонам оврага и на другой его стороне.

Петр Петрович шел мимо искусственных холмов, миниатюрных прудов, потайных гротов. Когда-то дед Семенова разбивал сад на французский манер, отец же перестроил на английский лад.

Петр Петрович шагал мимо клумб. Каждая клумба предназначалась для определенных цветов: на одной — красные гвоздики, на другой —

астры, на третьей — «угольки в жару». Из-за деревьев возникла полуразрушенная оранжерея. Раньше под ее стеклянной крышей цвели персики и абрикосы, теперь там буйствовал чертополох. Сердце защемило от грусти — сад был его первым детским увлечением. Здесь зародилась его юная, еще не осознанная любовь к природе, здесь открывался ему мир трав и цветов.

Тропинка, виляя между клумбами, вывела на берег Рановы. Река лоснилась от зари. За Рановой темнели поля, дубовые и липовые рощи, маячили нищие деревушки.

Над мужичьими избами возвышались барские дома с каменными колоннами, широкими террасами, купола церквей и молелен. Он наперечет знал, кому какая усадьба принадлежит. Почти все окрестные помещики состояли в близком или дальнем родстве с Семеновыми.

Он остановился на обрывистом берегу Рановы. Опять задумался о своем еще совсем недавнем прошлом. И вот ему мучительно захотелось снова стать ребенком, целовать материнские теплые ладони. Захотелось шагать с отцом сквозь высокую рожь, удить окуней в омутах Рановы, собирать грузди в еловых лесах. Он будто наяву услышал негромкий голос отца: «Построим новый дом на берегу реки, и будет он похож на рыцарский французский замок...»

Отец поехал в далекую деревню, заразился тифом и умер в дороге. Смерть отца потрясла мать, она заболела горячкой — у нее помутился рассудок.

В двенадцать лет Петенька стал полновластным хозяином обширных имений, земельных и лесных угодий, шестисот крепостных душ в Рязанской, Тульской и Тамбовской губерниях. Ему пришлось столкнуться с жизнью народа, решать судьбу людей.

Он узнал, как живут его крепостные. Увидел их дымные избы, черный, с мякиной пополам хлеб, тертую редьку с квасом, истощенных ребятишек, неизлечимые болезни, беспробудное невежество.

Ему пришлось вмешиваться во всякие неурядицы, разбирать споры, мирить врагов, отзываться на чужую беду. Странные люди, необузданные самодуры, уродливые характеры окружали его в детские годы. Он был свидетелем помещичьего произвола, нелепых поступков, незаконных действий, трагических событий.

Вот хотя бы двоюродные братья — офицеры уланского полка Бунины. Безнравственные юноши — картежники и гуляки, — они содержали гаремы из крестьянских девушек, проигрывали в карты своих слуг. Бесчестные, они выше всего ставили честь русского дворянина. «Сказал —

соверши, иначе опозорен на всю жизнь» было для них законом.

Однажды во время попойки братья заговорили о фатализме. Решили проверить фатализм на практике и бросили жребий: кому сегодня жениться, кому кончить самоубийством. Трагический жребий выпал младшему брату. Он вышел в соседнюю комнату и застрелился.

Или же старый помещик Николай Дмитриевич Свиридов. В мрачном доме его всегда стояла тяжелая тишина. Прочно закрыты ставнями окна, на замках бесчисленные двери. Ни женского голоса, ни детского крика. Слуги ходят на цыпочках. На паркетных полах, на раззолоченных, но уже облупленных креслах валяется хлам. Старый барин шляется по задворкам и свалкам, собирая всякую дрянь, выброшенную крестьянками. Сортирует, отбирает, несет в дом. И хранит свои сокровища в парадных залах. Он морит голодом самого себя и своих крепостных. Из года в год ест только картофельную похлебку и заплесневелые ржаные сухари. Его подозрительность невыносима, скупость чудовищна. Старик одевается в длиннополый сюртук, который держится лишь на одних заплатах. Морщинистое лицо повязано бумажным платком с порыжелым портретом Наполеона, на ногах опорки, в руках палка с железным наконечником, чтобы легче переворачивать мусор.

Как-то старый помещик зазвал маленького Семенова в свой дом, угостил заплесневелым вареньем и неожиданно открыл дубовый шкаф.

— А здесь я держу своих «старушек», — засмеялся Николай Дмитриевич хрипло и радостно. — Только смотри никому не говори, что я тебе показал. У меня уже сто «старушек» и в каждой — по тысяче целковых...

На двух полках лежали «старушки» — пачки ассигнаций, перевязанные веревочками, на остальных — тугие мешочки, по-видимому, со звонкой монетой.

У скупого старика были незаконнорожденные дети от крепостных служанок. На детей он смотрел как на крепостных. Лишь незадолго до смерти отпустил он своих детей на волю, приписав в мещане.

По торжественным дням Свиридов являлся в усадьбу Семеновых. Одетый в старинный синий из грубого сукна фрак, садился на кончик стула у чайного стола. С особенным благоговением принимал чашку чая и тут же воровал со стола сдобные булочки, пряча их по карманам.

Выражался и писал Свиридов очень витиевато.

— Чинишко у меня самый маленький, дрянненький, я — коллежский регистратор Николай Дмитриев, сын Свиридов, — рекомендовался он.

«Ваши пернатые в ночь на двадцатое августа произвели злостное

нападение на мою усадебную оседлость и, учинив жестокую потраву, истребили зеленые глубусы, именуемые арбузами, от коих у меня остались одни объедки», — писал он отцу Петра Петровича.

Петр Петрович печально усмехнулся. «Мне никогда не приводилось встречать в жизни человека, более приближающегося к гоголевскому типу. Плюшкин восстановил в моей памяти моего знакомого Николая Дмитриевича с такой жизненной правдою, как бы Гоголь прямо списывал с натуры свой тип с этого старика...», — писал позднее Петр Петрович.

Память его воскресила бабушку Анну Петровну Бунину. Она имела большое поместье Комаровку, где по-своему хозяйничала, занимаясь нелепыми затеями. Бабушка учила своих мужиков садить груши-бергамоты, разводить породистых собак. Семенную рожь, как барскую, так и мужичью, по приказу бабушки вывозили на базар. Наступало время сева, а мужики в поле не выезжали. Бабушка призывала старосту и начинала выговаривать:

— Время пришло сеяться. Почему мужики лодырничают? Ах вот как, нет семян? Выдай мужикам сто четвертей ржаной муки. Пусть немедленно сеют...

Приказание Анны Петровны исполнялось. Мужики, посмеиваясь и чертыхаясь, рассеивали ржаную муку по полям.

Всевозможные собачонки жили в гостиных и спальнях бабушкиной усадьбы. Собачьи своры обслуживались крепостными слугами, для собак готовили особые блюда, они бегали в разноцветных пополах, услаждая старую помещицу.

Самый дикий произвол помещиков над крепостными считался нормальным. Маленький Петя видел кулачные расправы, порку, куплю-продажу людей, обмен их на породистых собак, на лошадей. Он остро наблюдал окружающее, внимательно слушал. Особенно потрясали его рассказы бабушки Натальи Яковлевны Бланк. Перед тем, что рассказывала бабушка, меркли кулачные расправы, чудачеством казались скупость Свиридова или затеи Буниной.

Бабушка Наталья Яковлевна уводила Петю в свою комнату, боязливо запирала дверь и начинала повествовать о помещике Карцеве — муже ее родной сестры.

Карцев был очень богат, имел несколько поместий, тысячу душ крепостных. В подмосковном селе Медведково завел он сахарный завод. В медведковской усадьбе содержал Карцев целый гарем из крепостных девушек. Зверскую жестокость и мучительство проявлял и к рабам и к собственным детям помещик-садист.

При жене и свояченице Карцев стегал кнутом дворовых. Если женщины просили помещика образумиться, он засекал людей насмерть. Дочерей он привязывал за косы к лошадиным хвостам и гонял по корту. Сына своего сделал калекой и сумасшедшим. Жаловаться на Карцева никто не смел, да и жалобы от крепостных на помещика не принимались. Рабочих сахарного завода истязатель довел до отчаяния. Они решили убить Карцева. Об этом заговоре он узнал от своей любовницы. Карцев приехал на завод, захватил зачинщиков и живыми сварил в котле. Пришлось возбудить против изувера уголовное дело. Карцев истратил миллион рублей на взятки, следствие продолжалось десять лет. Уголовное дело прекратили после смерти помещика...

— На похоронах Карцева родственники и друзья его были в глубоком трауре. А крепостные надели праздничные рубахи и под гармошку плясали от радости, — шептала бабушка.

Голос ее дышал тоской и правдой, хотя она многого не досказывала. Петенька не смел спрашивать, но история, поведенная бабушкой, произвела на него потрясающее впечатление. Этот рассказ «заставил меня постепенно вдумываться в отношения помещиков к их крепостным и понемногу раскрыл мне глаза на все ужасы, которые могли быть порождены крепостным правом...».

А что же изменилось с его незабываемых детских лет? Так же страдает и мучается народ, всюду то же ярмо крепостного права. Лишь ушло в небытие старое поколение помещиков-крепостников, ушло, передав своим потомкам гнусные нравы и привычки.

А семья Семеновых после смерти отца и при душевно больной матери распадалась. Урусово приходило в упадок, соседи-помещики захватывали земли, лесные угодья, заводили судебные тяжбы по всякому пустяковому поводу.

В судьбу распадающейся семьи вмешался дядя Михаил Николаевич. Он взял на себя все хозяйственные дела. Петенька с матерью выехали в Москву, потом в Петербург...

Живучи, неистребимы, нетленны, как цветы бессмертника, воспоминания детства. Они вызывают то радостные ощущения, то глубокую грусть. Петр Петрович видит себя по дороге из Москвы в Петербург, в Царском Селе, в просторной квартире на Первой линии Васильевского острова. Видит себя перед Медным всадником, в белых ночах Невского проспекта.

Словно из тумана встает перед ним парадный зал в доме Уваровых. Петенька рассматривает не сановников, князей, графов, а художника Карла

Брюллова, драматурга Кукольника, поэта Жуковского. Он гордится тем, что Жуковский хотя и отдаленный, но их родственник по матери. За своей спиной он слышит чей-то шепот:

— Пушкин...

Наконец-то он воочию видит любимого поэта, чьи стихи уже давно выучил наизусть. Пушкин, заложив за спину руки, чему-то весело смеется, что-то рассказывает. Он протискивается сквозь кольцо людей к Пушкину. Смотрит на его пальцы — нервные, быстрые, выразительные. Думает: «Эти пальцы написали „Бориса Годунова“, „Евгения Онегина“, бессмертные слова „пока свободою горим, пока сердца для чести живы...“»

Пушкин поворачивает к нему еще смеющееся лицо и уходит из зала. Во второй и последний раз Петенька встретил поэта на улице: Пушкин проходил, опустив голову, заметаемый снегом. Маленький Семенов не знал, что скоро Пушкин уйдет навсегда — от него, от России в седую метель, на Черную речку.

Тяжелой оказалась для юного Семенова зима 1837 года.

Душевная болезнь матери прогрессировала. Дни и ночи проводит Петя у постели больной, со страхом прислушивается к ее бреду.

В огромной роскошной квартире было пусто, страшно и холодно. Повар не готовил обеда. Бонна и учитель английского языка взяли расчет. Никто из петербургских родственников не посещал Семеновых.

Петя, не желая оставлять больную в одиночестве, неделями не выходил из квартиры. Он варил на спиртовке пищу, ухаживал за матерью. В минуты ее просветления читал Байрона, Шекспира, Вальтера Скотта. Это были прекрасные минуты: мать приходила в полное сознание и с прежней нежностью беседовала с сыном.

В одну из таких минут Пете удалось уговорить ее вернуться в Урусово.

Возвращение в деревню хорошо подействовало на больную. Ей стало лучше, а Петя снова почувствовал, как любовь к природе захватывает все его существо. Он, как увлекательные романы, заучивал садовые книги, запоминал латинские названия растений, выписывал из Москвы цветочные семена.

Годы деревенской жизни были для мальчика временем маленьких, но чудесных открытий. В поисках растений он уходил в окрестные леса и поля. Рощи открыли ему свои тайны, овраги дарили древние раковины, луговые травы — жуков и бабочек. Он удивленно смотрел на цветущую липу — дерево гудело от жужжащих пчел, и гул этот волновал, как живая музыка.

По вечерам он забирался на крышу дома и погружался в тихие мечты.

Закат пламенел на дне Рановы, глубоко просвечивал сосновые боры. Старые сосны блестели медью. Сумерки нарастали незаметно и плавно, мир и спокойствие наступали со всех сторон. Мальчик напряженно прислушивался.

В лугах тягуче вздыхала выпь. «Пить-полоть, пить-полоть!» — вскрикивала в поспевающей ржи перепелка. «Извините — вирр!» — извинялась перед кем-то чечевичка, и мальчику было весело слушать ее громкие извинения.

Около него раздавался странный серебряный звук и обрывался тугим щелчком. Жук ударялся в ее ладонь и затихал, прикинувшись мертвым.

Мир таинственных вскриков, вздохов, щелчков — все эти живые голоса природы вызывали в Пете томительное, еще неопределенное желание. Ему хотелось куда-то идти, что-то делать, искать, находить. Природа звала его к себе, и от ее неодолимого зова за плечами его будто появлялись крылья...

Как ни хорошо чувствовал себя Петенька в родном Урусове, а надо было продолжать учение. Мать, немного оправившись от недуга, снова повезла сына в Петербург.

Осенью 1842 года Семенов поступил в петербургскую школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, сдав экзамены сразу в третий класс.

Школа имела хороших учителей. Русскую литературу преподавал талантливый учитель Прокопович — друг Гоголя, химию — профессор Воскресенский, статистику — Ивановский. Умные, широко образованные преподаватели оказывали большое влияние на учеников. Семенова особенно увлекал своими яркими уроками по географии учитель Тихонов.

Были в школе и ограниченные службисты и тупые солдафоны. Ничего, кроме лихой военной выправки и барабанного боя, они не признавали. Среди них особенно выделялся ротный командир Лишин. Он обучал военной выправке и шагистике еще Лермонтова, который окончил школу за несколько лет до Семенова. Великий поэт посвятил Лишину строки:

Вот выходит из дежурной,
Весь в заплатах на штанах,
Словно мраморную урну,
Держит кивер он в руках...

Лишин запомнился Семенову только своим категорическим мнением о

Лермонтове. Как-то на вопрос Семенова, считает ли ротный командир Лермонтова великим поэтом, Лишин ответил:

— Да вы что, смеетесь, сударь? Лермонтов скверно себя вел, курил табак, не умел становиться во фронт. Какой из него поэт, да еще и великий?..

Семенов окончил школу блестяще, его имя было занесено на школьную мраморную доску как отличнейшего ученика. Семенова произвели в чин коллежского секретаря, но служить он не собирался. Он мечтал поступить в Петербургский университет.

В 1845 году среди вольных слушателей университета появился курчавый подвижной любознательный юноша. Он ревностно посещал все уроки, слушал и конспектировал лекции, поражая своих товарищей необыкновенной обширностью знаний. С особым вниманием он записывал лекции академика Ленца, преподававшего физику и физическую географию, профессора-ботаника Шиховского, профессора минералогии и геологии Гофмана, — славного своими исследованиями Урала.

Каждый из них преподавал свою науку талантливо, вдохновенно, но физическая география не связывалась с геологией, ботаника с зоологией.

Особенно увлекали Семенова лекции профессора Куторги, читавшего курс сравнительной анатомии, зоологии и палеонтологии. Зоологический кабинет университета стараниями Куторги был неплохо обставлен. В свободные от лекций часы Семенов пропадал в зоологическом кабинете, по его экспонатам изучая русскую природу. Профессор Куторга и еще два преподавателя университета повлияли на решение Семенова посвятить свою жизнь науке. Первым был молодой адъюнкт университета, гениальный математик Чебышев, вторым — профессор истории русского законодательства Неволин.

И Чебышев и Неволин учили студентов самостоятельности научного мышления. О самых отвлеченных, казалось, предметах и явлениях они говорили образно, живо, доступно. Они убеждали учеников, и Семенов понял это быстрее своих однокурсников, что наука должна быть связана с жизнью тысячами нитей и служить интересам народа.

Из лекций, из личных бесед со своими преподавателями Петр Петрович извлек самое существенное: «без познания окружающих предметов и сил природы, без умения их подчинить своей власти и для своих нужд и потребностей, невозможен умственный прогресс и успех материального благосостояния народа. Национальность науки заключается в том, чтобы она проникала в жизнь народную...»

Весной 1847 года Петр Петрович получил из Москвы тревожное

известие — мать при смерти. Он немедленно выехал к матери, но застал ее уже без сознания. Несколько дней продолжалась ее мучительная агония.

Гроб с телом матери Петр Петрович увез в Урусово и похоронил в фамильном склепе. Ему пришлось принять на себя управление всеми именьями: брат Николай устранился от хозяйственных дел.

Петр Петрович провел лето в деревне. Осенью, оставив все дела на своего крепостного управителя, Петр Петрович вернулся в Петербург.

В 1848 году, закончив университет, он решил не поступать на государственную службу, а полностью посвятить себя науке.

Еще в университетские годы Семенов подружился со студентом Николаем Данилевским. Они поселились в одной квартире на Васильевском острове, помогали друг другу, строили совместные планы на будущее. Молодые люди даже совершили пешее путешествие из Петербурга в Москву. Во время путешествия собирали и классифицировали растения, типичные для русской природы.

Николай Данилевский — сын гусарского полковника — окончил Царскосельский лицей и поступил в университет. Будучи студентом, Данилевский сотрудничал в «Отечественных записках». Он завел обширные связи со многими молодыми писателями и учеными Петербурга. Он познакомил Петра Петровича с Салтыковым-Щедриным, Достоевским, Григоровичем, Плещеевым, Аполлоном и Валерианой Майковыми. И он же привел Семенова на знаменитые «пятницы» своего друга Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского.

Петру Петровичу нравились страстные споры на этих «пятницах». Он с удовольствием посещал их и взволнованно слушал, как Данилевский говорил о фурьеризме, а Достоевский с болью и тоской — о позоре крепостного права. Федор Михайлович читал отрывки из своих «Бедных людей», и они потрясали Семенова. Проповеди Спешнева об освобождении крестьян также глубоко интересовали его.

Сам же Петрашевский казался Семенову развязным оригиналом, неосновательным человеком. Он подсмеивался над революционными идеями Петрашевского. «Он проповедовал, хотя и очень несвязно и непоследовательно, какую-то смесь анти-монархических, даже революционных и социалистических идей не только в кружках тогдашней интеллигентной молодежи, но и между сословными избирателями городской думы». Сколько барского пренебрежения заключено в этой фразе! Аристократа Семенова шокировали даже и поступки, и манеры, и одежда Петрашевского.

Он иронически говорил: «Петрашевский ходит в какой-то альмавиве

испанского покроя», носит длинные волосы и бороду, запрещенные правительством. Семенова злят оригинальные поступки Петрашевского. «Один раз он пришел в Казанский собор переодетый в женское платье, стал между дамами и притворился чинно молящимся». Черная борода и несколько разбойничья физиономия Петрашевского привлекли внимание квартального.

— Милостивая государыня, вы, кажется, переодетый мужчина? — спросил квартальный.

— Милостивый государь, а мне кажется, что вы переодетая женщина, — ответил Петрашевский.

Семенов видел в Петрашевском всего лишь сумасброда и прирожденного агитатора, который произносит речи о чем угодно, перед кем угодно.

Развязный оригинал, несерьезный человек, до некоторой степени революционер, стремящийся «к революции ради революции», — вот каким кажется Петрашевский либеральному аристократу Семенову. Вот петрашевец Дуров, по мнению Семенова, куда опаснее. Дуров готов сокрушить существующий правопорядок, но ради своих корыстных целей. Дурову нужна революция «для личного достижения какого-нибудь выдающегося положения. Он уже разорвал свои семейные и общественные связи рядом безнравственных поступков и мог ожидать реабилитации только от революционной деятельности...».

Эти злые семеновские слова о Дурове тоже бездоказательны и несправедливы. Между Семеновым и Дуровым нет ничего общего ни в идеалах, ни в убеждениях. Революционные настроения Дурова не по душе Семенову. Он — против всякого насилия. Он — за либеральные реформы, за освобождение крестьян, но желает этого освобождения «не путем революции, а по манию царя». В уме Семенова бродят туманные мысли о конституционной монархии, о свободе печатного слова, о таком «идеальном правосудии, которое превратило бы Россию из полицейского государства в правовое».

Семенов молчаливо посещает «пятницы» Петрашевского, молча слушает блестящие лекции своего друга Данилевского, страстные монологи Дурова, но с «пятниц» уходит бесшумно. Он ни разу не выступает у Петрашевского, не высказывает своих мнений. Из него, молодого и умного, образованного и богатого дворянина, формировался тот тип русского общественного деятеля, которого позже будут называть «либеральным монархистом». И он, словно от имени этих либералов, скажет: «Мы прислушивались с восторженным вниманием к далекому

шуму борьбы за свободу, а сами никакой борьбы не затевали и революционерами не были...».

В эти шумные петербургские дни Семенов думал все же больше о науке, чем о государственной и общественной деятельности. Он увлек Данилевского своими планами исследования черноземных пространств России.

Друзья решили совершить трехгодичную экспедицию в Тамбовскую и Воронежскую губернии, в Манычскую степь, на земли Войска Донского. Цель путешествия ясна и конкретна: установить границы черноземной полосы, исследовать ее почвы и растительность.

Им удалось заинтересовать проектом путешествия Вольно-экономическое общество. Общество одобрило проект и приняло их в свои члены. Семенов и Данилевский стали собираться в путь.

Неожиданно в жизни Семенова случилось событие, повлиявшее на его дальнейшую судьбу. Родственник его — Александр Гире — секретарь Императорского Географического общества, посоветовал ему вступить в действительные члены общества. Семенов с восторгом принял совет: «География в самом обширном ее смысле была с детства любимой моей наукой».

Он еще не имел никаких заслуг перед географией. Ничего не было, кроме любви к ней да готовности служить ей честно и бескорыстно.

Его приняли в действительные члены Географического общества по рекомендации Александра Гирса, Константина Грота и старого профессора Небольсина. Вице-председатель общества — знаменитый мореплаватель Федор Петрович Литке, чуткий и доброжелательный к молодым талантливым людям, сказал ему:

— Если вы мечтаете стать географом — начинайте с азов.

— Я готов начать с азов, адмирал, — согласился Семенов.

— Тогда приведите в порядок нашу библиотеку, — посоветовал адмирал.

Библиотека Географического общества была обширной и быстро росла. Семенов привел ее в образцовый порядок. Целыми днями сидел он в библиотеке, изучая книжные запасы. С увлечением, с огромным интересом прочел многотомный труд географа Карла Риттера «Землеведение Азии». Восемнадцать томов Риттера, изданные на немецком языке, открыли ему географический лик Азии ярче и обстоятельнее всех других книг, читанных раньше.

И все же он ловил себя на мысли — в «Землеведении Азии» много неясностей, «белых пятен», приблизительных описаний. Несмотря на эти

пробелы, труд Карла Риттера стал его путеводителем по великим просторам Азии. Но Семенов — не кабинетный работник. У него избыток жизненных сил, он не любит откладывать свои творческие замыслы. Мысль о путешествии по русской черноземной полосе не покидает его.

Географическое общество, как и Вольно-экономическое, одобряет проект экспедиции. Семенов и Данилевский собираются в дорогу...

Они выехали из Петербурга весной 1849 года.

Все шло благополучно. Голубело небо, сияли речки, цвели травы. Семенов и Данилевский радовались, встречая утренние зори, отдыхая на лесных дорогах, любуясь тихой красотой речки. Она так и называлась — Красивая Мечь. В селе с тем же названием они остановились на постоялом дворе.

Во время чаепития на улице послышался звон колокольчиков. К постоялому двору подкатил тарантас, из него вылез высокий, мрачноватый, в голубом мундире жандармский полковник. Звеня саблей, полковник легко взбежал на крыльцо, открыл дверь в комнату, где Семенов и Данилевский пили чай. Семенов узнал в полковнике однокурсника по школе гвардейских офицеров Назимова.

Назимов вежливо откозырял и так же вежливо обратился к Данилевскому:

— По высочайшему повелению вы арестованы. Соблаговолите следовать за мною. Обязан немедленно доставить вас в Санкт-Петербург...

Семенову полковник процедил сквозь зубы:

— О вас же пока никакого повеления не имеется...

Стараясь сохранить внешнее спокойствие, Данилевский обнял Семенова.

— Прощай, друг! Не удалось путешествие. Царь не простит мне моего социализма...

Они расцеловались. Данилевский сел в тарантас, помахал рукой. Кучер лихо свистнул, и Семенов остался один на пыльной улице.

В одиночестве продолжал он свое путешествие. В одиночестве собирал материалы для диссертации о почвах и растительности черноземного края.

Поздней осенью он вернулся в Петербург. Дома узнал, что был тщательный обыск. Жандармы перебрали все его книги, все бумаги, но не нашли ничего запрещенного. Все же он с нетерпением и страхом ждал вызова в судную комиссию, созданную по делу петрашевцев. Комиссия так и не вызвала Семенова даже свидетелем. Зато его знакомый,

влиятельнейший член судной комиссии граф Ростовцев сообщил о Данилевском утешительные новости:

— Данилевский обвиняется только в чтении лекций о социализме. Для судной комиссии он написал объяснительную записку, в которой увлекательно изложил учение Фурье.

Мы поняли из объяснений Данилевского, что Фурье никогда не проповедовал революционных идей. И признаюсь, — пошутил граф Ростовцев, — члены судной комиссии сами сделались более или менее фурьеристами...

Судная комиссия оправдала Данилевского. В докладе Николаю Первому комиссия с особой похвалой отозвалась об уме и разносторонней образованности Данилевского.

— Чем умнее человек, тем опаснее. Образованный умник опасен вдвойне. А посему сослать Данилевского в Вологду, — решил Николай Первый.

Другого петрашевца, молодого писателя Салтыкова-Щедрина, сослали в Вятку. Семенов обрадовался: царь так милостиво обошелся с его друзьями. «Административные ссылки в царствование императора Николая Первого носили патриархальный характер: ссылаемые определялись на государственную службу под отеческий надзор губернаторов», — писал он много позже в своих мемуарах.

Представление Семенова о царской ссылке не соответствовало действительности.

Живой блестящий ум Данилевского был загнан в медвежий вологодский угол на медленное угасание, на полное творческое бездействие.

Из Салтыкова-Щедрина вытравили семилетней ссылкой его свободолюбивый дух в непролазной невежественной Вятке. И не заслуга царя, что гений Салтыкова-Щедрина не погиб, а расцвел в ссылке.

Правда. Салтыкову-Щедрина сравнительно повезло. Он попал под «отеческий надзор губернатора», который знал его лично. Вятский губернатор Николай Николаевич Семенов приходился родным дядей Петру Петровичу и сам был писателем. Пусть третьестепенным (он писал сентиментальные русские романы на французском языке), но он покровительствовал ссыльному сатирику. Салтыков-Щедрин служил у губернатора чиновником особых поручений.

А Семенов искренне радовался гуманности царя в отношении петрашевцев. Царь-де понимает, царь-де знает, рассуждал он, что петрашевцы «не составляли никакого тайного общества и не только не

совершали, но и не замыслили никаких преступных действий, да и не преследовали никаких определенных противогосударственных целей, не занимались никакой преступной пропагандой».

Николай Первый был совершенно иного мнения о петрашевцах.

Царь обвинил их в самом страшном преступлении против самодержавия — в «заговоре идей». Он назвал социалистические и коммунистические идеи «язвой века» и приказал судить «заговорщиков» без всякого снисхождения. А Военно-судная комиссия не имеет фактов преступной деятельности петрашевцев. Царские судьи вытаскивают на свет божий манифест от 13 июля 1826 года. Николай Первый издал этот манифест после казни декабристов. Теперь Военно-судная комиссия может обосновать свой приговор словами, изреченными обожаемым монархом: «Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать сие своеволие мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть — порча нравов, а конец — погибель...».

Основание для приговора найдено не в своде законов, а в царском манифесте. Суд приговаривает пятнадцать петрашевцев к смертной казни.

Петрашевцев привезли на Семеновский плац. Надели на них смертные балахоны, поставили на эшафот. Кого-то прикрутили веревкой к столбам, кому-то завязали глаза, над кем-то сломали шпаги. Под трескучий бой барабана, под лязг оружейных затворов зачитали приговор — «к расстрелянию...».

Когда же петрашевцы пережили весь ужас ожидания казни, им объявили «царскую милость». Расстрел заменен каторгой, ссылками в арестантские роты, лишением дворянского звания, прав и состояний...

После расправы над петрашевцами Семенов еще долго жил в смятении чувств, в постоянном тревожном ожидании неизвестной опасности.

Он продолжал работать в Географическом обществе и писать свою диссертацию, но Петербург опостылел ему.

Географическое общество задумало перевести на русский язык труды Карла Риттера по землеведению Азии. Причем общество поставило необходимейшее условие — дополнить труды Карла Риттера новыми материалами по географии Центральной Азии. Эту огромную, сложную, но очень интересную работу общество решило предложить Семенову.

К середине XIX века русская географическая наука накопила массу новых сведений об Азиатском материке, о которых не мог знать Риттер.

Путешествия Карелина до границ Ирана и Китая, исследования Шренка в Джунгарии, экспедиции Миддендорфа в Восточную Сибирь и на берегах Охотского моря, Чихачева и Щуровского на Алтай принесли замечательные результаты. Северо-Уральская, Сибирская, Каспийская экспедиции Гофмана, Маака, Бэра также дали новые богатые материалы по географии Азии. Все это должно войти в дополнения.

Семенов без колебаний согласился на заманчивое предложение общества. Работа над переводом книги Карла Риттера и дополнениями к ней, желание избавиться от тревог петербургской зимы привели его в родное Урусове.

Он вернулся в дорогие его сердцу места.

Ему всего лишь двадцать три года. Он ощущает в себе силы, энергию, у него обширные творческие планы. Он — в самой цветущей поре жизни, и его хватит на тысячу дел...

Семенов улыбнулся, встречая встающее из луговых трав солнце. Жаворонок уже заливался в небе, водяные лилии раскрывали свои чашечки. По влажной тенистой аллее Семенов вернулся в дом. Долго ходил по отцовскому кабинету, потом распахнул окно. Солнце осветило пыльную мебель, книжные шкафы, портреты предков. Строгие суровые лица словно спрашивали у него:

— А что ты сделал во славу рода Семеновых?

Глава 2

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Карл Риттер всю жизнь собирал и систематизировал сведения об Азии. Немецкий ученый сопоставлял, сравнивал, исследовал старинные китайские рукописи и карты, письма монахов, документы чиновников, отрывочные записки купцов. Его интересовали и косвенные материалы разных, не всегда проверенных источников, и географические догадки, и легенды об азиатских землях и народах. Он изучал каждое слово, написанное много веков назад Марко Поло, Карпини, Рубруком, Сюан-Цзяном, Фэ-Сяном.

Долгие годы создавал свой обстоятельный и многотомный труд Карл Риттер. Восемнадцать томов «Землеведения Азии» вобрала в себя почти все, что знала об Азии географическая наука.

«Землеведение Азии» была настольной книгой для всех географов и путешественников. Монументальным этим трудом зачитывались, им увлекались, его изучали. Он возбуждал творческий пыл в молодых географах, звал их к ученой деятельности.

Карл Риттер не просто собирал, систематизировал и красочно описывал географические факты. Он высказал верные и интересные идеи по землеведению. Мысли Риттера о том, как страна влияет на человека, а человек на страну, о развитии стран и народов в зависимости от природных условий оказывали большое влияние на европейских географов.

Внимательно, но и критически перечитывал Семенов «Землеведение Азии». Том за томом, по тысяче страниц в каждом, ложились на его письменный стол. А рядом с ними отчеты, дневники, записки путешественников и географов, только что побывавших в Средней Азии, на Алтае, в Сибири.

За окном цвело и дышало свежестью летнее утро, в густом саду голубели тени. Пестрая тишина сада действовала успокоительно, настраивала на сосредоточенность. Семенов размышлял над «Землеведением Азии», и ему все яснее открывались достоинства Риттерова труда.

«Риттер и его школа превратили мертвый, хотя и систематический сборник фактов в стройный организм науки исследованием законов устройства земной поверхности, законов влияния ее на развитие рода человеческого. Это составило предмет нового направления землеведения

или нового его отдела, которому Риттер дал название сравнительной географии и который относится к географии как философия истории к истории». Так написал Семенов в своем предисловии переводчика к первому тому «Землеведения Азии».

А недостатки Риттера?

Немецкий географ смотрел на землю как на «воспитательное учреждение для человечества в его земном, преходящем существовании». «Человек на земле играет такую же роль, как душа в теле». Иными словами, Риттер искал объяснения деятельности человека на земле в сфере религиозной. Он пытался совместить теологию — религиозную философию с географической наукой.

Семенов не критикует религиозных идей Карла Риттера. Это и понятно и не удивительно. Идеями Риттера во многом была пропитана географическая наука первой половины XIX века. Влияние Риттера испытывал и сам Семенов. Но он прошел мимо религиозных воззрений немецкого географа. Он взял у Риттера самое ценное и самое здоровое — его взгляды о значении географии как науки, его методы систематизации и описания географических сведений. Метод сравнительной географии, разработанный Карлом Риттером, сослужил впоследствии хорошую службу Семенову.

Работа над переводом продвигалась споро и весело. Семенов испытывал творческий подъем духа и радость от сознания, что делает важное дело. Он трудился, забывая обо всем, с утра до вечера. А вечером шел на берега Рановы, в окрестные поля. В часы этих прогулок собирал насекомых — увлечение, перешедшее в страсть и уже никогда не покидавшее его.

По соседству с ним в имении Гремячке поселилась помещица Кареева со своими дочерьми и племянницей. Вскоре помещица пригласила в гости молодого соседа. Семенов явился — вежливый и скромный, — но в душе досадуя, что пришлось оторваться от работы. Досада улетучилась, когда он познакомился с племянницей Кареевой — семнадцатилетней Верой Чулковой. Вера произвела на него «чарующее впечатление, как своими правильными чертами лица венецианского типа, так и своей идеальной скромностью и душевной чистотой».

Он все чаще и чаще посещал имение Кареевой. Его появления в Гремячке ждали. Рассказы его слушали с удовольствием и большим вниманием. Все, что Семенов рассказывал помещице Кареевой, относилось к ее племяннице, — и он чувствовал: она понимает это.

Теперь жизнь приобрела для него новый смысл и новую красоту.

Домик, в котором жили Кареевы, «украшенный умом и приветливостью его хозяйки и озаренный светлой личностью и красотой ее племянницы, казался мне земным раем». Он уже не мог противиться искушению, как можно чаще бывать в Гремячке. Он тосковал в те дни, когда не видел Веру.

Чтобы встречаться с Верой, он бросил комфортабельный кабинет в Урусове и перебрался в деревню Подосинки, неподалеку от Гремячки. Подосинки тоже принадлежали ему. Он поселился в ветхом флигельке, перевез туда книги, рукописи, свои скромные коллекции бабочек. Он ходил в Гремячку в сопровождении огромного ньюфаундлендского пса Сбогара. Иногда ездил в коляске. Пегий мерин тащил экипаж по мокрой лесной дороге, около бежал верный Сбогар, на Семенова осыпались крупные капли росы, а он был погружен в мечты о Вере. «Наконец-то и я встретил такую светлую личность, при сочувствии которой мой жизненный вопрос может быть разрешен без малейших колебаний и бесповоротно».

Незаметно подкралась осень. Желтели березы и клены, свинцовела вода в Ранове, сбивались в стаи перелетные птицы. Он же, совершенно влюбленный, все еще не смел признаться Вере в любви. Ему казалось: Вера не испытывает к нему ничего, кроме дружбы. Задумчивый и печальный, возвращался он в Подосинки через разноцветный осенний лес. Листья шуршали под колесами, их вяло пахнувшими пластами забиты ручьи и лужи. В серых сумерках рожи ему чудились зеленые волчьи глаза — волки уже блуждали по окрестностям Подосинок и Гремячки.

Он входил во флигель, зажигал пальмовую свечу, садился за работу. Перевод первого тома «Землеведения Азии» близился к концу, пора уже возвращаться в Петербург. А он все медлит, все чего-то ждет, не решаясь уехать.

Он так и уехал в Петербург, не объяснившись с Верой, «унося в своей душе образ той, которая первая вывела меня на путь к доселе неведомому мною в жизни счастью».

Географическое общество одобрило семеновский перевод первого тома «Землеведения Азии». Семенов, не теряя золотого времени, принялся за диссертацию.

Диссертацию свою он назвал «Придонская флора в ее соотношениях с географическим распределением растений в Европейской России».

Работа вначале шла вяло, туго, но он быстро увлекся. Прежде чем набросать страничку, бродил по пустынной холостяцкой квартире, обдумывая тему. Он только что написал для «Вестника Географического общества» статью «О важности ботанико-географических исследований в России». Он утверждает: «Ботаническая география имеет особую важность

и необходима каждому географу и путешественнику». А почему необходима? Почвы, климат, вид внешней поверхности в разных частях земли очень различны. И различия эти — географическая особенность каждой страны. Они — эти различия — «выражаются в живом растительном покрове земной поверхности, производящем первое впечатление на человека и высказывающем тому, кто умеет читать в книге природы живым и наглядным языком многие из ее законов».

Каждый путешественник, который поднимался на высокие горы, знает, как постепенно изменяется растительность. Одни породы и формы сменяют другие. Климат тесно связан с растительностью, а растительный покров влияет на ландшафты местности. «В горах климаты лежат, как бы слоями друг над другом», — об этом говорил еще старик Гумбольдт. «Растительность реагирует на каждое изменение природной среды. А природа изменяется и естественным путем и под влиянием человеческой деятельности». Вот почему каждому ученому необходимо знать ботаническую географию, если он хочет «приискать... ключ к этому красноречивому языку природы».

Он продолжал раздумывать над диссертацией, радуясь, что собрал во время путешествия по черноземной полосе богатые факты и доказательства. «Страна, избранная мною для ботанико-географического исследования, занимает пространство более 6000 миль и почти совпадает с бассейном Дона». Эти обширные пространства несхожи между собою в ботаническом и физико-географическом отношениях.

В. А. Семенова. 1851 г.

П. П. Семенов. 1851 г.

Ф. П. Литке.

К. М. Бэр.

Семенов тщательно характеризует растительный покров по его местонахождению. От взора диссертанта не ускользают ни стоячие, ни текущие водоемы, ни болота, ни степи, ни меловые холмы, ни солончаки. Он обращается к культурным растениям и рассматривает их влияние на почву в огородах, садах, полях, бахчах. Он дает сравнительную характеристику Верхнего и Нижнего Дона в геологическом и геоботаническом отношениях, объясняет происхождение придонских песков. Размыты нагорного берега, песчаные отложения на луговом, перемещение песков по донской степи, эрозия почвы под действием ветров и весенних половодий в центре его внимания.

Следуя методу Александра Гумбольдта, он рассматривает донскую флору в комплексе всех условий местности. Он анализирует ее в тесной связи с географией, а географию — с геологическим строением Донского бассейна.

Материалы и наблюдения своего путешествия он заключал в стройную и убедительную систему научных обобщений.

Диссертация удалась. Он успешно защитил ее перед ученой комиссией. Ему присудили звание магистра ботаники.

У молодого магистра ботаники, незаметно для него самого, выработалось чудесное правило — закончил одно дело — принимайся за новое. А из новых дел — самое срочное — перевод второго тома «Землеведения Азии».

Чем больше работает он над переводом, чем обстоятельнее знакомится

со всеми материалами об Азии, тем сильнее и ярче разгорается в нем интерес к Азиатскому материку. Теперь уже ему самому хочется путешествовать по бесконечным просторам Азии, исследовать ее горы и степи, долины и ущелья. Изучить их, сопоставить личные наблюдения с наблюдениями других географов. Фактами проверить теоретические размышления Карла Риттера или Александра Гумбольдта. Александр Гумбольдт утверждает, что горная страна, называемая Тянь-Шанем, имеет вулканическое происхождение. Семенов согласен с гипотезой Гумбольдта. Но всякая гипотеза требует доказательств, а вот доказательств-то пока нет.

Пройдет полвека. В своих мемуарах Семенов расскажет, как зарождалась и созревала его мечта о путешествии в Небесные горы. Он напишет:

«Манил меня в особенности к себе самый центральный из азиатских горных хребтов — Тянь-Шань, на который еще не ступала нога европейского путешественника. Проникнуть в глубь Азии, на снежные вершины этого недосягаемого хребта, который великий Гумбольдт считал вулканическим, и привезти ему несколько образцов из обломков скал этого хребта, а домой — богатый сбор флоры и фауны новооткрытой для науки страны — вот что казалось самым заманчивым для меня подвигом...»

Но пока он может лишь мечтать о географических подвигах. Предстоит кропотливая подготовительная работа. И он работает, не разгибая спины, забывая театры, концертные залы, светское петербургское общество. Лишь короткие встречи с друзьями разнообразят его будни.

Весной 1851 года Семенов возвращается в свое Урусово. Взволнованный, взбудораженный ожиданием встречи с Верой, едет в Гремячку.

Его встречают как доброго друга. Он снова во власти любви, опять ежедневно встречается с Верой, но по-прежнему молчит о своем чувстве.

Однажды тетюшка Любовь Андреевна остановила племянника и спросила прямодушно:

— Подумал ли ты о том, что твои частые посещения Кареевых могут вскружить голову девушке? Ты не собираешься жениться, зачем же делать ее несчастной?

Он ответил с живостью:

— Если бы я имел счастье заметить, что Вера питает ко мне те же чувства, что я к ней, я бы немедленно предложил и руку и сердце.

Не смея сделать предложение лично Вере, он решил поговорить с ее воспитательницей Екатериной Михайловной Кареевой.

— Вера любит вас всей душою. После вашего отъезда она так

тосковала, что я боялась за ее здоровье, — ответила Екатерина Михайловна ему, растерявшемуся от счастья.

Он упросил Карееву переговорить с Верой и, пообещав приехать за ответом через три дня, вернулся домой. «Зачем я положил себе трехдневный срок, я сам не знаю, но эти три дня были для меня невыразимым мучением. Ни сна, ни покоя».

К вечеру третьего дня он приехал за ответом.

— Ступайте в сад и объяснитесь сами, — сказала Кареева.

Он сидел на садовой скамейке с боязнью и страхом и в таком душевном волнении, что не находил нужных слов для объяснения. Когда в саду появилась Вера, он понял: слова и объяснения излишни. «Передо мной был светлый, чистый образ моей любящей и беззаветно любимой невесты».

Они поженились уже глубокой осенью. В Петербург Петр Петрович в зиму 1852 года не поехал. Счастливый день превратился для него в светлый год семейной жизни и научной работы. Он работал легко, весело, вдохновенно. В этот год он открыл для себя важную истину, что «наука не довольствуется одними сырыми материалами самостоятельных наблюдений, разбросанными в массе разнообразных изданий и литературе разных наций, не соединенных общими взглядами. Она требует их слияния в общее целое».

Этот же год дал ему богатейшие наблюдения над отношениями между помещиками и крепостными. Если мальчиком он по-детски негодовал на крепостное иго, то сейчас искал причины растлевающего влияния крепостничества и на помещика и на мужика.

Семенов узнавал новые и страшные по своему произволу и варварству происшествия из быта помещиков.

Вот его сосед — уездный предводитель дворянства. «Он давал в своем имении пиры для одних Мужчин своего уезда. На пирах этих гости, после обеда с обильными винными возлияниями, выходили в сад, где на пьедесталах были расставлены живые статуи из крепостных девушек, предлагаемых гостеприимным хозяином на выбор». Другой уездный предводитель дворянства, «страстный меломан и еще более страстный охотник, содержал свой собственный оркестр и свою охоту... Охотники и музыканты были одни и те же лица из крепостных людей, которые е раннего утра садились на коней и отправлялись с ним на охоту, а по вечерам собирались в оркестр музыки, в обеденное же время прислуживали за столом». Этот уездный предводитель дворянства сменял целую деревню на охотничью свору.

Преступления орловских помещиков — князя и княгини Тютчевых были настолько чудовищными, что о них пришлось доложить Николаю Первому. Царь велел произвести строгое следствие, и княжеская чета отправилась в Сибирь. Случай редчайший, когда царь карал крепостников.

Крепостные отвечали на произвол помещиков тайной местью.

Семенов отмечал: «Не проходило года, в течение которого мы бы не слышали об убийстве кого-либо из помещиков своими крестьянами. Последнее из этих убийств близко мне знакомого помещика, свояка дяди моей жены, совершилось как раз в нашей местности.

Одного из наших дальних соседей кн.* взбунтовавшиеся крестьяне пощадили после переговоров с ним, ограничившись тем, что высекли его и взяли с него слово, что он не будет им мстить. К чести его необходимо сказать, что он сдержал свое княжеское слово».

Семенов все больше задумывается над проблемами крепостничества, над судьбой крестьянства. В уме его все настойчивее вызревает мысль: «Россия не может более оставаться в тех окаменевших безжизненных формах, которые стесняли ее свободное развитие. И казалось мне, что узел этих пут, связывающих развитие русского народа, заключался в крепостном праве, одинаково парализовавшем обе главные национальные силы: многомиллионное крестьянское сословие и передовое по своему образованию дворянство».

Осенью 1852 года Семеновы переехали из деревни в Петербург. В Петербурге у них родился первенец. Сына назвали Дмитрием. Все было хорошо в жизни Семенова — полное семейное счастье, любимая работа, умные сердечные друзья.

Он заканчивал перевод второго тома «Землеведения Азии», опубликовал большой географический очерк «Описание Новой Калифорнии, Новой Мехики и Орегона в физическом, политическом и этнографическом отношениях».

Живым и образным языком, обстоятельно и строго научно он излагал свои взгляды на комплексное изучение природы и народов. В очерке он рассматривал историю стран, их географию, геологическое строение земли, растительный покров, животный мир, а также этнографию народов. «Описание Новой Калифорнии, Новой Мехики и Орегона в физическом, политическом и этнографическом отношениях» явилось событием в русской географической науке. В это же время он написал свое ставшее знаменитым предисловие переводчика к «Землеведению Азии». Он высказывает в нем свои заветные мысли о назначении науки и ученых.

«Наука в наш реальный век — уже не есть туманное отвлечение

схоластических умов: она есть самопознание, познание окружающих предметов и сил природы, умение подчинить их своей власти, употребить их для нужд своих и потребностей...

Поэтому стремлением каждого ученого, если он не желает остаться холодным космополитом, а хочет жить одной жизнью со своими соотечественниками, должно быть, кроме старания подвинуть абсолютно вперед человеческое знание, еще и желание нести его сокровища в жизнь народную...»

Неожиданно и тяжело заболела Вера. Доктора, выслушав больную, объявили Петру Петровичу, что у жены его скоротечная чахотка. «Как громом был я поражен этим страшным приговором... Когда же на другой день я поднялся на своей постели, то почувствовал, что не только не мог произнести ни одного слова, но даже совсем не мог разжать своих челюстей... Появилось страшное повышение температуры...»

Послали за докторами, за священником. Священник приготовился причастить Семенова без исповеди. Явились лучшие петербургские врачи. После осмотра больного состоялся консилиум. Тифозная горячка с воспалением мозга — был диагноз врачей. Знаменитый доктор Здекауер сказал: больной не проживет и трех дней, возможностей спасти его нет. К мнению Здекауера присоединился доктор Бензингер. Только старый врач Марголиус, друг дома Семеновых, не терял надежды. Он решил испробовать последнее средство — теплую ванну со льдом на голове. Больной может умереть в такой ванне, но средство это единственное и последнее.

Семья проконсультировалась со знаменитым Здекауером.

— Он не выйдет живым из ванны, — ответила знаменитость. — Но если случится чудо и он выживет, рассудок не возвратится к нему...

Петра Петровича вынули из ванны без признаков жизни. Он лежал на постели неподвижно, с закрытыми глазами. Марголиус, приложив ухо к его груди, долго не мог уловить сердцебиения. Больной же находился в полном сознании, все слышал, все чувствовал, но не мог приоткрыть глаз, пошевелить пальцем, сказать слово. «Несмотря на полную невозможность обнаружить какие бы то ни было признаки жизни, я размышлял о том, есть ли то состояние, в котором я находился жизнь или смерть?.. Смерти я не страшился. Единственное мое желание, если бы я мог его формулировать, состояло в том, чтобы быть в одном мире с моей милой Верой... Наконец, я почувствовал, как доктор Марголиус встал, отошел от меня и сказал кому-то: он жив, и теперь я надеюсь на его выздоровление...»

Как ни странно, способ лечения, примененный Марголиусом,

действительно помог. Петр Петрович выздоровел. Но Вера быстро угасала. Скоротечная чахотка делала свое разрушительное дело. «Наступил роковой день. Она скончалась тихо и спокойно, призвав ночью к своей постели всех, на ком сосредоточивалась ее любовь».

Петр Петрович был разбит и физически и нравственно. Ему теперь казалось: жизнь утратила свое значение и смысл. Опустошенный, бродил он по петербургской квартире, и ничто не могло избавить его от тяжелых дум.

На помощь опять пришел старый друг Марголиус.

— Поезжайте за границу, дальше от мест, которые напоминают о Вере, — посоветовал доктор.

Петр Петрович согласился. Сына его Дмитрия увезла в деревню тетюшка Любовь Андреевна. Петербургскую квартиру заколотили.

Весной 1853 года он выехал пароходом в Любек.

Глава 3

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЕВРОПЕ

Мрачный, замкнутый, одинокий, путешествовал он по Германии. Посетил Гамбург, Ганновер, Бонн, Кельн, поднимался на легендарный Брокен, пешком прошел по Гарцу. «Жизнь моя казалась мне настолько разбитою моим утраченным счастьем, что нужно было глубоко обдумать, с чего начать новую жизнь, казавшуюся мне как бы загробного. Посвятить все свои силы каким-нибудь тяжелым, но полезным для своего отечества подвигам — вот что казалось мне единственно возможным выходом из моего непроглядного горя...»

На берегах Рейна он осматривал старинные замки. Многие из них превратились в музей средневекового оружия, мебели, утвари. В этих замках-музеях бережно сохранялась обстановка рыцарского быта, феодальной жизни средневековой Германии. Старинные замки были реставрированы.

Горечь и раздражение испытывал Петр Петрович при мысли, что русское дворянство пренебрежительно относится к памятникам родной истории. Он невольно вспоминал свое посещение поля Куликовой битвы. Изучив все летописи о знаменитой битве, он все же с трудом узнавал границы леса, где когда-то скрывалась засада князя Владимира Андреевича и Боброка, или места на реке Непрядве, в которой тонули татары. Силой собственного воображения воскрешал он и ход битвы, и бегство Мамая, и народные легенды о великом событии в истории русской.

В начале XIX столетия помещики распахали Куликово поле. Во время распашки были найдены бесценные реликвии исторической битвы. Все они погибли в пыли помещичьих сараев.

Он продолжал путешествовать по Европе, и все интересное, все достойное привлекало его внимание.

На Гарце он интересуется жизнью и экономическим положением немецких крестьян.

В Бонне знакомится с университетским городком, студенческими корпорациями.

В Семигорье, при восхождении на горные вершины, его особенное внимание привлекают вулканические породы.

В Майнце он посещает крепость, где квартируют прусские и австрийские гарнизоны. По приглашению офицеров он слушает лекции о

фортификации и артиллерии. Уже носят слухи о предстоящей войне с Россией, и ему хочется знать, есть ли какие преимущества у европейских войск перед нашими.

С грустью убеждается: военное преподавание в Германии проводится на более практической основе. Немецкие солдаты отлично вооружены. «Вооружение наших войск, не исключая и гвардии, было приспособлено только к маршировке на парадах, к красивому построению войск развернутым и сомкнутым строем... Само оружие солдат было никуда негодно».

Он вспоминает: тульский оружейный завод поставляет в армию заведомый брак. Из казенного ружья, говорят солдаты, невозможно стрелять. Оружие подвергается беспрестанной чистке, как наружной, так и внутренней. Этот парадный блеск и глянец приводит в окончательную негодность солдатские ружья. «Русская боевая сила, которая казалась нам такой многочисленной и блестящей, была только миражем». Ко всему этому надо добавить чудовищные злоупотребления, казнокрадство, палочную дисциплину. Против казнокрадства в армии бессилён даже Николай Первый. «Он четырех полных генералов разжаловал в солдаты за растрату делопроизводителем миллиона рублей из инвалидного капитала, бывшего под их наблюдением». Но что может изменить эта мера?

Злоупотребления, прекращаемые в одном месте, возникают в других. А русское образованное общество стеснено в своем духовном развитии. Если начнется война между Россией и европейскими державами, то она «будет неминуемо нами проиграна». Семенову тяжело, страшно думать о такой мрачной перспективе. «Так идти вперед Россия не может... Должна наступить пора коренных реформ во всем строе русской жизни, и главный узел этих реформ будет заключаться в отмене крепостного права...»

Из Германии Семенов переезжает во Францию.

В Вогезах он ходит по французским деревням, расспрашивая крестьян об их быте, вникая в аграрные и экономические условия их жизни. Из Вогез он спешит в Париж — слухи о войне все усиливались. Он опасается, что в Париже узнает о начале войны против России. Его опасения оправдались: Франция объявила войну.

Парижские газеты переполнены антирусскими статьями. Дух военного ажиотажа царит на бирже, буржуа и королевские сановники требуют победоносного наступления. Шовинисты кричат о славе французского оружия, вспоминают наполеоновские победы. Семенов жадно читает парижские газеты с их военным угаром, горько повторяя стихи Аксакова:

Европа против нас, окружено врагами
Отечество со всех сторон...
Мы слышим клеветы, мы слышим оскорбленья
Тысячеглавой лжи газет.

Еще в Германии он раздумывал над тем, как поступить ему, если начнется война. Вернуться в Россию, отправиться на фронт? После долгих, мучительных раздумий он решил посвятить свое пребывание за границей подготовке к двум уже твердо намеченным целям жизни: путешествию в Центральную Азию и деятельному участию в будущих реформах.

Участвовать в войне, которая наверняка будет проиграна, он счел для себя бессмысленным.

В Париже Семенов посещает картинные галереи, и музеи, и прежде всего Лувр. В Лувре он познакомился с собранием картин великих живописцев. «Тут только спала завеса с моих глаз, и, взглядываясь в великие произведения живописного искусства, я так увлекся ими, что, изучая постепенно историю живописи и посещая все доступные мне галереи и частные собрания картин, сделался впоследствии не только страстным коллекционером, но и экспертом художественных произведений...»

Особенно сильное впечатление после Леонардо да Винчи произвели на него картины нидерландских художников. Творения Рембрандта, Рубенса и «маленьких голландцев» покорили Семенова. Новая страсть родилась в нем — коллекционирование картин нидерландских живописцев.

К началу летнего семестра 1853 года Семенов приезжает в Берлин и поступает студентом в Берлинский университет. Лекции, избранные им для слушания, строго приспособлены к задуманному путешествию по Средней Азии. «Хорошо знакомый с биологическими науками, я задался целью усовершенствоваться в цикле наук геологических и географических».

Он посещает лекции по геологии осадочных пород, которые читает профессор Бейрих. Слушает лекции профессора Розе о геологии кристаллических пород, и профессора Дове — о метеорологии, и профессора Шахта по истории развития растений. Но, конечно же, самое главное для него в берлинском университете — это лекции Карла Риттера.

Риттеру было за семьдесят. Высокий, массивный старик с открытым широким лбом, с клочками седых волос, черными умными глазами подкупал студентов своими блестящими лекциями. Лекции его отличались ясностью мысли, темпераментом, силой изложения.

Про Карла Риттера говорили, что он поэт географической науки. И о

нем же шутили — Риттер-де путешествовал по Гималаям и Тянь-Шаню, не покидая своего кабинета. Он переплывал азиатские реки, но во сне. Его заметали бури Гобийской пустыни и сибирские бураны, и он просыпался от страха в мягкой постели с колпаком на вспотевшей голове...

В шутках таилась правда.

Риттер бредил географическими открытиями — его мечты не стали реальностью. Он принадлежал к тем, чьи желания и замыслы безжалостно обрываются жизнью. Старые документы дышали пылью, запахи жизни и времени из них уже давно улетучились, но поэт-ученый в своей книге воссоздавал природу неведомых ему стран. И поэтическое видение мира и страсть к познанию его увлекала слушателей и читателей Карла Риттера.

Риттер и Семенов познакомились. Риттер сразу полюбил и высоко оценил своего переводчика и комментатора. Он даже говорил студентам и профессорам университета:

— Те, кто интересуется географией Центральной Азии, пусть обращаются к господину Семенову. Он больше меня знает об азиатских странах.

Они часто встречались друг с другом и беседовали. Темой бесед была главным образом география азиатских стран и особенно никому неведомый горный хребет Тянь-Шань. Они задавали друг другу вопросы, но не находили на них ответа.

И действительно, как было ответить на вопрос о размере и глубинах Иссык-Куля — этого огромного таинственного озера? И верно ли, что из Иссык-Куля вытекает река Чу? И на самом, ли деле Нарын является истоком среднеазиатской реки Сыр-Дарьи? А Хан-Тенгри — высочайшая ли точка Небесных гор?

На все эти вопросы пока еще нет ответов. Все неясно, туманно, неопределенно, загадочно — от флоры и фауны до народов, населяющих Небесные горы, до степей и пустынь, к ним прилегающих.

В Берлине Семенов сошелся с немногими из товарищей по университету. Среди друзей его были: молодой доктор философии Густав Иенчиш, доктор геологии Сёхтинг и будущий знаменитый ученый Фердинанд Рихтгофен. Любознательный, горевший страстью к путешествиям Рихтгофен с увлечением слушал рассказы Семенова о России, о Средней Азии. А когда Петр Петрович посвятил его в план своего предполагаемого путешествия на Тянь-Шань, Рихтгофен увлеченно воскликнул:

— Замечательная идея — проникнуть на неведомый хребет из России! Я последую вашему примеру и тоже доберусь до Тянь-Шаня, но из

пределов Китайской империи...

Петр Петрович познакомился с докторами Мюнхенского университета, братьями Адольфом и Германом Шлагинтвейтами. Шлагинтвейты тоже задумали путешествие на Тянь-Шань, но через Индию.

Теперь еще три человека, кроме Петра Петровича, мечтали раскрыть для географической науки тайны и загадки Небесных гор, но среди них не было соперничества. Они обсуждали между собою все подробности и все трудности предстоящих экспедиций. Братья Шлагинтвейты сообщили Семенову, что идею их путешествия поддерживает сам Александр Гумбольдт.

Петр Петрович решил встретиться со знаменитым географом. Он написал Гумбольдту письмо. Ответ не заставил себя ждать. «Я буду рад видеть господина Петра Семенова и обсудить с ним проект научного путешествия», — писал Гумбольдт.

С волнением шел Петр Петрович к человеку, которого считал величайшим географом мира.

Провели его в огромный кабинет, от потолка до пола заставленный книжными полками. На стенах висели географические карты, на столе поблескивал глобус, по углам валялись кокосовые орехи. Глыбы зеленого малахита, горного хрусталя, обломки красочных яшм и порфиров, белого кварца и черного мрамора лежали вперемежку с ноздреватыми пластинами амазонского каучука и жемчужными раковинами.

Солнечный свет скользнул по стене, озарив кипящий пеною водопад. Над письменным столом висела картина «Ниагарский водопад» — удивительное зрелище стихийной мощи и красоты. «Он же был на Ниагаре», — подумал Семенов и покосился на раковины. Он собирал эти раковины в Южной Америке. Малахитовые глыбы густо зеленели, куски мрамора откидывали черные тени. Он был на Урале, на Алтае, возможно мрамор и малахит привезены им из России.

Дверь открылась, на пороге стоял сгорбленный старичок, и как-то не верилось, что это всемирно известный путешественник и географ Александр Гумбольдт.

Гумбольдт протянул источенную временем руку, Семенов осторожно пожал ее. Гумбольдт со вспыхнувшим в глазах интересом следил за молодым географом, статью которого «О вулканических явлениях во Внутренней Азии» он недавно прочел. Статья пропагандировала его, Гумбольдтову, гипотезу о том, что Тянь-Шань вулканического происхождения.

Гумбольдт неторопливо убрал с кресла раковины.

— Прошу, господин Семенов.

Петр Петрович сел, сложив на груди руки, обхватив пальцами локти. Гумбольдт зашел за стол, опустился в кресло и стал еще меньше — лишь узкая голова покачивалась над столом.

Семенов вдруг понял, что этот заваленный книгами, экзотическими вещами и предметами, украшенный картинами, увешанный географическими картами кабинет интересен ему потому, что в нем передвигается сухонький старичок во фраке. Твердые, как слоновая кость, воротнички поддерживают его трясущуюся голову.

— Так вы собираетесь проникнуть во Внутреннюю Азию? — спросил Гумбольдт, кладя на стол тонкие белые пальцы.

— Это стало моей заветной целью.

— Я много лет мечтал о путешествии на Тянь-Шань, — вздохнул Гумбольдт. — Теперь уже не могу сделать свои мечты реальностью. Поздно. Слишком поздно. Исследование Небесных гор — одна из самых славных задач современной географической науки. — Он опустил трясущуюся голову. — Я мог бы умереть спокойно, если вы привезете мне вулканические обломки с Небесных гор, — шутливо добавил Гумбольдт.

Они смотрели друг на друга поверх большого разноцветного глобуса.

— Я лишь одного опасюсь, — продолжал Гумбольдт, — я боюсь, господин Семенов, что вам не удастся проникнуть в Небесные горы. Перед вами почти непреодолимые трудности. Там идут междоусобные войны, азиатские племена не пропускают к себе европейцев.

Гумбольдт крутанул голубой бок земного шара, глобус завертелся, отбрасывая от себя солнечные искры. Новым прикосновением пальца Гумбольдт остановил вращающийся шар.

— Вот она, Азия. Я касаюсь загадочного «белого пятна», называемого Тянь-Шанем. Кстати, вы уже совершали восхождения на горные вершины?

— Пока нет.

— Вам необходимо привыкнуть к горной высоте, к разреженному воздуху. Нужна тренировка. Отправляйтесь в Альпы, проверьте свои силы перед путешествием на Тянь-Шань.

Старый географ помолчал, потом спросил, почему Русское географическое общество решило перевести книгу Карла Риттера, а не его сочинения о Центральной Азии.

— Русские ученые, стремящиеся в глубь Азии, давно уже ознакомлены с каждой строкою ваших творений, господин Гумбольдт, — ответил Семенов. — Ваши научные воззрения вдохновляют путешественников, они готовы пожертвовать своей жизнью, чтобы исследовать те местности и те

явления природы, которым вы придаете особое значение. А труд Карла Риттера вроде справочной книги. Она нужна путешественнику, и можно дополнять ее новыми сведениями.

Гумбольдт поднялся из-за стола. Оглядел коренастую сильную молодую фигуру Семенова. Сказал на прощанье:

— Я радуюсь, что Небесные горы будут штурмовать с двух сторон. Вы — из России, братья Шлагинтвейты — из Индии. Приветствую вашу решимость и желаю успеха.

После летнего семестра в университете Семенов отправился в Швейцарию. Он прошел Бернские альпы, побывал на Тунском, Бриенцком, Фирфальдштетерском озерах.

С профессором Бейрихом он совершил геологическую экскурсию на Гарц. Профессор учил его производить съемки, определять высоты, исследовать обнажения горных пород. Они ночевали на постоянных дворах, иногда же у костра на берегу речушки беседовали о науке и об ученых. Добродушный профессор недоуменно говорил:

— Я помню многих русских, учившихся в Берлинском университете. Это были очень даровитые люди. Почему же они исчезают бесследно, ничего не совершив для науки? По крайней мере в Германию о талантливых этих людях не доходит никаких известий.

Вопросы профессора Бейриха удручали Семенова. Он долго объяснял своему учителю, что русская жизнь «неумолимо засасывала почти каждого выдающегося человека».

Он рассказал профессору трагическую историю о русском геологе Пахте. Молодой ученый исследовал среднюю девонскую полосу России. Вернулся в Петербург из экспедиции в крайней нужде. Сдал свой отчет в Географическое общество, а на работу так и не смог устроиться. Не желая нищенствовать и голодать, талантливый геолог застрелился.

Рассказывая эту печальную историю, Семенов думал, как тяжело ему «сознаваться перед иностранцем в том, что занятие чистой наукой могло в то время привести у нас к голодной смерти».

Он вернулся в Берлин на зимние занятия в университете. В зиму 1854 года Семенов решил закончить курс лекций и разработать план своего путешествия. Жил он уединенно и, кроме университетских друзей, встречался только с работниками русского посольства. В посольстве о неудачах Крымской войны старались не говорить. Лишь секретарь князь Лобанов-Ростовский откровенно беседовал на эту тему с Семеновым. Петр Петрович горячо доказывал князю: война неминуемо будет проиграна, но после войны в России наступит эпоха реформ.

Окончив семестр в университете, распрощавшись с берлинскими друзьями, Семенов снова отправился в Швейцарию. Пешком, без проводника прошел он Сен-Готард, Сен-Бернар. Осенью 1854 года он переехал в Италию. Побывал в Милане, Турине, Генуе, Флоренции. Природа Флоренции поразила его серой зеленью оливковых рощ, темной листвой лавров. Из Флоренции отправился в Пизу, где прожил несколько недель.

Он осматривал итальянские музеи и картинные галереи, развалины Помпеи и Пестума. Выезжал на острова Капри и Искию, знакомился с вулканическими явлениями на Везувии. «На Везувий я восходил 17 раз со всех сторон, спускаясь по временам и в кратер, в то время сильно заполненный дымом».

Местные жители говорили ему, что скоро начнется извержение Везувия. Он решил обязательно побывать при этом грандиозном зрелище.

В Неаполе он нанял маленькую квартирку с чудесным видом на темно-синее море и дымящийся Везувий. С моря дул сирокко, стояла удручающая жара, невозможно было долго ходить по неаполитанским улицам. Сидя на балконе, Семенов вновь перечитывал все книги об Азии, обдумывая программу своего путешествия. Изредка его посещал русский посланник Кокошкин.

Старик посол почти не имел вестей из России, интересы которой он представлял в Неаполитанском королевстве. Шла Крымская война, и «Министерство иностранных дел в это тяжелое для него время совершенно забывало о существовании своего посольства в Неаполе».

Однажды в квартирку к Семенову торопливо и нервно постучали. Он открыл дверь: на пороге стоял бледный, испуганный, трясущийся Кокошкин.

— Что случилось? — невольно пугаясь за посланника, спросил Семенов.

— Неаполитанский король получил печальные вести. Его императорское величество государь Николай Павлович скончался. Король Фердинанд приказал наложить на свой двор траур, а я, русский посланник, не имею до сей поры вестей не только о кончине государя, но даже о болезни его. Посоветуйте, Петр Петрович, как мне поступить при таких прискорбных обстоятельствах?

Посланник действительно был в затруднительном положении. Кокошкин и Семенов решили: если неаполитанский двор «облекся в глубокий траур, то русский посланник может и должен надеть этот траур, но панихид, до официального извещения о кончине императора, служить

невозможно»...

Смерть Николая Первого поразила Семенова. Как верноподданный дворянин (чей род, и судьба рода, и судьба его самого давно и прочно переплелись с судьбою русской монархии и зависели от нее), Семенов искренне скорбел о смерти царственного жандарма. «Не стало государя, соединявшего величие души с истинной и глубокой преданностью своему отечеству... Он пал сам под бременем тяжелого убеждения, что его тридцатилетнее царствование не привело Россию к тому идеалу силы и славы, о котором он мечтал...»

На закате своих дней Семенов писал эти слова о Николае Первом.

Слова эти ярко характеризовали бы его как монархиста, если бы не было иных, им же произнесенных. Тут же Семенов писал: «Мне казалось, что какое-то тяжкое бремя, какой-то кошмар, стеснявший свободу в России, свалился с наших плеч... Представлялось, что по возвращении в отечество будет нам дышаться свободнее, что устранятся многие препятствия на пути к развитию в России истинной свободы и просвещения...» Как бы ни идеализировал Семенов Николая Первого, он не мог не сознавать, что с именем императора связаны самые мрачные страницы русской истории, что смерть его должна вызвать к жизни могучую волну общественного подъема и коренные преобразования в русской действительности. Он давно уже готовил себя к активному участию в этих преобразованиях.

Так в одном и том же человеке боролись два противоречивых начала, две противоположные идеи.

После известия о смерти Николая Первого Семенов поехал в Рим. Едва успел вступить он на улицы Вечного города, как из Неаполя пришло известие: началось извержение Везувия. Извержение давало ему счастливую возможность «увенчать свои достаточно продолжительные наблюдения над вулканическими явлениями».

Он помчался обратно в Неаполь.

Извержение уже началось. Семенов поднялся на вершину вулкана, встал на обрыве кратера. Он смотрел, как «огненный поток ворвался в глубокое ущелье и падал в него каскадом, потом как бы покрывался черными льдинами, а затем превращался в гигантскую кучу черных и красных углей». Чтобы лучше видеть это зрелище, Семенов подходил к краям лавы, осматривал ее с разных точек. Он даже спускался в ущелье и шел перед потоком, высота которого в пять раз превышала человеческий рост. «Поток подвигался так медленно, что можно было стоять перед ним, постепенно отступая».

Две недели он пробыл в Неаполе, изучая извержение Везувия и

вулканические явления.

И вот наступила пора возвращаться на родину.

Он распрощался с посланником Кокошкиным. Последний раз оглядел дымящийся Везувий, лазурный Неаполитанский залив и уехал в Венецию.

С тихой грустью ходил он по площади Святого Марка, мимо дворца венецианских дождей и вспоминал свою так рано умершую Веру. Вспоминал и о том, что бабушка жены была из знатной фамилии Мочениго, когда-то давшей не одного дожа Венецианской республике.

Он не стал задерживаться в Венеции. Через Вену, Прагу, Дрезден, Кенигсберг возвращался он в Россию. В маленьком грязном местечке Таурогоне у русской границы он несколько дней ожидал мальпоста, скучая, читал старые газеты. Печально бродил по местечку, пока не познакомился с таким же печальным, как сам, евреем.

Еврей, мелкий почтовый чиновник, робко попросил Семенова о неожиданной услуге — быть шафером на его свадьбе. Семенов отнекивался, говорил, что он вдовец, но грустный еврей просил так робко, так умоляюще, что пришлось согласиться. «Вытащив из чемодана фрак и белый галстук, я фигурировал на свадьбе...»

Через три дня он добрался до Петербурга.

Глава 4

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Русское географическое общество возникло в 1845 году и было самым молодым среди других таких же учреждений мира. До него существовали только Лондонское, Парижское и Берлинское.

Идея о необходимости общества давно жила среди передовых русских людей. Идею превратили в реальность адмиралы Литке, Крузенштерн, Беллинсгаузен, Врангель, академики Бэр, Струве, Кеппен, офицеры главного штаба Вронченко, Муравьев, Берг, общественные деятели и писатели Даль, Арсеньев, Чихачев, Одоевский и еще многие другие.

На квартире Владимира Ивановича Даля состоялось собрание учредителей общества.

Среди них были мореплаватель Врангель, путешественник Бэр, историк Веселаго, статистик Заблоцкий-Десятовский, астроном Струве, географ Шренк, адмирал Анжу.

Владимир Иванович Даль зачитал составленную им и Литке записку в министерство внутренних дел:

«...Для любителей и ценителей географии, этнографии и статистики, приняв во внимание эти слова в самом обширном значении, издавна ощутителен в России недостаток общества, которое имело бы целью воздвигание и распространение географических наук.

Главной задачей общества сего было бы собрание и распространение как в России, так и за пределами оной возможно полных и достоверных сведений о нашем отечестве:

— В отношении географическом, понимая под этим словом не один только подбор бездушных чисел, не одну количественную статистику, но и описательную или качественную, то есть все соизмеримые стихии общественной жизни.

— В отношении этнографическом познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, общественной и языковедения, как в нынешнем, так и в прежнем состоянии народов...»

Даль читал отдельно и немного торжественно. Записка подрагивала в его вытянутой руке, длинные белесые волосы шевелились над узким лбом. Даль когда-то дружил с Пушкиным. Поэт перед смертью подарил ему рукопись «Сказки о рыбаке и рыбке».

Владимир Иванович продолжал чтение. Академик Карл Максимович Бэр, опутив черно-голубые глаза, сидел в кресле громоздкий и молчаливый. У него толстое, шершавое, с широковатым носом и оттопыренными губами лицо. Седая грива закрывала шею, жирные щеки сползали на воротник.

Рядом с академиком Бэром сутулился адмирал Врангель, маленький, сухонький, разглаживая пышные бакенбарды и одобрительно кивая головой. Мореплавателю с железным характером, враг бюрократов — таким знали в Петербурге Врангеля.

Ему исполнилось пятьдесят лет. Возраст не такой уж древний, а за плечами адмирала богатая событиями жизнь. Восемнадцатилетним мичманом участвовал он в кругосветном плавании капитана Головнина. В двадцать восемь лет был главным правителем русских колоний в Америке. В сорок совершил свое знаменитое путешествие в северные моря.

Адмирал слушал Даля и думал о том, что на первом же заседании общества он выступит с докладом «О средствах достижения Северного полюса». Он предложит покорить полюс на собаках из Гренландии.

Признательные потомки позже назовут в честь него самый северный остров России островом Врангеля. А путешественник Пири достигнет Северного полюса способом, им предложенным.

Напротив Врангеля удобно устроился в кресле еще никому не известный человек с тонким красивым лицом. Перебирая пальцами кисти бархатной скатерти, он и прислушивался к словам Даля, и следил за тяжелым лицом Бэра, и любовался добродушной физиономией Врангеля. Это был астроном Струве.

Пройдет немного времени, он превратит Пулковскую обсерваторию в астрономическую столицу мира...

Облокотившись о стол, слушал записку Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский — энтузиаст статистики, решительный противник крепостного права.

Андрей Парфенович давно одержим одной идеей — создать Русский статистическо-географический словарь. Значительно позже, совместно со своим зятем Петром Петровичем Семеновым, он осуществит эту идею.

Даль закончил чтение:

— «Чтобы круг действий общества и последствия этих действий были в какой-нибудь соразмерности с обширностью и важностью предмета и сколько-нибудь отвечали достоинству Империи, необходимы способы, кои оно может почерпнуть только из одного источника — милости монаршей...»

Даль положил записку на стол, осторожно прижал ее пальцами. Многозначительно повторил:

— Да, только из одного источника — милости монаршей! Посему предлагаю избрать почетным председателем Географического общества его высочество великого князя Константина Николаевича...

— А кого мы выберем вице-председателем? — спросил Даль.

— Литке, Федора Петровича, — предложил Врангель. — Он самый достойный и самый авторитетный из нас.

Дважды адмирал Литке пересек экватор, четырежды пробирался сквозь полярные льды. Он совершил географические открытия на побережьях Северной Америки, Камчатки, Чукотки. Он дружил с индейцами в Ситхе, ююланцами на Каролинских островах, эскимосами Алеутской гряды.

В октябре 1845 года состоялось первое собрание Географического общества. Открывая его, Литке сказал:

— Наше отечество само по себе представляет особую часть света. Прибавим: часть света, еще мало исследованную. География России — главный предмет деятельности Географического общества. Для нас также существенно знакомство с географией сопредельных стран. Турция, Персия и Хива, Китай и Япония, Соединенные Штаты Америки и владения Гудсоновой компании (Канада) тоже важный предмет деятельности нашей...

Та самая отрасль познаний, к возделыванию которой образовалось наше общество, была доселе одним из главных предметов Академии наук. Всем известны обогащения, которыми отечественная география обязана сему знаменитому сословию. Однако Академия не имела возможности сделать для географии всего — можно было сделать более, — и это более есть задача Русского географического общества, — закончил свою речь адмирал.

Географическое общество развернуло энергичную многогранную деятельность...

Строгое здание Географического общества у Чернышева моста стало пользоваться особой популярностью в Петербурге.

Молодые дворяне, мечтающие о путешествиях, волнуясь, подходили к этому зданию. И уютные кабинеты, и конференц-зал, и библиотека — все здесь имело свое особое выражение, даже свой отблеск. Общество стало прибежищем пытливых умов, прогрессивной мысли, смелых талантов.

Молодые люди с наслаждением осматривали книжные шкафы со «сказками» землепроходцев, «чертежами» моря Хвальинского, озер Ильменя и Ладоги, Волжской и Днепровской «вершин».

В библиотеке хранились донесения воевод и губернаторов, письма странствующих монахов, рапорты морских и сухопутных офицеров, деловые бумаги купцов и чиновников.

Самые жизненные вопросы волновали членов Географического общества.

Что за будущее ожидает Россию? Члены Географического общества пристально вглядываются в историю России, хотят знать ее просторы, исследовать ее природу, открывать ее земные богатства.

Русская флора и фауна, русский климат и почва, моря и степи, горные хребты, могучие реки, непроходимые леса, русские север и юг, восток и запад требуют научного познания.

Нужны географические, геологические, почвенные карты и атласы, экономические описания губерний, статистические сведения об уездах и волостях — словом, полное, всестороннее исследование России.

Географическое общество стало инициатором многих передовых начинаний.

Через пять лет после создания общества его вице-председателем был избран Михаил Николаевич Муравьев. К нему-то и явился Петр Петрович с проектом своего тянь-шаньского путешествия. Муравьев слушал его внимательно и заинтересованно.

Петр Петрович говорил о величественной и загадочной горной стране, полной самых неожиданных контрастов. В этой стране еще хранятся следы древнейших цивилизаций Востока и Запада. Разрушенные города, могильники, курганы, скальные надписи напоминают о них. Во времена Римской империи у южной оконечности Тянь-Шаня пролегали караванные пути на восток, а через его северные хребты перекатывались волны народов, двигавшихся на запад.

Экономическая, политическая, военная жизнь народов, их торговые отношения, общественные интересы, научные связи переплетались между собой у предгорий Тянь-Шаня.

Сведения о Небесных горах скудны. Географические данные записаны случайно и отрывочно людьми, проезжавшими через эти страны не с научными целями и даже совершенно чуждыми науке, как, например, китайскими путешественниками преимущественно из миссионеров буддизма IV–VI веков...

Наиболее достоверными считались записки монаха Сюан-Цзана. Сюан-Цзан пересек восточный Тянь-Шань через Мусартский перевал, побывал на озере Иссык-Куль и в долине реки Чу. Об Иссык-Куле буддийский монах сообщал: «С востока к западу оно очень длинно, с юга

на север коротко. С четырех сторон оно окружено горами, и множество потоков собирается в нем. Вода его имеет зеленовато-черный цвет, и вкус ее в одно время и соленый и горький. То оно бывает спокойно, то на нем бушуют волны. Драконы и рыбы обитают в нем вместе...»

Петр Петрович намерен исследовать направление и высоту Тянь-Шаня. Он думает определить высоты его горных проходов, снежной линии, вертикальное распределение растительности. Он хочет убедиться в вулканическом происхождении Небесных гор и узнать, существуют ли в них ледники. История восточных народов также интересует его.

Глава 5

ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО ИРТЫША

Весной 1856 года Семенов отправился в путешествие.

Позади остались Москва, Нижний, Казань. Большой сибирский тракт вилял между уральских увалов, перепрыгивал через шумливые речушки, крутился в зеленых рощах. Прочный, работы казанских мастеров, тарантас поскрипывал в дорожных колеях.

Семенов с интересом поглядывал на плоские гранитные скалы, обросшие соснами, наслаждался прозрачной водой лесных родников, слушал звонкое кукование кукушки. После петербургской сутолоки, бесконечных сборов он словно отдыхал на старом сибирском тракте.

Наконец-то для него наступила пора наблюдений, исследований, обобщений. Странная пора сбора коллекций, гербариев, научных фактов.

Волнующая пора неожиданных встреч, загадок, тайн природы, без которых не может жить исследователь. Пора дорожных записок, дневников, документов.

Ему захотелось узнать как можно полнее о местах, через которые он проезжал. А для этого надо наблюдать, наблюдать!

И он наблюдает, записывает, сравнивает. «Мы переехали, наконец, во всю ширину Уральский хребет. С радостью геолога я встретил выходы сначала твердых горных осадочных пород, приподнятых и прорванных кристаллическими; затем явились обнажения и этих последних, а именно гранитов и диоритов».

Он задержался у пограничного столба, разграничивающего два материка. На одной стороне столба было начертано: «Европа», на другой: «Азия». Эта искусственная граница вызвала в нем множество мыслей. Главная из них долго не покидала Петра Петровича: «Уральский хребет не разъединяет, а устанавливает тесную неразрывную связь между Европой и Азией».

В Екатеринбурге он познакомился с горной промышленностью, осмотрел фабрику уральских самоцветов и тронулся дальше. Он спешил в Омск, откуда, собственно, и начнется его путешествие к Небесным горам.

Уральские горы становились зелеными холмами: «Твердые осадочные породы ушли окончательно под наносы». В хвойных лесах забелели березы, появились легкие, в мягкой пахучей, почти синей хвое лиственницы. За Шадринском началась сибирская низменность — самая

огромная в Старом свете. Абсолютная высота ее, начиная от последних уральских до первых алтайских предгорий, не превышает двухсот метров.

Пристально приглядывался Петр Петрович к весеннему великолепию равнины, пытаясь найти характерные приметы сибирской флоры. «Никакого резкого перехода от типичной растительности, одевающей весною славянскую равнину от Силезии до Урала, не оказалось».

Вокруг него покачивались пушистые светло-лиловые ветреницы, или сон-трава. Переливался золотом горицвет. Густо синела лазуревая медуница.

Огромные созвездия одних и тех же цветов придавали неповторимую окраску сибирской равнине. Ясной, как бы невесомой ночью он переправился через Тобол и уже не останавливался на почтовых станциях. Сибирские ямщики на тройках везли его, передавая друг другу. Петр Петрович делал по четыреста верст в сутки.

Сибирские крестьяне, не знавшие крепостной зависимости, легко и свободно выкладывали свою душу в разговорах. Петр Петрович пользовался остановками в селах, чтобы познакомиться с бытом и жизнью.

Избы в селах поражали его своими размерами, кондовой добротностью, красотой. Все они крыты тесом, построены в два этажа. Простор во всем — характерная черта сибирского крестьянства. Простор в доме, в поле, на пастбищах. Сибиряк брал земли сколько хотел, хозяйничал на ней как хотел. Расчищал целинные земли, устраивал заимки, бил дорогого зверя, ловил ценную рыбу.

Сибиряки жили сытно: говядина, домашняя птица и дичь, рыба и молоко — постоянная ежедневная пища мужика-старожила. Петра Петровича угощали знаменитыми сибирскими пельменями. Когда же он рассказывал, что в Рязанской губернии на мужичий двор приходится по одному тулупу, сибиряки не хотели верить.

Особенно интересной, почти несокрушимой казалась ему крепость общинного союза сибирских крестьян. Он не видел кулацкого засилья, не придавал большого значения лихоимству и произволу царских чиновников. Петр Петрович думал: «Как ни лихоимочны были сибирские чиновники, составляющие отбросы русской бюрократии, сильные общины с успехом выдерживали с ними борьбу».

Майским утром Петр Петрович добрался до Ишима. Река разлилась на восемь верст, переправа оказалась и опасной и долгой. «Раза четыре садились мы на мель в мелководных разливах, но, наконец, порыв ветра нанес нас на гриву... Волнение сделало наше положение критическим, и наша лодка могла быть опрокинутой, если бы гребцам, бросившимся в

воду, не удалось продвинуть лодку через гриву...»

Грязный, мокрый с ног до головы Семенов облегченно вздохнул лишь на крутом уступе. Прибрежные пески, чуть одетые дерном, ивовые кустарники в мелкой листве — и опять необозримая сибирская равнина. Но уже позабыта опасная переправа через Ишим. Потому позабыта, что он увидел «красивую обширную заросль чисто азиатской растительной формы, покрывавшую большое пространство своим золотым покровом. Растение это — открытая и описанная впервые великим Палласом форма касатика».

На ишимских берегах он пополнил свой гербарий. Путешествие продолжалось. Мимо тарантаса медленно проползала степь.

Березовые колки шумели под теплым ветром. Луга переливались золотым касатиком, бледными с желтизной цветами мытника, высоким красным медовиком. Стоячие воды озер слепо мерцали. А по степи, по озерам пестрели неисчислимыи птичьи стаи.

Дикие утки важно ходили по грязной дороге, лениво поднимаясь из-под колес тарантаса. Дупеля и бекасы выпархивали из луговых трав, косяки гусей проплывали над головой. Серпоклювые кулики вились над степью, журавли бились с кречетом в двух шагах от дороги. И все это пернатое царство гоготало, крикало, стонало, свистело, поражая Петра Петровича неистовой силой жизни.

1 июня он увидел Иртыш.

Колоссальная сибирская река уже входила в свои берега. Разлив спадал. Переправа прошла значительно легче, чем думал Петр Петрович. Вечером тарантас уже тащился по пыльным улицам Омска — столицы Западной Сибири и Семиреченского края. Наутро Семенову предстояло свидание с омским генерал-губернатором Гасфортом.

Петр Петрович еще по дороге наслышался всякой всячины о всемогущем хозяине Западной Сибири и Семиречья. О нем говорили противоречиво. Гасфорт — оригинал и самодур. Недюжинная личность. Невежда. Выдающийся полководец. Завистник и покровитель наук, завоеватель киргизов и самовлюбленный тупица.

В 1853 году Николай Первый назначил Гасфорта генерал-губернатором и командующим всеми войсками Западной Сибири. В руках Гасфорта находились Тобольская и Томская губернии, Семипалатинская область, область Сибирских киргизов. А область Сибирских киргизов вбирала в себя все земли от границ Оренбургской губернии до предгорий Заилийского Алатау. На этой непомерной по своим размерам территории и был полновластным хозяином Гасфорт.

Гасфорт сделал немало для колонизации Семиречья. Он начал строительство пикетной дороги из Семипалатинска до Копала. Созданные им Уджарская и Лепсинская станицы стали оплотом русской колонизации в Семиречье. Гасфорт заложил крепость Верное у подножий Заилийского Алатау.

От сочувствия и благосклонности Гасфорта зависело путешествие Петра Петровича, и он с невольным волнением явился на прием к генерал-губернатору.

Густав Иванович встретил Семенова с подчеркнутой вежливостью. Бережно поглаживая бакенбарды, морща в приятной улыбке лицо, аккуратно и точно выговаривая русские слова, сказал:

— Я рад видеть просвещенного человека в нашей глуши. К сожалению, в Петербурге серьезно не интересуются колонизаторской деятельностью русской администрации в мирно завоеванном Семиреченском крае...

Петр Петрович деликатно ответил:

— Географическое общество глубоко, сочувствует широкой и полезной деятельности вашего превосходительства. Обществом поручено мне изучить и природу мирно завоеванного вами края и успехи в нем русской колонизации. Я надеюсь, ваше превосходительство, что вы, как инициатор нашего поступательного движения в Азии, дадите мне возможность посетить Заилийский край...

Петр Петрович говорил скромно, почтительно, удивляясь собственным длинным и плавным фразам.

— Мирное завоевание Заилийского края принесет большую пользу России, — ответил Гасфорт. — В то же самое время, — продолжал он, — мирное завоевание Заилийского края никем по достоинству не оценено. Рад, что Географическое общество обратило свое внимание на занятый нами край. — Вялость в глазах Гасфорта растаяла, и, бесцветные, они оживились. — Приветствую ваше желание изучить Заилийский край. Вам будет оказано широкое содействие.

Гасфорт познакомил Петра Петровича с начальником топографических работ в Западной Сибири генерал-майором Сильвергельмом. Сильвергельм показал Семенову не только сводные картографические работы, но и съемочные планшеты, исполненные в области Сибирских киргизов. Планшеты и инструментальные съемки были отличными. Только в сводных картах Петр Петрович заметил серьезные промахи. Различные пространства сняты разными топографами. Некоторые местности нанесены на сводные карты лишь по случайным распросам. В междуречьях

Киргизской степи показаны несуществующие горы.

Петр Петрович отметил эти ошибки. Сильвергельм сказал с горечью:

— Несуществующие горы мы нанесли на карты в угоду его превосходительству. Он как-то потребовал новые съемочные планшеты. Принесли. Густав Иванович спросил, почему нет гор там-то и там-то.

«Их не существует...»

«Мне больше знать, где есть горы, где нет. Извольте нанести на карты...»

Так появились на сводной карте Киргизской степи несуществующие горы. Точные планшеты мы припрятали, а сводной картой потешили старика, — рассмеялся начальник топографических работ.

За двухдневное пребывание в Омске Семенов не успел ознакомиться ни с городом, ни с местными общественными деятелями. Но одна встреча обрадовала его.

К Петру Петровичу явился молодой казачий хорунжий Григорий Потанин. Он недавно закончил омский кадетский корпус, увлекался наукой, особенно географией и этнографией.

Григорий был сыном казачьего есаула Николая Потанина, уроженца станицы под Петропавловском. Есаул Потанин пользовался большой популярностью как путешественник и составитель маршрутных карт области Сибирских киргизов. По заданиям омского генерал-губернатора Николай Потанин доходил до реки Чу, дважды побывал в Кокандском ханстве, пристально наблюдая жизнь киргизов, составляя глазомерные маршруты и карты. Материалами, собранными есаулом Потаниным, пользовался Александр Гумбольдт, создавая свою книгу о Центральной Азии.

Отец оставил сыну в наследство только любовь к науке, к познанию земли и людей. В свободное время Григорий рылся в омских архивах, извлекая из них драгоценные материалы по истории Сибири и военных казачьих поселений.

Молодой Потанин участвовал в походе казачьего отряда, занявшего Заилийский край. На его глазах полковник Перемышльский поднимал русский флаг в цветущей алма-атинской долине, а сам Григорий строил первые домики крепости Верного. Потанин жил в Семипалатинске, бывал в Копале, в горах Семиреченского Алатау.

Петр Петрович с жадностью слушал рассказы молодого хорунжего, выспрашивал подробности, интересовался всем, что видел тот в Копале, в Верном, в Заилийском и Семиреченском Алатау. К сожалению, Григорию не хватало знаний, и многие вопросы Семенова оставались без ответа.

— Чтобы стать исследователем-натуралистом, вам надо учиться, — посоветовал Петр Петрович.

Григорий криво усмехнулся.

— Я получаю девяносто целковых в год. Жалованья хватает лишь на хлеб и махорку. Мечтаю об университете, но не имею монет, чтобы доехать до столицы.

— Я помогу вам! — воскликнул Петр Петрович. — Одолжу денег на учение, устройю в университет.

— Я очень признателен, но меня может не отпустить генерал-губернатор.

— Переговорю с Гасфортом. Убежден, он отпустит вас.

Лишь через год Петру Петровичу удалось исполнить свои обещания. Пока же он распрощался с Потаниным как с хорошим другом.

Провожая Петра Петровича, Потанин рассказал ему о своем товарище по кадетскому корпусу, о друге детства, молодом корнете, сыне киргизского султана Чокане Валиханове.

— Жаль, что вы не застали Чокана. Он сейчас в Семиречье. Это удивительно одаренный юноша. Удивительно, — повторил Потанин. — Никто в крае лучше Чокана не знает истории Востока. Если встретитесь с ним в Семиречье, он может быть полезным для вас...

Глава 6

АЛТАЙСКИЕ КАРТИНЫ

Снова замелькали сибирские пейзажи.

Березовые колки Барабинской степи сменялись озерами, ковыльные гривы травянистыми болотами. Озера без стока, но с вкусной чистой водой и желтыми песками на дне привлекли внимание Семенова; ведь географы были убеждены, что всякое озеро, не имеющее стока, превращается в соленое. Семенов вылезал из тарантаса, проверял на вкус воду, осматривал берега. И думал: «Этот вопрос мог быть разрешен только внимательным и притом сравнительным изучением пресноводных озер Барабинской степи и соленых Киргизской».

На третий день перед ним возникла величественная пойма Оби. Ленточный бор на берегу резко оттенял степные дали и был как бы форпостом сибирской тайги.

Переправа через Обь продолжалась весь день. Паром долго тянули бечевой вверх по реке, иначе могучее течение снесло бы его далеко от места высадки. На середине Оби Семенова застигла гроза. Синие молнии, дикий грохот, проливной дождь и ревущая под грозой река не пугали сибиряков. Паромщики посмеивались, поругивались, но при особенно сильных раскатах грома все же крестились.

Трижды пришлось Петру Петровичу переправляться через одну из величайших рек земли. Третий раз Обь появилась перед ним у Барнаула. На спуске к барнаульской переправе он с радостью записал: «Встретил роскошные азиатские растительные формы: астрагал, солонечник и душистую желтую лилию».

В Барнауле он задержался на двенадцать дней. Время ушло на знакомство с заводами, геологическими, палеонтологическими, археологическими коллекциями Алтайского горного округа, на покупку дорожного снаряжения.

Петр Петрович сошелся со многими горными инженерами — Полетикой, Самойловым, Давидовичем-Машинским. Начальник горного округа Андрей Родионович Гернгросс принял его радушно. Узнав, что Семенов решил побывать на рудниках Алтая, Гернгросс написал управляющему Змеиногорскими рудниками, чтобы он помог путешественнику. А сам подарил Семенову походную палатку.

— Необходимейшая вещь и на Алтае и на Тянь-Шане. Не раз обо мне

вспомните, — шутил Гернгросс, когда подарок укладывали в тарантас.

20 июня Петр Петрович увидел в синей дали Алтайские горы.

— Сопки дымятся, — сказал ямщик, показывая кнутовищем на отдельные вершины: их местные казаки называли Вострухой, Речихой и Игнатихой.

Ф. П. Врангель.

В. И. Даль.

Здание, в котором помещалось Русское географическое общество.

А. Гумбольдт.

Над вершинами курились тонкие белые облака. Издали горы напоминали действующие вулканы. Тарантас катился по цветущей долине. Черемуха пронизывала воздух ароматом опавших лепестков, горные склоны светились зеленым блеском берез. С неба струился звон жаворонка — стояло свежее алтайское утро: «Гигантские травы были так высоки, что всадник на лошади, едущий по узкой тропинке, утопал в них до пояса. Утренняя роса была так обильна, что падала с трав на меня дождем. Масса гигантских растений была оживлена разнообразными и отчасти яркими красками роскошных цветов...»

Сорок дней провел Семенов в долинах и горах Алтая. Он побывал на

всех рудниках Змеиногорской группы и на всех — расположенных по Ульбе и Убе. Самые разные стороны жизни казаков и староверов-поселенцев, вся алтайская природа интересовали молодого путешественника.

Его интересует, как осваивались на Алтае первые поселенцы. «Природа, богатая водой и строительными материалами, не препятствовала расселению всюду и поощряла развитие сельского хуторского хозяйства, но, несмотря на это, переселенцы, которые начали водворяться в Алтае с начала второй четверти восемнадцатого века, располагались довольно крупными селениями».

Он объясняет это тем, что «процесс водворения и расселения русского населения находится во власти и прямой зависимости не только от свойств переселяющихся, но и еще более от местных условий страны».

Борьба с дикими силами природы была не под силу одинокому поселенцу. Казаки сообща захватывали земли, совместно расчищали их для посевов. Устраивали общие выгоны для скота. Вместе защищали свои жилища от нападения кочевников, от хищных зверей.

Староверы шли в самые глухие алтайские чащи, укрываясь от религиозных притеснений. Обычно бежали они «за камень» — через горы в благодатные долины реки Бухтармы. Но и староверы вместе боролись с природой.

Семенов посещает старообрядческое село Секисовку. Секисовских жителей называли «поляками»; их предки от притеснений патриарха Никона эмигрировали в Польшу. После раздела Польши Екатерина Вторая выселила старообрядцев на Алтай. «При въезде в Секисовку меня поразили некоторые особенности в одежде и жилищах обитателей этого селения. Головные уборы женщин состояли из низких кокошников, грациозно обернутых легкой белой повязкой, придающей всему головному убору вид тюрбана; рубашки их и паневы были красиво вышиты красными шнурами. Внутренность их жилищ отличалась замечательной чистотой; некрашенные деревянные полы были тщательно вымыты. Мебель, в особенности шкафы, а также потолки и стены были выкрашены яркими красками».

Он записывает в путевой дневник этнографические приметы, яркие бытовые словечки казаков и староверов. Казаки любой горный хребет называют «уралом», отдельные вершины — «сопками», а старообрядцы глаголу «доказать» придают смысл сообщения. В его дневнике появляются записи о жестокой эксплуатации крепостных рабочих на рудниках.

Для Семенова нет мелких или несущественных фактов и явлений в малоисследованной стране. Все интересно, важно, значительно, все приобретает научный интерес. «На берегу речки Локтевки я встретил

первые обнажения твердых горных пород Алтая: это были серые порфиры, на скалах которых росло типичное алтайское растение — патриния... Гериховский холм, осмотренный мною, состоял из порфира, брекчии и известняков. В этих последних я, к большому удовольствию, нашел множество окаменелостей девонской системы... Сугатовская гора состояла из порфира, прорезанного штоком чистого железняка и заключавшего еще много охристых рассыпчатых руд...»

Еще в Петербурге и Берлине он слышал о необыкновенной красоте Кольванского озера и фантастических формах его скал. Кольванское озеро пользуется мировой известностью. Нет такого путешественника, побывавшего на Алтае и не посетившего озера.

Семенов едет на Кольвань. Удовлетворенно и горделиво отмечает он, что скалы имеют соперников лишь в Брокене на Гарце. Но его интересует не одна фантастическая красота озера. Он находит водяной орех — чилим, изобильно растущий в заливах и бухтах Кольвани. Дикая татарская жимолость и красивые бледно-желтые касатики напоминают ему, что «он находится уже в глубине Азии».

Географ и геолог, этнограф и ботаник живут одновременно в душе его. Комплексный метод исследования природы все больше привлекает его внимание. Александр Гумбольдт первый из европейских путешественников применил этот метод исследований. Семенов стал первым русским географом, использовавшим комплексные исследования на практике. Он проникает в суть географических, исторических, экономических явлений. Проверяет научные труды и гипотезы своих предшественников, принимая или отвергая их после долгих наблюдений и размышлений.

Из частных, из мелких подробностей он воссоздает общие картины природы. И картины эти покоряют точностью, зоркостью, красочностью наблюдений. «Спуск наш с гранитных гор был длинный и крутой, по наклонной плоскости с быстрым падением, мимо глубокого оврага.

Весь скат порос роскошной растительностью необыкновенно высоких степных трав, между которыми выделялись красивые крупные розовые цветы хатмы и стройных диких мальв, густые пучки ковыля и крупные поникшие соцветия чертополоха. Нижняя часть заросла густым кустарником, между которым характерный алтайский волчегондик наполнял воздух ароматом своих бело-розовых цветов.

За широкой котловиной, спуск в которую живо напомнил мне, хотя не в столь грандиозном виде, один из спусков в Валлезскую долину Верхней Роны, вдали поднимались высокие Убинские белки...

При спуске в долину с нами едва не случилась катастрофа: бойкая

сибирская тройка, запряженная в наш грузный тарантас, понесла под гору на самом крутом месте спуска...

Лошади, уклонившись от дороги, мчались в направлении к крутому берегу. Остановить их не было возможности, но находчивый ямщик, собравшись с силой, повернул их круто в сторону, и они, запутавшись в кустарниках, упали, а экипаж, колеса которого были обмотаны высокими травами, остановился...»

После поездок по Горному Алтаю Семенов направился в Семипалатинск. Заранее предупрежденный о его приезде семипалатинский губернатор выслал навстречу адъютанта Демчинского.

Демчинский повез Петра Петровича к себе на квартиру. По дороге адъютант деликатно предупредил:

— Вас ожидает сюрприз...

Когда Петр Петрович вошел в кабинет, со стула поднялся и шагнул к нему худой, изможденный человек в солдатской шинели.

Семенов вскрикнул и кинулся в объятия Федора Михайловича Достоевского.

Это была радостная для обоих встреча. Достоевский рассказал Петру Петровичу обо всем, что пришлось перенести ему в омском остроге, о том, как живет сейчас в Семипалатинске штрафным солдатом линейного батальона. Теперешняя жизнь его несравненно легче и лучше.

— Меня уважают, со мною дружат и офицеры и администраторы. Спасибо Демчинскому, помог встретиться с вами, — сказал Достоевский.

Они проговорили до полуночи. На рассвете Петр Петрович уже приказал закладывать тарантас. Достоевский пошел к командиру линейного батальона за разрешением на отлучку. Ему хотелось проводить своего друга хотя бы на берег Иртыша.

В полдень 6 августа сытые гнедые лошади вынесли тарантас на песчаный берег.

Иртыш катил свои рыжие, просвеченные солнцем воды. Левый берег, такой же ровный и рыжий, как река, приподнимаясь в сизом мареве августовского зноя, уходил на восток.

За иртышской поймой, за одинокими тополями, на сером голом обрыве темнели минареты, деревянные домишки, лабазы, склады Семипалатинска. Захолустный городишко дремал, изнывая от песка, жары и пыли, и Семенов радовался, что покидает его. Он повернулся к Иртышу, стараясь разглядеть левый берег. Вот с того берега он начинает путешествие в свое еще неясное, но полное захватывающих неожиданностей будущее.

Семенов нетерпеливо шагал по берегу, оставляя на песке четкие,

набухающие водой следы. Река с завидным постоянством закрывала ему путь на восток. И вот сейчас у Семипалатинска река снова текла у его ног — живая бесконечная дорога через бесконечные сибирские просторы.

Между тополями и тальниковыми зарослями появилась сутулая фигура. Достоевский шел навстречу Семенову. Обычно бледное, со страдальческими складками в уголках губ и карими печальными глазами, лицо Достоевского имело кирпичный лихорадочный оттенок. Ноздри вздернутого носа устало шевелились, сухие пальцы мелко дрожали.

Они смотрели друг на друга, ища сердечные слова для прощания, и, не находя их, беспомощно улыбались.

— Я тебе завидую, — тихо проговорил Достоевский. — Ты едешь, а мне по-прежнему корпеть в Семипалатинске. Завидую и радуюсь. — Глубоко вздохнув, он спрятал руки в карманы поношенных брюк.

— Потерпи еще немного, Федор Михайлович. Семипалатинский губернатор сказал мне, что со дня на день ожидает приказа о твоём освобождении, — ободряюще ответил Семенов. — Как я буду счастлив, когда ты станешь свободным! — воскликнул он, беря под локоть Достоевского.

— Барин, уже можно переправляться, — долетел до них зычный голос конвойного казака...

Паром с тарантасом, казаками, лошадьми стремительно отодвигался от берега. Семенов, перегнувшись через перила, размахивал шляпой, все кричал, все кричал Достоевскому, вместе с берегом отодвигавшемуся назад.

Паром со скрипом причалил к левому берегу. Казаки вывели лошадей, выкатили тарантас.

Семенов взбежал на обрывчик и увидел безграничную Киргизскую степь.

Глава 7

КИРГИЗСКАЯ СТЕПЬ

Дымчатый ковыль тек во все стороны, в небе, бесцветном от зноя, висели коршуны, на юго-востоке маячили какие-то фиолетовые тени. И нельзя было охватить взглядом ни ковыльных потоков, ни фиолетовых теней, ни бесцветного неба с неподвижными коршунами.

Почти на полторы тысячи верст от берегов Иртыша до Небесных гор раскинулась Киргизская степь, и Семенову предстояло пересечь ее в плетеном тарантасе, в сопровождении четырех сибирских казаков.

6 августа 1856 года началось путешествие, к которому Семенов так долго и страстно готовился. Покусывая черные острые усы, смотрел он на льющееся марево, запахи трав щекотали ему ноздри.

Возница снова запряг лошадей, умял в тарантасе сено, похлопал по нему мясистыми ладонями.

— Садись, ваше благородие, и тронемся. — Казак широко и небрежно перекрестился.

— А ну, с богом, звери косматые!

Семенова подбросило, лошадиный топот и звон бубенцов ударил в уши. Он прикрыл веки и сразу же погрузился в теплую розоватую полумглу, не воспринимая ничего, кроме движения. Рядом с тарантасом мелькали картузы с красными околышами, винтовки за широкими плечами, вскидывались лошадиные морды...

Сильный толчок заставил Петра Петровича открыть глаза. По-прежнему в знойном мареве струилась степь, но что-то уже стало меняться в ее однообразии. Волны ковыля расступились, обнажая голые, в узорчатых трещинах солончаки, далекие фиолетовые тени приобрели очертания невысокой горной гряды.

— Доскачем до этих холмиков, а за ними пикет Аркат. Там и заночуем. Место для ночевки не знаю, как тебе, барин, а нам — ничего. Казак на брюхе спит, спиной укрывается.

Через несколько часов тарантас въезжал в просторную горную долину. Диабазовые скалы зеленовато мерцали в косых солнечных лучах. Седой беркут сидел одиноко на утесе. Круглые неподвижные глаза птицы не мигая смотрели на вечернее солнце. «Только одни орлы могут безнаказанно смотреть на солнце», — подумал Семенов.

Закат уже истлевал, когда Петр Петрович проехал долину. Дохнуло

горьковатым запахом полыни, Киргизская степь опять гнала сизые травянистые волны к новым кряжам — Аркату и Буркату.

На Аркатском пикете остановились на ночевку. Петр Петрович пристроился спать в тарантасе, положив ноги на облучок. Не спалось. Он смотрел в черное, засеянное звездами небо. Звезды сияли ровно, сухо и казались очень мелкими. Из степной травы всходила такая же сухая луна. «Она казалась такой малой на горизонте, как бы была в зените, диск ее был резко очерчен, свет ее был ярост: все это обличало необыкновенную сухость воздуха; росы не было и следа».

В меловом сиянии луны лежала плоская степь, накрытая черным небом. Рядом белели безобразные глинобитные мазанки Аркатского пикета. Сопровождающие Семенова казаки спали на земле, положив в изголовья седла. Причмокивал и постанывал во сне возница.

Протяжный вой нарушил ночную тишину. Семенов выскочил из тарантаса, лошади шарахнулись в сторону. Волк завыл снова, еще отвратительнее, еще тоскливее.

Волчий вой не давал спать. Семенов присел на облучок тарантаса, прислушался к испуганному храпу лошадей. Снова оглядел темный степной простор, залитый лунным светом. Мысли его невольно сосредоточились на Киргизской степи. Он уже проехал по ней почти сто верст. Его представления о степях обогатились и расширились.

До сей поры он «привык разуметь под именем степи обширные безлесные равнины, покрытые черноземом и исключительно травянистой растительностью». Таковы донские и волжские степи. Черные земли, пересеченные глубокими оврагами, на дне которых растут деревья. Высокие, пышные, в человеческий рост, травы. Так называемые горы южнорусских пространств «имеют отрицательный рельеф, то есть состоят не из возвышений над уровнем степи, а наоборот — из углублений».

За Уралом он встретился с новым типом степи. Великая Сибирская равнина выглядит несколько иначе. Она перемежается колками — березовыми и осиновыми рощами. И колки эти растут не в ложбинах, а на степной поверхности. Величественные реки прорывают лишь неглубокие русла в Сибирской равнине. Почву ее нельзя отнести к черноземной.

Новый степной тип выражен в рельефе Барабинской равнины. Барабинская степь отличается от первых двух типов многочисленными озерами и малым количеством рек.

Теперь перед ним четвертый, совсем неожиданный степной тип. «Самое поразительное отличие Киргизской степи от наших южнорусских состоит в том, что на ее горизонте поднимаются очень часто горно-

каменные возвышенности, которые состоят то из куполовидных порфировых холмов, то из резко очерченных гранитных кряжей». В Киргизской степи много соленых озер, в горах ее бьют родники. А прекрасные травы и кустарники принадлежат к чисто азиатским формам.^[1]

Что же в конце концов надо понимать под общим названием «степь»? Он задает себе этот вопрос, сопоставляя и сравнивая все четыре типа степей. И отвечает самому себе: «По-видимому, обширные равнины, богатые травянистой растительностью и не тронутые еще культурой. Орошение — есть необходимое условие существования степи: безводная степь перестает быть степью и делается пустыней».

Он думает о том, что понятию «степь» не противоречат ни горные группы, ни березовые колки, ни соленые, ни пресные озера. Степь может совсем не иметь рек или источников, но зимой она обязательно должна покрываться снегами. Без снегов в ней нет растительности, а травы — главная характеристика любой степи.

Ранняя заря застала Семенова веселым и бодрым. И хотя он не спал в эту августовскую ночь, он все же пешком отправился на Буркатский кряж и гипсотермометром определил его высоту: 800 метров. Такой же высоты оказалась и Аркатская горная группа.

После осмотра Арката и Бурката Семенов направился дальше.

На пути по-прежнему виднелись невысокие, резко очерченные вершины новых гор: казаки называли их Ингрекеем. За Ингрекеем Петр Петрович пересек русло высохшей речки Горькой.

Киргизская степь, еще вчера бывшая в роскошном буйстве трав и цветов, сейчас выгорала от зноя. Он видел только холмистую местность — рыжую, печальную, с поникшим ковылем. Этот однообразный пейзаж утомлял. Весь день Семенов ехал между холмами, по выжженным долинам, мимо мелководных соленых озер. К вечеру, измороженный жарой и пылью, добрался до Аягуза.

«Он был таким жалким и ничтожным, каким мне не приходилось видеть ни одного русского города... Собственно город состоял из одной широкой улицы с такими низенькими саманными глинобитными домиками, что приходилось нагибаться, чтобы разговаривать со стоявшими у этих домиков жителями... Лавок в городе совсем не было. Лавка — единственная, просуществовавшая короткое время, закрылась потому, что, как уверял разорившийся лавочник, никто не платил денег за товары, а все требовали их отпуска даром. На другой стороне реки возвышались каменистые холмы, на которых по вечерам выли волки и даже видны были их сверкавшие в темноте глаза».

В Аягузе Семенов прожил два дня. Совершил маленькую экскурсию на соседние холмы. Местные жители порадовали Петра Петровича неожиданным подарком: принесли образцы великолепного графита и каменного угля. И графит и уголь залежали почти на поверхности, неподалеку от Аягуза.

9 августа Петр Петрович покинул степной городишко. Дорога долго петляла по долине речки Аягуз, пока не свернула в узкое мрачное ущелье. Унылый вид ущелья усиливали тяжелые, из черного кремнистого сланца, скалы. Где-то впереди, за ущельем таился очередной Аргантинский пикет. У этого пикета от степной дороги ответвлялась охотничья тропка на озеро Балхаш, о котором Петр Петрович имел смутное представление. Ему хотелось бросить хотя бы беглый взгляд на одно из величайших озер земли.

Степное, дымчатое от марева небо затянули пепельные облака. Спокойно парящие коршуны исчезли, суслики попрятались в норы. Наступила удушливая тишина — вестница степной грозы.

Гроза разразилась, когда они уже добрались до Аргантинского пикета. Петр Петрович хорошо отдохнул и поехал к Балхашу. Высокие, трудно проходимые заросли камыша закрывали низкий балхашский берег, в жирной грязи виднелись кабаньи следы, голенастые цапли расхаживали по отмелям. Охотничья тропка растворилась в камышовых джунглях.

Петр Петрович решил было проникнуть к озеру, но снова пошел дождь. Над камышами за клубились гнилые испарения, небо обложило плотными тучами. Экскурсия на берег Балхаша не удалась. Петр Петрович покинул Аргентинский пикет.

В тот же день он достиг Лепсы — первой значительной реки Семиречья.

За Лепсой степь уже приобрела очертания полупустыни: сугробы песка лоснились и меркли, коричневая пыль сгущалась в воздухе. Верблюжьи черепа белели по обочинам дороги, дикие курицы прятались в них. Тяжелые дрофы лениво отступали от тарантаса и, вытягивая шеи, презрительно смотрели на путешественников. В песке купались степные рябки: испуганные выстрелами, они взлетали, сбрасывая с крыльев легкие ленточки пыли. Маленькие черепахи хрустели под колесами тарантаса, словно плоские круглые камни.

Иногда из пепельного марева возникали стада сайгаков: повернув головы в сторону тарантаса, они провожали его черными печальными глазами. Напрасно было подкрадываться к ним или преследовать — сайгаки исчезали мгновенно и бесшумно — неуловимые тени полупустыни.

Семенов переправился еще через две реки Семиречья — Баскан и Аксу. Как и Лепса, они брали свое начало на склонах Семиреченского Алатау. Снежные вершины его во всем своем величии раскинулись на юго-востоке. Петр Петрович непрестанно любовался ими. А вершины все нарастали, приближались и казались особенно высокими на плоской степной равнине.

Где-то там, в ущельях Семиреченского Алатау находится Копал — крупное казачье поселение, русский форпост на востоке. До него оставалось около сотни верст.

Петр Петрович переночевал на Аксуйском пикете и на рассвете снова зашел в путь. Хотелось скорее добраться до Копала. Дорога вела на перевал узким крутым ущельем.

Голые сланцевые обрывы, сумеречные тени от них, скрежет камней под колесами мало веселили Семенова. Зато на гребне перевала он вздохнул полной грудью. С высоты 1300 метров открывался чудесный вид во все стороны. Семиреченский Алатау с низменной Прибалхашской степи поднимался далеко за пределы вечного снега. Крутые обрывы из глинистого сланца сторожили вершину дикого перевала. После длинного голого плоскогорья и семиверстного спуска Семенов увидел серебристую ленту реки Биен.

Река извивалась, играла, блестя пеной в долине. В ней желтели массивы пшеницы, зеленели пятна садов.

Пшеничные поля из долины Биен поднимались на плоскогорье Джунке. Принадлежали они копальским казакам, основавшим свою земледельческую колонию всего лишь пятнадцать лет назад.

Поздним вечером Семенов прибыл в Копал. Возница подкатил к постоялому двору. Петр Петрович ночевал на свежем ароматном сене. Проснулся рано, когда еще медленно зеленело небо. Утренняя прохлада ласкала щеки, по одеялу перекачивалась крупная роса.

Начальник Копальского округа полковник Абакумов с бурной веселостью встретил неожиданного гостя. Полное лицо его просияло от удовольствия, когда Семенов представился.

— Член Императорского географического общества. Вот предписание генерал-губернатора господина Гасфорта о содействии мне, — сказал Петр Петрович, протягивая свои документы.

— К черту предписания, даже губернаторские! Я принимаю вас по предписанию собственного сердца, — Абакумов долго тряс руку Семенова толстыми крепкими ладонями. — Располагайтесь, как дома.

Семенов еще в Омске слышал об Абакумове как о незаурядном

человеке, любящем науку.

— Прежде чем заняться делами, — продолжал полковник, — прошу откусать. Таков закон степного гостеприимства, — он говорил громко, басовито, прищлепывая толстыми губами.

В просторной комнате бревенчатого дома остро пахло травами; сухие пучки их висели по стенам, под матицей. Со всех сторон на Петра Петровича смотрели стеклянные глаза птичьих чучел. На подоконниках стояли коробки с коллекциями бабочек и жуков, под стульями валялись многоцветные образцы горных пород.

Степное гостеприимство полковника было и обильным и многообразным. На стол подавались лоснящиеся жиром окорока балхашского кабана, жареные куропатки с плоскогорья Джунке, уха из хариусов, выловленных в Биене. На подносах возвышались каратальские сазаны и лещи из Лепсы. На расписном фарфоровом блюде антрацитовый сопочкой поблескивала каспийская икра, в пиалах пузырился бек-пак — далинский кумыс. Румяные яблоки и желтый урюк ласкали взгляд горной свежестью диких садов Тянь-Шаня.

Абакумов сидел за столом, распахнув воротник, обнажив грудь, и без усталости рассказывал:

— Был я отчаянным любителем природы. Все это, — показал он на травы и камни, — жалкие обломки моей страсти. Заразил меня когда-то страстью этой высокоталантливый натуралист Карелин. Слыхали?

— Кто же не знает господина Карелина!

— Я еще молодым офицером сопровождал Карелина в Прибалхашских степях и по Семиреченскому Алатау. Собирал для него травы, набивал птичьи чучела. Даже нового, неизвестного науке жучка открыл. Его и назвали «доркодон Абакумовы» в мою честь, так сказать...

После обеда полковник показывал Петру Петровичу городок, основанный им в 1846 году. С деловитым видом расхваливал он добротные постройки казаков и первых русских поселенцев, окруженные пирамидальными тополями. В палисадниках набирали силу молодые яблони и абрикосы, наливались солнцем гроздья винограда.

На широкой зеленой площади возвышалась недостроенная крепостная церковь. Абакумов с гордостью заметил, что церковь воздвигается по его проекту. На площади находились гарнизонные казармы, склады, канцелярия начальника округа. Отсюда начинался земляной вал, окружающий весь Копал. Медные пушки вытягивали свои стволы в сторону Киргизской степи.

Копал был создан как военное укрепление для защиты киргизов

Большой орды, перешедших в русское подданство.

В городе насчитывалось семьсот домов, в которых, кроме солдат и русских поселенцев, жили замиренные киргизские племена дулатов и атбанов. В казармах размещались казаки Сибирского войска, солдаты линейного батальона.

Полковник говорил:

— Приказали нашему брату солдату: иди в степь, сядь там, окопайся и живи. Пошел солдат, и сел, и окопался. Русскому мужику солдатчина ненавистна — он землепашец. Не любит мужик ломать и разрушать — его земля зовет. Давно ли существует Копал, а посмотри-ка, мы уже сеем пшеницу, просо, ячмень. Урожай с десятины — сам-двадцать. Тыквы — от земли не оторвешь, арбузы будто колокола...

На следующий день, сопровождаемый местными казаками, Петр Петрович начал восхождение на Семиреченский Алатау.

Заснеженные купола и пики лучились могуче и свежо. Петр Петрович невольно подумал: красота порождает силу. Ему захотелось войти в эти слепящие светом вершины, раствориться в голубом льющемся воздухе, стать составной частицей этого дикого мира и в то же время жить и мыслить самостоятельно, и осязать, и чувствовать красоту земли.

Он взял в шенкеля жеребчика, проводники едва поспевали за ним. Петр Петрович выехал на плоскогорье и увидел Корскую долину. В долине дымилась утренними испарениями Кора — водный приток Каратала.

Пораженный могучей красотой Семиреченского Алатау, Петр Петрович тут же записал в дневник свои впечатления:

«Вид на долину реки Кору был восхитителен...

Высота гребня, по которому я следовал, казалась мне по крайней мере метров на 1500 выше Копальского плоскогорья, но он еще больше возвышался над глубокой долиной Кору. Широкая и многоводная река, через которую, как говорили, очень трудно, а иногда и совсем невозможно перебраться вброд, кажется сверху узкой серебристой ленточкой, которая, однако же, несмотря на свое отдаление, наполняет воздух диким ревом своих пенистых волн, прыгающих по камням. Пена и брызги этой реки имеют тот особенно млечный цвет, который свойствен рекам, порожденным ледниками...

За рекой поднимались горы, сначала поросшие сибирской пихтой, далее кустарником, потом обнаженные и поросшие альпийскими травами, исчезающими, наконец, под снежной мантией. Кое-где на снегу видны были как бы горизонтальные и вертикальные тропинки. По рассмотрении в зрительную трубу горизонтальные тропинки оказались глубокими

трещинами, а вертикальные — следами неизвергнувшихся лавин.

Как ни манила меня очаровательная долина, нельзя было и думать о спуске в нее, и я решил следовать вдоль гребня, переходя с одной возвышенности на другую и стараясь достигнуть предела вечного снега. Мы следовали на лошадях до тех пор, пока дико наваленные одна на другую гранитные скалы не преградили нам пути...»

С большим трудом Петр Петрович достиг границы вечных снегов.

Испуганная стайка диких коз, топоча копытцами по скалам, пронеслась мимо, над головою прошумел мохнатыми крыльями беркут, пихты уходили вниз, словно их стягивала незримая сила.

Семенов решил измерить высоту гребня гипсотермометром. Надо было нагреть воду, он взял из рук молодого проводника бутылку со спиртом, но спирт не загорался. Пришлось определять высоту гребня на глазок.

По склонам Копальского гребня Петр Петрович собрал коллекцию растений. Некоторые из них уже были известны ему из альпийской флоры, но большинство принадлежало к алтайским и центрально-азиатским видам.

В Копал вернулись поздно вечером. Измученный, но удовлетворенный Семенов рассказывал полковнику:

— Все было чудесно, кроме гипсотермометра. Не горел почему-то спирт.

— А кто нес спирт? — мрачно спросил Абакумов. — Прощка? Позвать ко мне Прощку!

Явился Прохор, черный, как майский жук. Полковник достал пузырек, накапал из него в стакан со спиртом.

— Это что-с такое, Прохор? — спросил он.

— Не могу знать, ваше высокоблагородие, — ответил неуверенно Прохор, но по тону его ответа Семенов понял — знает.

Полковник вышел на крыльцо, подозвал облезлого пса, тот жадно вылакал спирт. Через минуту пес корчился в смертных судорогах.

— Так что же это такое-с, Прохор?

— Яд, ваше высокоблагородие...

— Стрихнин, — уточнил полковник, прилепывая толстыми губами. — Прощка бутылку по дороге ополовинил и водичкой разбавил. Научный спирт выхлестал, скотина! Мы с господином Карелиным всегда в спирт стрихнину подмешивали. На глазах у казаков сии манипуляции производили. И представьте: никто капли не трогал.

Тяжелое восхождение на Семиреченский Алатау не прошло безнаказанно. Семенов слег в постель. Заботливый Абакумов ухаживал за своим гостем, лечил целебными травами, ароматным горным медом. Но

полковник с утра и до вечера был занят, и Петр Петрович часами находился в одиночестве.

Он лежал на диване, разглядывая чучело огромного белого грифа, вдыхая тонкие запахи засушенных трав, и тени воспоминаний мелькали перед его глазами. Вспоминались детские годы, родное село Урусово, Москва, Петербург, дорогое его сердцу Географическое общество.

Три дня пролежал он в домике полковника. На четвертый с трудом поднялся с постели и по совету Абакумова поехал на минеральные ключи Арасан, находящиеся в окрестностях Копала. Теплые воды источника сняли мучительные боли.

Несколько дней посещал он источник. Заодно совершал небольшие экскурсии по реке Биену, на плодородные поля Копала. А 24 августа стал собираться в дорогу. Полковник Абакумов сообразил на скорую руку ужин. С полным стаканом настойки он произнес прощальную речь:

— Дорогой Петр Петрович! Да сохранит вас господь от острого ножа сарыбагишей, от горных обвалов, от когтей тигра и самой обыкновенной дизентерии. Желаю успеха...

На дворе позванивала бубенцами тройка. Дальше Семенова уже сопровождали копальские казаки. Он распрощался с гостеприимным полковником, с семипалатинскими казаками, сел в тарантас. Возница натянул вожжи, лошади лихо взяли с места, Семенов обернулся.

На крыльце стоял, широко расставив ноги, распахнув халат, печальный от расставания и хмеля полковник.

— Заверните к Чубар-мулле! Не пожалее! — долетел до Семенова его зычный голос.

Глава 8

СТЕПНЫЕ ВСТРЕЧИ

Ястреб парил на распахнутых крыльях, совершая круги над Семеновым. Круглые тени облаков, упавшие в Каратал, бежали против течения, и река не могла повернуть их с собою. В движении облаков, воды, рыбьих стай чувствовалась неистребимая красота жизни. Ковыль и солянки сгибались под ветром, но в каждом изгибе их виднелось движение.

Семенов зорко наблюдал и за беспредельными просторами Киргизской степи, и за черепахами на пыльной дороге, и за ястребом, висящим в вечеряющем небе, и ощущение земной красоты не покидало его.

А тарантас скрипел, подрагивал на тугих песках. В теплом закате лоснились гребни Семиреченского Алатау. Из-за гребней появилась луна, ломанные тени гор испестрили дорогу. Они лежали на пыльном пути — мохнатые, безобразные, неподвижные. Семенов пытался отыскать в тенях все ту же красоту движения. А тени не двигались. Они были мертвы. И они были неприятны — красота не одухотворяла эти бестелесные видения.

И вдруг тени скорчились, содрогнулись, подскочили, подброшенные кверху какой-то чудовищной силой.

Это странное движение длилось лишь сотую долю минуты, а потом кто-то приподнял всю окрестность, двинул ее вперед-назад и опустил на место. Только эти два коротких толчка продолжались бесконечно долго — почти полную секунду. И в эту секунду Семенов заметил, как скалы на горных обрывах и сами горные обрывы поползли в небо и, грохоча и разламываясь, рухнули вниз. Пылевые смерчи крутились над ними, а на дорогу все еще выскакивали обломки.

— Землетрясение! — понял Семенов, уже когда обвалы прекратились, грохот растаял, пылевые смерчи успокоились. Впервые в жизни он видел, слышал, чувствовал землетрясение, всколыхнувшее горы и степь. Оно уже кончилось, а в Петре Петровиче все еще жило ожидание второго толчка. Почему-то думалось: при втором толчке земля обязательно разломится под колесами тарантаса.

Вечером он приехал на Карабулакский пикет. Глинобитные мазанки пикета стояли на голом месте; только на отшибе покачивались молоденькие яблони. Листва деревьев пожухла и свернулась. Петр Петрович прикоснулся к одной из яблонь, деревце тут же упало. Это была всего лишь воткнутая в каменистую землю ветка. Семенов спросил у начальника

пикета:

— Какая вам польза от палок, закопанных в землю?

— Посадили в вашу честь, — без тени смущения ответил начальник.

— Полковник Абакумов с нарочным наказал — едет, дескать, министр ботаники, любит деревья, немедленно посадить. Мы и постарались...

Петр Петрович грустно усмехнулся. От самого Омска его опережал нелепый слух о «министре ботаники». Слух этот был основан на том, что в открытом листе, выданном Географическим обществом, Семенов назывался магистром ботаники.

После короткого отдыха Петр Петрович раскрыл дневник. Стал старательно записывать по-латыни названия собранных трав и цветов. Незабудка превратилась в Мусотис Стилватюка, казачий можжевельник — в Линениус Сабина.

Он вспомнил недавнее землетрясение. «Поразило меня неожиданное явление, которое я ощущал в первый раз в своей жизни: скалы начали колебаться, а обвалы беспрестанно падали с треском с горных вершин: это было довольно сильное землетрясение».

Как только он вспомнил это, землетрясение утратило свою грозную силу, прыгающие тени, скалы, приподнимающиеся в небо, улеглись в страницы его дневника. Все, что он видел, теперь не имело силы и свежести, глубины и пространственности. Он жил ожиданием новых событий и встреч. Осмысливать прошедшее и пережитое он будет потом, в тишине кабинета, в солнечном потоке воспоминаний.

Петр Петрович отложил дневник. Впечатления записаны, гербарий приведен в порядок, что еще ему делать на Карабулакском пикете? Да, чуть не позабыл совет полковника Абакумова встретиться с вождем челоказов Чубар-муллой. До поселения Чубар-муллы было всего восемь верст. Петр Петрович решил познакомиться с челоказами. Прихватив переводчика, он отправился к Чубар-мулле. Дорога шла долиною Каратала — мелкой, но бурной реки. Из водоворотов угрожающе выглядывали огромные камни, над порогами вздымались пенные гривы, вывороченные пни шевелились, словно живые осьминоги.

Семенов переходил вброд Каратал, все время опасаясь, чтобы течение не опрокинуло, не разбило его о каменистое дно. Они проехали мимо абрикосовых садов, огородов и бахчей. В садах замелькали белые с плоскими крышами домики — это и было поселение Чубар-муллы. Табун кобылиц встретил Петра Петровича пронзительным ржанием. У поселка он обогнал большое стадо курдючных овец.

Челоказки встретили его недоверчиво. На вопрос, можно ли увидеть

Чубар-муллу, ответили отрицательно. Тогда Петр Петрович послал к Чубар-мулле переводчика.

— Объясни ему, что я приехал издалека. Скажи: прибыл из самого Петербурга познакомиться с ним, побеседовать о том, как живется людям на новых русских землях.

Через полчаса подошел высокий старик, с тяжелым, спокойным, будто высеченным из коричневого гранита, лицом. На запавших щеках синели вытравленные следы каторжных клейм, белая борода струилась по груди. Голову украшала зеленая чалма. Почтенному патриарху челоказаков было уже за восемьдесят.

Петр Петрович приветствовал Чубар-муллу по-киргизски, с трудом подбирая и плохо выговаривая слова. Чубар-мулла молчал, безмятежно улыбаясь. Петр Петрович перешел на узбекский язык, который знал еще хуже киргизского. Чубар-мулла не отвечал. «Старик совсем не понимает меня». Петр Петрович обратился за помощью к переводчику, но в эту минуту Чубар-мулла сказал:

— А вы, ка-быть, русак, ваше благородие? Давненько я русского языка не слышал...

Петру Петровичу сразу стало легко и свободно. Таинственный Чубар-мулла оказался обрусевшим татаринном.

Долго просидел Петр Петрович с Чубар-муллой, пил кумыс, слушал историю жизни старого степного Одиссея. Чубар-Мулла рассказывал о себе тихо, скупно, грустно, а перед Петром Петровичем разворачивались его необыкновенные приключения.

Восемнадцатилетнего татарина забрали в солдаты. Чубар не выдержал солдатчины и бежал. Его поймали, высекли и осудили на каторгу. Юные щеки его обожгли каторжным клеймом и сослали в Сибирь, на свинцовые рудники. Чубар снова бежал — уже в бескрайнюю Киргизскую степь.

Переодетый буддийским монахом Чубар (незаконно присвоивший себе звание муллы) проник в таинственную, недостижимую для европейцев Кашгарию и скитался по ней два года. Потом судьба занесла его в древний город Кульджу.

Из Кульджи с караваном китайских купцов Чубар-мулла попал в Центральный Тянь-Шань. По ущельям Чу он спустился с Небесных гор к пескам Муюн-Кумской пустыни. Через Талас и Аулиэ-Ату дошел до Кокандского ханства. Долгие годы прожил он в Ташкении (так Чубар-мулла называл Ташкент). Там он встретил колонию русских и вступил в ее члены.

Он женился, обзавелся детьми, уже старость схватила его за горло, а в душе по-прежнему жили беспокойство странствий и тоска по родине. Под

знойным небом Азии он тосковал о морозных снегах России.

В 40-х годах до казачьей колонии в Ташкенте докатились слухи — в Семиречье возникло русское поселение Копал. Неодолимое желание во что бы то ни стало попасть в Копал вспыхнуло в душе старого Чубара. Он уговорил группу друзей и с ними покинул Ташкент.

Верблюжий караван, навьюченный шепталой, фисташками, кишмишем, долго брел по ковыльным просторам Семиречья. Сотоварищи верили своему вожаку, и Чубар-мулла благополучно привел их на черную реку — Каратал. Здесь они и поселились под именем челоказаков — выходцев из Ташкении...

Семенов распрощался с Чубар-муллой, и снова от пикета к пикету развевалась степная дорога.

Семенову встречались казачьи разъезды, повозки русских переселенцев, глинобитные мазанки, одинокие деревянные кресты над одинокими же могилами. Он видел овечьи отары, цепочки верблюдов, всадников в малахях и стеганых халатах, войлочные юрты, похожие на гигантских черепах. Но с киргизами — настоящими хозяевами степи он все еще не встречался.

Те киргизы, которых он видел в Омске и Семипалатинске, были уже подданными Русской империи. Про незамиранных киргизов он слышал лишь пренебрежительные отзывы царских чиновников, но не представлял их семейного уклада, жизни, обычаев. Он не имел понятия об их преданиях, песнях, памятниках, а ему хотелось заглянуть в душу чужого народа, узнать, понять, почувствовать его национальные особенности.

Август все так же дышал раскаленными песками, воздух потерял свою ясноту, над степью колебалось марево, искажая и смазывая ее очертания.

Солнце походило на окровавленный бычий глаз, такыры сверкали от зноя, и несло от них безысходной тоской. Валуны странно потрескивали и раскальвались, издавая сухие щелчки. В пыльной тишине полудня эти щелчки и потрескивание удручали путешественника. «Солнце заставляет кричать даже камни пустыни», — вспомнилась восточная пословица, и была она точна и определена. Он положил руку на пистолет и тут же отдернул ее — ствол опалил ладонь.

Глаза устали от мелькающего степного марева, он повернулся к юго-востоку, где пестрели горные группы — Куянды и Аламан. Он уже знал из беглых разговоров — с вершины Аламана открывается захватывающая по своей широте и размаху панорама. Оттуда можно увидеть горные цепи, уходящие в китайские пределы, и самую главную реку Семиречья — Или. А в особенно светлый час с Аламана проглядываются Небесные горы.

Страстное желание немедленно, пусть мимолетно, окинуть взглядом далекий Тянь-Шань охватило Семенова. Каждому человеку свойственно нетерпеливое желание увидеть как можно скорее то, к чему он непрестанно стремится.

Петр Петрович жадно расспрашивал всех выдавших Тянь-Шань своими глазами: каков он? Похож ли на Семиреченский Алатау?

Сторожевые казаки отвечали:

— Похож чуток, но поосанистее... Начальники дорожных пикетов говорили:

— Тянь-Шань — сплошная стена между землей и небом. Страшно смотреть на его высоту!

Русские переселенцы простодушно вздыхали:

— За каменными теми горами, чать, конец белому свету.

Как ни размагничивал августовский зной Семенова, он не усыплял его ненасытного желания. И это желание еще более окрепло, когда Петр Петрович приехал на Коксуйский пикет.

— Кто меня проведет на вершину Аламана? — нетерпеливо спросил он.

Никто из сторожевых казаков не бывал на Аламане. Начальник пикета посоветовал:

— Попробуй, ваше благородие, потолковать с киргизским султаном Адамсыртом. Он, азиятец, сегодня кочует у Аламана. У него там летнее джейляу.

Семенов отправился на джейляу Адамсырта. Из душевной, освещенной звездами ночи к нему подкатились собачий лай, топот ног, гортанные возгласы.

Закутанные по брови женщины подхватывали ребятишек и исчезали в юртах, черные фигуры киргизов маячили в отсветах догорающих костров. Киргизы встречали Семенова молчаливо, но без тени враждебности.

— Я хочу видеть аксакала Адамсырта, — сказал он, снимая шляпу и обращаясь к старому киргизу. Он решил, что этот безбровый почтенный старец и есть сам Адамсырт.

Старик молча указал рукой на большую юрту. Семенов направился к юрте, но кто-то уже приподнял тяжелый коричневый ковер над входом. Навстречу вышел молодой стройный человек. Он был очень красив, особенной, дикой, степной красотой.

— Я рад видеть вас, — правильно и чисто по-русски произнес Адамсырт. — Весть о вашем приезде летит по нашим степям, подобно беркуту, — черные усики приподнялись запятыми над верхней губой.

Адамсырт смотрел на Семенова бархатными глубокими глазами, но в этом пристальном взгляде Петр Петрович видел только вежливое гостеприимство.

После обмена приветствиями он объяснил, зачем приехал.

— Еще перед зарей мы будем на Аламане. Гостю незачем беспокоиться, за гостя буду беспокоиться я.

В юрте, усевшись на кошму, Семенов с любопытством посматривал на незнакомую обстановку. Самаркандские ковры цвели причудливыми узорами, атласные подушки возвышались пирамидками по окружности юрты, между ними стояли, в бронзовых и серебряных обручах, сундуки. Высокие кунганы с тонкими горлышками и крутыми ручками толпились у входа, рыжими лунами казались медные тазы. Юрта тонула в засасывающей тишине белых кошм, голубых подушек, полосатых паласов, а в центре сидел Адамсырт, похожий на пестрого фазана. Яркий халат, струясь, обтягивал его тело: из цветастого оперенья выглядывала маленькая, круглая, черная, как вар, голова с умными глазами и короткими ироническими усиками.

На низеньком столике было угощение: баурсаки, зажаренные в бараньем сале, зеленоватая острокислая брынза, засахаренный миндаль, вяленая сладкая дыня, соленые арбузы, крупный, янтарного цвета, кишмиш.

Семенов прихлебывал из пиалы кумыс, исподтишка приглядываясь к Адамсырту. Султан учтиво осведомился о цели его путешествия. Он задавал вопросы осторожные и вкрадчивые, а слушая ответы, откидывал голову и замирал в полной неподвижности.

— Наши племена раздирают родовые распри, враги используют эти распри против нас, — сказал султан. — Сарыбагиши — подданные кокандского хана — захватывают земли и скот, уводят в плен богинцев. Сарыбагиши сильны, их много, они выгоняют богинцев с родных земель. У богинцев осталась только надежда на покровительство русского царя. Степные киргизы переходят в русское подданство, чтобы спастись от полного уничтожения. Вот почему я и перешел на сторону белого царя, — говорил Адамсырт, и нельзя было понять, радуется он или же печалится своему русскому подданству.

— Я — ученый, и меня огорчают раздоры и междоусобные войны ваших родственных между собою племен, — сказал Семенов. — Меня привлекает мирная жизнь киргизов, их обычаи, песни, легенды. Меня интересует природа Киргизской степи и Небесных гор — вот цель моего путешествия.

Адамсырт молчал, недоверчиво сузив глаза. При слабом огоньке оплывающей свечи фазаньи краски его халата медленно гасли. Теперь он напоминал ворона со степного кургана.

— Небесные горы можно увидеть с высоты Аламана лишь на раннем рассвете, — зачеркнул Адамсырт своими словами слова Семенова.

Петр Петрович лежал на душевной кошме и видел в отверстие юрты черный круг неба с маленькими острыми звездами. За юртой раздавался гортанный напев чабанов, стороживших стада Адамсырта. Унылая мелодия распарывала ночную тишину, бесконечная и однообразная, как степь. Семенову думалось: печальная мелодия эта стремится к звездам, но, обессиленная, обрывается в пустоте. И снова приподнимается к звездам...

Небо, забрызганное пятнами зари, медленно зеленело, когда они достигли вершины Аламана. Вид с Аламана был необыкновенно хорош и беспределен, но на юго-востоке тучи закрывали Небесные горы. До них еще было двести верст, и Семенову пришлось придушить свое желание.

Молодой султан вел Петра Петровича новой тропой на речку Коктал. На берегу этой речушки было второе летнее пастбище Адамсырта. Оборванные чабаны окружили своего хозяина. Их лица, обожженные пыльными ветрами, глаза с голодным блеском, руки и ноги, израненные верблюжьей колючкой, удручали Семенова. А юрты их напоминали грязные вонючие бугры. Полусгнившие кошмы и облезлые верблюжьи кожи свисали с деревянных кареге, перед входом валялись бараньи кости, в закопченных котлах остывал чай, подернутый пленкой бараньего жира.

Для гостя и хозяина чабаны расстелили на берегу кошму. Старик с редкой бородкой и красными вялыми глазами наливал кумыс из бурдюка, и клочки бараньей шерсти крутились в переполненных пиалах. Семенов пил кумыс и любовался мелкой серой травой, устилавшей берег ровными и нежными полосами. Он вырвал горсть сероватой травки, понюхал, ее, определил:

— Церотакарпиус аренариус!

— Эбелек, — ответил бесстрастно Адамсырт, не понимая латинского названия знакомой травы.

А Петр Петрович не понимал ее киргизского имени.

— Эбелек? — переспросил он. — Что сие значит? Они долго перебирали слова для перевода, пока не остановились на простом и ясном — «устели поле».

Грозовая туча, скрывавшая Небесные горы, подползала к левому берегу Коктала. Она ползла медленно с утра, через весь день и, наконец, осыпалась на реку крупным дождем.

Между косяком дождя и Семеновым было двадцать саженой знойного воздуха. Он видел, как солнце растягивалось, дробилось, стекало в реку вместе с каплями, как на воде вырастали и лопались пузыри. Белые лилии и мясистые листья кубышек плясали под ливнем, передавая друг другу широкие ломаные круги. Сазаны будто сошли с ума от грозы. Они изгибались желтыми полукружьями, развертывались стремительными пружинами, выпрыгивали из волн, ликуя и пританцовывая.

После дождя наступил удивительной свежести вечер. Небо, степь, река блестели, с берегов наплывали дурмящие запахи трав, умиротворенность и грусть дымились над степью.

В Семенове возникали какие-то неясные, легкие видения, ему слышались странные гулы отошедших в небытие буйных степных событий. Он еще не имел воспоминаний о степи — он жил лишь первыми впечатлениями от ее просторов.

Когда солнце, огромное и оранжевое, погрузилось в ковыль, Адамсырт отошел в сторону, бросился на колени, снял коническую черную шапку и, обратившись к западу, совершил намаз. Он молился так же равнодушно, как и разговаривал.

В мягких сумерках расплывались молчаливые фигуры чабанов. Адамсырт сказал чабану с жидкой бородкой и красными глазами:

— Гость желает слушать наши песни. Спой ему, Наурбек.

Семенов поразился вежливости молодого султана; ночью Адамсырт, казалось, не обратил внимания на его робкую просьбу о киргизских легендах и песнях.

Старый чабан провел пальцем по бараньим жилам домбры, и она жалобно вскрикнула. Тревожный звук заскользил в сумерках, и Наурбек протяжно запел. Хриплые слова срывались с его облупленных губ, жалуясь и скорбя.

Наурбек пел о неизвестном Семенову герое Киргизских степей Махамбете.

Глава 9

ГОЛОВА ПЕВЦА

...Восстание было разгромлено, Исатай убит, Махамбет бежал в степь.

И вот он сидит в одинокой юрте на старой кошме, прижимаясь к заиндевелому войлоку. Декабрьский ветер сотрясает юрту, иней сыплется на усталые руки акына, засеивая голову и плечи, но Махамбет не чувствует стужи. Синие от беды и холода губы тихо произносят слова песни, которая рождается в его сердце. «Сокол уставший, куда полечу, смогу ли покинуть собственный край», — повторяет он первые строки и никак не может подобрать новых слов. «Хотел бы я снова рвануться к мечу, да нет во мне силы...»

Махамбет наклоняет голову и прислушивается к посвисту снежного ветра. Как и кому поведать о том, что случилось? Кому передать свою ненависть к хану Джангиру, кто сохранит в памяти историю народного восстания, его песни гнева и борьбы, имя его славного друга Исатая Тайманова?

Перед глазами Махамбета возникает маленький толстый человечек с лицом, исколотым оспой, с вывернутыми жирными губами — хан Букеевской орды Джангир.

Певец поднял голову — ненавистное лицо хана Джангира растаяло.

Кошма, прикрывающая вход, зашевелилась и приподнялась, в юрту вошел юноша, поклонился, спросил:

— Тебе ничего не надо, аксакал?

— Мне теперь ничего не надо, мой мальчик.

— Я видел вечером подозрительного человека. Он все посматривал на юрту. Я боюсь — это ханский шакал, идущий по твоему следу. Когда я спросил, кто он и что ему надо, он ускакал в степь.

— Спасибо, мой джигит. Махамбету уже не страшны ханские шакалы, Махамбет уже на пути ко Всемогущему. Если никуда не спешишь, присядь на кошму и слушай. Я знаю, у тебя хорошая память. Постарайся запомнить все, что я скажу. Наступит время, и ты передашь мой рассказ другим.

(А в это время из ставки хана Джангира выехало восемь всадников. Маленький отряд устремился в степь, горяча и подстегивая лошадей. Лошади вскидывали головы, ломали копытами хрупкую снежную пелену и летели сквозь ветер.

И впереди всех скакал узколицый, тонкогубый человек, похожий на

голодного ястреба нарынских степей...)

— Каких только притеснений не совершал хан Джангир, каких налогов не придумывал! Мы платили ему и зякет, и сугум, и тулак, и фитир. А хан требовал налоги и за «красную кошму», и за «конский убой», и за сильного верблюда, и за жирных баранов. Он отнимал наши пастбища, наших жен и детей. И все, что имели джетаки, стало ханским добром. Мы не выдержали притеснений хана Джангира и восстали против него. А душою восстания был мой друг — Исатай.

Со всех сторон, из всех аулов Букеевской орды к нам стали стекаться люди. Мы потребовали от хана, чтобы он вернул наши земли, наших жен и детей, отменил несправедливые налоги.

Хан обозвал нас голодными собаками, ворующими чужое мясо. И приказал задержать нас, как бунтовщиков. Против нас выступил ханский родственник султан Ходжа.

Исатай и я говорили восставшим:

— Нас еще мало, а ханские отряды сильны. Но пусть их больше, чем нас, мы будем сражаться.

Мы укрепили свой аул и приготовились к обороне. Семь дней стоял султан Ходжа перед нашими укреплениями. После бесплодной осады Ходжа предложил нам вступить в открытый бой. И хотя нас было втрое меньше, мы согласились. Мы вышли из аула и приготовились к схватке. Но так велика и страшна была наша ненависть, что Ходжа уступил, не приняв боя. Эта первая бескровная победа окрылила нас. Исатай решил захватить ханскую ставку и заставить Джангира исполнить наши требования. Тогда-то испуганный хан прислал письмо.

«Вернитесь обратно, разойдитесь по своим аулам, я обещаю расследовать ваши жалобы», — писал хан.

Я не поверил его лживым обещаниям. Я сказал Исатаю:

— Если ты наступил на хвост змее, раздави ее голову...

Исатай не послушался моего совета. Он повернул обратно, а хан нарушил свои обещания. Тогда мы стали захватывать ханские земли и скот, нападать на его кочевья и аулы. Осенью восьмисот тридцать седьмого года мы уже были около ханской ставки. Я опять говорил Исатаю: наступивший на хвост змеи должен раздавить ее голову. Исатай опять заколебался.

Случилось то, чего я боялся. Джангир собрал сильный отряд, после трех сражений мы отступили к реке Уралу. Переправились через реку и ушли в степи...

За войлоком юрты по-прежнему посвистывал ветер, снежные косяки проносились над степью, а степь лежала бесконечная, как небо.

— Слушай дальше, мой мальчик. Мы были разгромлены, но не побеждены. И мы не отказались от борьбы. Мы подняли против Джангира джетаков Малой орды. День и ночь разъезжал я по аулам, призывая к новому восстанию. Скоро мы собрали три тысячи джигитов, готовых к походу против Джангира. Наша сила перепугала султана Баймахамбета, и он решил преградить нам путь на ханскую ставку.

Мы встретились с Баймахамбетом на берегах степной речки Ак-Булак. У нас были самодельные мечи и плохие пики. У султана — русские ружья. Стояла жара, над степью висела пыль, а воды Ак-Булака казались черными и тяжелыми.

Мы сражались отчаянно, но слишком неравными были силы. Русские ружья сделали свое дело. В разгаре сражения погиб Исатай. Он сражался как батыр и погиб подобно батыру. Мы потерпели новое поражение и рассеялись по степям. Я снова ушел в нарынские пески...

(А в это время по декабрьским степям мчались ханские всадники. Кони дробили копытами снег, с обледенелых удил падали клочья иены, лошадиные спины седели от пота, но всадники не щадили коней. Они все спешили, страшась, что опять не захватят неуловимого акына и навлекут на себя ярость хана Джангира.

Они спешили, спешили! И впереди всех расстилался жеребец узколицего человека, напоминающего голодного ястреба из нарынских степей...)

А Махамбет говорил джигиту:

— Хан Джангир ищет меня повсюду. Он знает — пока я жив, ему спокойно не спать. Меня же укрывает народ. Меня укрывают вот такие, как ты, мой мальчик. Почему преследует меня хан, спрашиваешь ты? Он боится моих песен, тех самых, что я пою против него по аулам. Ханские ищейки иногда нападают на мои следы. В прошлом году они не только отыскивали, но изловили меня, притащили в ханскую юрту. Я смотрел на хана, одетого в пышный халат, похожий на радугу. Этот халат стоил пятнадцать тысяч золотых русских рублей. Чтобы Джангир мог носить такие халаты, пить дорогое вино и веселиться, мы платили непосильные налоги. Да, мой мальчик, ханский халат был соткан из золота и крови, серебра и пота, шелка и слез бедных.

Хану не удалось тогда уничтожить меня. Я вырвался из его цепких когтей и снова ушел в степь...

(А в это время отряд всадников на полном скаку приближался к одинокой заснеженной юрте.

Уже слышно, как храпят лошади, как зло переругиваются всадники. А

человек, похожий на ястреба, склоняется над седлом, отбрасывая поводья и вытаскивая из ножен казачью шашку...)

Юноша поднял голову, вскрикнул, услышав конский топот:

— Аксакал, сюда скачут враги!

И выбежал из юрты. А Махамбет поднялся, расправил плечи, ощупал спрятанный на груди кинжал.

Он стоял в ожидании врагов, спокойный, усталый, немного печальный. Кто-то сорвал и отбросил кошму, спешенные всадники ввалились в юрту.

Махамбет отступил на шаг, поднял кинжал и бросился на своих врагов. Его окружили рычащим кольцом, сбили на пол, стали топтать ногами...

Из юрты вышел узколицый, тонкогубый человек, держа на вытянутой руке голову Махамбета. Он нес ее осторожно, страшась заглянуть в открытые, еще живые глаза. Но не выдержал, заглянул и тут же поспешно закрыл пальцем веки над страшными для него глазами.

Человек шел к своей лошади, прерывисто дыша и прихрамывая. Голова певца казалась ему тяжелой, как золотое ядро...

Глава 10

НЕБЕСНЫЕ ГОРЫ

Была уже ночь, когда Наурбек закончил сказание о Махамбете.

Он опустил на колени домбру, покосился на Адамсырта. Молодой султан сидел неподвижно, с равнодушным выражением на презрительно сжатых губах. Тени чабанов покачивались на траве, серая пелена элбека сползала к берегу Коктала.

— Хан Джангир был жестоким притеснителем киргизов, — сказал Адамсырт. — Я слышал русскую поговорку: не руби сук, на котором сидишь. А Джангир рубил. А Махамбет был настоящим степным акыном, — заключил Адамсырт неожиданно. — Но он был бунтовщиком. Вот почему он потерял голову прежде, чем спел все свои песни...

На рассвете Семенов распрощался с Адамсыртом, и тарантас снова загремел по каменистой дороге. Сопровождающие казаки то обгоняли его, то отставали, охотясь на дроф.

Степь изменилась. Передние цепи Семиреченского Алатау сменились лиловыми холмами. Появились барханы, сплошь заросшие саксаулом, и барханы из крупного желтого песка. Семенов вылез из тарантаса, прошел на барханы.

Из песков били темно-зеленые фонтанчики селина, в западинках лиловели цветы гусяного мака, вырезные листья ферулы почерневшими кружевами лежали в пыли. Дикая роза рассыпалась от легкого прикосновения, тамариск, будто опрыснутый алюминиевым раствором, склонялся над солонцами.

Наметанным глазом ботаника посмотрел Семенов на погибающие от зноя травы, остановился на кромке саксауловых зарослей.

Печален и бесприютен был этот низенький саксауловый лес. Толстые корни изгибались, словно мертвые змеи, и были они гранитно тверды. На кончиках голых ветвей торчали зеленые кисточки — жалкое подобие листвы. Кругом валялись сухие скрюченные сучки. Петр Петрович наступил на один из них. Сучок испуганно рванулся из-под ноги, пополз в сторону. Семенов вздрогнул, но тут же рассмеялся и взял в руки песчаного удавчика. Покачал на ладони, положил на бархан. Удавчик стал ввинчиваться в песок, на бархане вспухла извилистая полоса.

Семенов собрал большую охапку растений, перенес к тарантасу. Казаки посмеивались в усы — причуды господина путешественника

забавляли их.

— Скоро будет Или? — спросил он у старшего казака.

— К вечеру бы надо добраться, да только вот... — замялся старшой, сдвигая на затылок фуражку с красным околышем.

— Что «вот»? Договаривай?

— Боюсь черной бури. Воздух дюже тяжелый да темный. Ложись в тарантас, барин, а я тебя укрою кошмой.

Воздух действительно становился тягучим, слоистое марево сгущалось, словно расплавленное стекло. Гребни барханов завихрялись малюсенькими смерчами, задувал южный ветер. Петр Петрович снял широкополую шляпу, вытер пот с загоревшего лба.

Бесконечные степи, как и великие леса, быстро приучают к сосредоточенному молчанию. И к думам. Семенов лежал в тарантасе, обхватив колени руками, накрывшись кошмой, следил за бегущими песчаными ручейками, за ветром, вздымающим полосы пыли, и думал сразу о многих вещах. Чтобы собрать каплю нектара, пчела облетит шесть тысяч цветов. Кем это подсчитано? А мы даже не знаем, сколько в Русской империи населения. И о самой-то России знаем мы приблизительно. Сколько надо еще совершить путешествий и географических открытий, чтобы определить наши собственные границы? Да вот хотя бы границу в Центральной Азии. Он проехал уже тысячу верст по новым русским владениям, а граница все еще остается по линии Урал — Иртыш. Странное и нелепое положение...

С юга дул с нарастающей силой ветер, вздымая, клубя, волоча уже совершенно черные тучи. Наступило какое-то тревожное состояние — степь словно обеспамятовала от ветра и черных туч. Взвизгивая, проносились щебенка, подпрыгивали камешки, крутились клочья выдранных трав. Ястреб бесполезно взмахивал крыльями, пробиваясь сквозь ветер. Птицу подбросило кверху, стремительно потянуло вниз и ударило о землю. Мертвую, ее волокло, и переворачивало, и заметало песком. Казаки уложили лошадей, укрылись за их спинами — над людьми и животными вспухали песчаные сугробы.

Семенов плотнее завернулся в кошму. Песок стучал, со стеклянным шорохом проникая под кошму, хрустел на зубах, обжигал скулы, шею, грудь, заползал в рот и глаза.

Над Семеновым, над распластанными казаками и лошадьми, над Киргизской степью ревела черная буря.

Она затихла только к вечеру. Казаки отряхнулись, запрягли лошадей. Семенов снова ехал мимо лиловых холмов, при дымной луне. В ее

ускользающем свете барханы увеличивались до неправдоподобных размеров, заросли саксаула казались глубокими и таинственными.

Переночевали на Карачекинском пикете, у невысокого порфиристого кряжика. Семенов проснулся в четыре часа, выбрался из тарантаса. Выпрямился, откинул голову. Далеко за кряжиком на юго-восточной части неба стояли белые плотные облака; длинные зеленоватые полосы прошивали их сверху донизу.

Семенов скользнул безразличным взглядом по облакам и отвернулся. Его внимание привлекли яркие синеголовки. Хрупкие цветы выдержали черную бурю и теперь весело подмигивали из серой пелены песка.

Опираясь на палку, он поднимался по порфиристому склону кряжика. Вместе с ним поднимались и белые облака. С каждым новым шагом облака расширялись, раздвигались, росли, не меняя своих округлых очертаний. Только в одной части неба они взметнулись трехголовым пиком, и пик блистал твердой и свежей белизною.

Семенов поднимался — облака становились выпуклее, рельефнее, словно отделялись от неба. Они уже перечеркивали горизонт, как исполинские белые тучи. Синие и зеленые пятна и полосы на них углублялись и набухали — необъятная панорама была и чудовищной и прекрасной.

Семенов взошел на вершину. Когда человек долго ждет встречи с невероятным, оно в первое мгновение кажется обыкновенным. Впереди колыхалась широкая рыжая полоса Или, и тогда Петр Петрович понял: перед ним Небесные горы.

Захваченный внезапным восхищением, он поднял шляпу над головой.

— Здравствуй, Тянь-Шань!

Весь этот день чувство полета и душевной приподнятости не покидало его. До Небесных гор было еще далеко — около ста верст, но они заполняли его ум и душу, блистая и торжествуя.

Не выдержав медлительной езды в тарантасе, он поскакал верхом на берег реки.

С появлением Небесных гор и мир, окружающий Семенова, резко изменился. Он видел себя в совершенно иной, своеобразной растительной зоне. Он въехал в заросли барбариса. Заросли, втрое превышающие человеческий рост, переплетались над ним, гроздь крупных розовых ягод касались его лица. Фазан, пестрый и радужный, проскользнул мимо и с треском взлетел над кустами. Гелиотропы и гребенщики цвели на светлых полянках, акации и курчавки обступили затхлые лужи. Но особенно привлекали и поражали серебристые джиды. Легкие, похожие на

прозрачные шатры, с тонкими листьями, они несдуваемо висели над илийской водой, и сквозь них тоже проглядывались Небесные горы.

Он выехал к черному затону, спящему в камышах. На песке наливались водой следы прибалхашского тигра, мелькали с черными длинными иглами илийские дикобразы.

Он выбрался на берег Или, осадил лошадь у кромки воды. У берега поскрипывал большой неуклюжий баркас, суетились казаки с Илийского пикета. Сам пикет находился поодаль: в нем еще не было зданий, и обитатели его жили в юртах. Семенов подошел к молодому русоголовому боцману, спросил, где строился такой громоздкий баркас.

— На озере, на Балхаше, — с превосходством бывалого человека ответил боцман.

Семенов с интересом стал расспрашивать про Балхаш: велик ли он, глубок ли, легко ли плавать по этому озеру?

Со снисходительностью в волжском окающем голосе боцман объяснил:

— Баркас-то мы сработали, полгода тому не будет. Плыли не глыбко, а все-таки сажен восемь на круг, есть места и помельче. По берегам камышовые заросли, азиатцы их тугаями зовут. Тигры, бают, в этих тугаях скрываются. Самое для них разлюбезное место. Когда из озера в устье Или вошли, то вверх уже бечевой тянулись. Месяц до Илийского пикета шлепали. Да ничего, дошли...

Это «ничего, дошли» прозвучало и просто и горделиво.

— Завидное путешествие, — сказал с уважением Семенов.

Переправа через реку продолжалась до вечера. Тарантас перевезли на плоскодонке, а Петр Петрович с казаками переплывали на лошадях. Плыли тесной толпой, поддерживая друг друга за седла, и все же чуть-чуть не утонул один из казаков. Казака закрутил водоворот, но он успел ухватиться за лошадь соседа. Его собственная исчезла в водовороте и, мертвая, вынырнула на середине реки.

От реки Или до русского поселения Верное оставалось еще два перегона. Семенов снова сел в тарантас, не в силах оторвать взгляда от передовой цепи Небесных гор — Заилийского Алатау. Семенов пожалел, что он не художник и что не ему придется зарисовать контуры Заилийского Алатау. «Я совершил ошибку, не захватив художника. Легко сказать — не захватил, а кто бы поехал со мною?» Рука нащупала в грудном кармане куртки записную книжку. Обычно он вел дневник на дорожных пикетах, а сейчас не выдержал и остановил тарантас. В неудобной позе, положив на согнутые колени книжку, записал:

«Во все время нашего перегона от Илийского до Алматинского пикета мы видели перед собой колоссальный Заилийский Алатау. Хребет этот простирается от востока к западу более чем на двести верст, поднимаясь в своей середине до исполинской высоты. По самой середине его возвышается трехглавая гора, имеющая более 4500 метров абсолютной высоты...

День уже склонился к вечеру, и все предгорье Заилийского Алатау скрылось в застилавшей его оболочке сухого тумана, за которым скрывались все контуры хребта, представлявшегося до высоты 3000 метров однообразной темной исполинской стеной; но весь снежный его гребень от 3 до 5 тысяч метров, где уже не было тумана и где атмосфера была совершенно безоблачна и прозрачна, был освещен лучами заходящего солнца, которые давали снегам очаровательный розовый оттенок, и виден с необыкновенной отчетливостью во всех мельчайших контурах...»

Он перечел длинную запись, очень слабо выражавшую его восторг от Небесных гор. В душе его жили и поэт и живописец, но страсть обоих не передавалась непослушным пальцам. Слова и краски остывали, восторг и вдохновение не выливались на странички записной книжки. Живая поэзия мира отказывалась лечь на бумажный листок.

— Ах, какая могучая красота! — вздохнул он.

— Ты что-то сказал, барин? — обернулся казак, сидевший на облучке.

— Что? Я? Я ничего не сказал.

— Сейчас прикатим на Алматинский пикет. А горы-то, господи боже ты мой! — воскликнул казак и пустил вскачь лошадей.

К военному поселению Верное он подъезжал уже ночью. Дегтярная темнота заливала ущелья и скалы, только вершины тусклым серебром снегов освещали небо. Они казались еще выше, величественнее, недоступнее.

Впереди заиграли огни, создавая феерическое зрелище: прямоугольники и квадраты зданий, церковные купола и колокольни, крыши и фасады, колонны и портики, магазины и лавки горели и чадили разноцветным потоком света.

Этот призрачный, выдуманный чьей-то фантазией город переливался перед глазами Семенова, но он еще в Омске узнал: в поселении Верное нет ничего, кроме кибиток, мазанок, солдатских палаток да маленького деревянного домика начальника Заилийского края. «Для чего же эта иллюминация?» — думал он, въезжая в ворота военной крепости.

Глава 11

К ОЗЕРУ ДРАКОНОВ И РЫБ

Он переночевал в юрте, а утром направился с визитом к начальнику Заилийского края, приставу Большой орды полковнику Хоментовскому. После двадцати пяти суток путешествия по Киргизской степи он с удовольствием оглядел чистую, хорошо обставленную приемную.

Из глубины зеркала на него смотрел невысокий, с развернутыми плечами тридцатилетний мужчина. Над прокаленным азиатскими ветрами лбом дыбились крученые волосы, тонкие усы торчали под ястребиным носом. Скулы, подбородок, крепкую шею покрывал густой, орехового цвета загар. Петр Петрович улыбнулся своему отражению.

Внимание его привлекло чучело беркута: привязанный к потолку пернатый хищник держал в лапах хрустальную люстру. Не птица, а химера с Собора Парижской богоматери.

Утренняя тишина пронизана запахами еловых бревен, диких цветов, свежестью горной речки. Солнце уже съедало голубые тени на стенах, затоны горячего света лучились в углах, расцвечивали самаркандские ковры.

Семенов и Хоментовский знали друг друга еще по Петербургу и встретились как добрые товарищи. Михаил Михайлович Хоментовский был образованным человеком и толковым администратором. В беседе с Семеновым о целях его путешествия он высказал ценные соображения, дал полезные советы.

— Вам, конечно, не терпится как можно скорее выехать в горы, добраться до озера Иссык-Куль. Я понимаю ваше нетерпение. Приехали вы в удачное время. На восточной стороне Иссык-Куля сейчас временное затишье. Кровавая распря между сарыбагишами и богинцами приостановилась. Богинцы бежали на восток к китайским границам. Окрестности озера свободны от враждующих племен. Конечно, можно наткнуться на блуждающие шайки барантачей, но с вооруженным отрядом они не страшны. А я дам под вашу команду хороший казачий отряд. Словом, обстоятельства для путешествия сложились благоприятные, я боюсь только за позднее время. В горах теперь затяжные дожди, скоро начнутся метели. Надо поторапливаться, — заключил Михаил Михайлович.

Вражда между двумя племенами каракиргизов — богинцами и сарыбагишами продолжалась уже несколько лет. Сарыбагиши были

подданными кокандского хана, богинцы перешли на сторону России. Кокандский хан яростно сопротивлялся русскому проникновению в Среднюю Азию. Поддерживаемый англичанами кокандский хан преследовал богинцев, отбирал их земли, истреблял целые роды.

В дни, когда Семенов прибыл в Верное, богинцы покинули бассейн Иссык-Куля, а сарыбагиши еще не заняли их родовых земель. Это обстоятельство давало Петру Петровичу возможность без опасных приключений отправиться на Иссык-Куль.

Он не стал задерживаться в Верном. При помощи Хоментовского был скомплектован отряд из десяти казаков и двух киргизов-проводников. Вечером 2 сентября Петр Петрович выступил из Верного на восток, вдоль подножия Заилийского Алатау.

С той минуты, как Семенов увидел Небесные горы, они приворожили его. Он неотрывно смотрел на снежные и пестрые вершины, открывая в них все новую и новую красоту. Их гигантская подкова висела над дикими садами, над Илийской долиной.

Семенов видел, как в темных провалах рождаются невесомые облака. С непостижимой быстротой они сгущаются в грозовые тучи, и душные прямые ливни обрушиваются на долины. Он видел зеленые и темные пятна садов, они наплывали друг на друга, соединялись между собою и меняли краски, как волны в солнечный ветер.

А слева была Киргизская степь, уже совсем напоминающая туманное море. Она и переливалась, как море, дымчатым воздухом, зыбкими валами песков, широкими тенями облаков, скользящими во всех направлениях.

Отряд достиг речки Иссыка. Иссыкская долина, густо поросшая дикими яблонями, урюком и боярышником, являлась одним из входов в Заилийский Алатау. Здесь отряд остановился на дневку.

На привале Семенов узнал о небольшом горном озере Иссыке. Проводники распалили его воображение еще и тем, что в окрестностях Иссыка водятся тигры. В сопровождении охотников он отправился на Иссык.

Иссыкская долина круто уходила в горы, все гуще и гуще становились яблоневого и урючные леса. Охотники въехали под свежие купола яблонь, усеянных созревшими яблоками. Оранжевые и красные круги плодов лежали под каждым деревом, палая листва мягко шуршала.

Семенов заметил куст с перистыми листьями и крупным цветком, протянул к нему руку, но тут же отвел в сторону. Неопалимая купина! Он слез с лошади и долго смотрел на неопалимую купину, словно пришедшую сюда из Рязанской губернии.

Знакомый цветок напомнил его сердцу о милой среднерусской природе.

Он вынул коробок, чиркнул спичкой, поднес к неопалимой купине. Весь куст мгновенно вспыхнул. Тонкое, пронизывающее каждый листок, веточку, лепестки и тычинки цветка сиреневое пламя поколебалось, посияло, погасло. А неопалимая купина по-прежнему была цветущей и свежей, словно пламя и не касалось ее. Сгорело только эфирное масло, которое выделяет в воздух этот такой обычный с виду, но необыкновенный цветок.

— Ое! — вскрикнул проводник. — Цветок не горит. Ты заколдовал его, да?

Наивный вопрос заставил его улыбнуться. Проводник был очень любопытным и смышленным. Приметив, что Петр Петрович собирает растения, проводник показал ему на маленький тонкий кустик. Он оказался новым, еще неизвестным видом бересклета.

Через несколько лет ботаники назовут тянь-шаньский вид бересклета «Евонимус семенови». С тех пор часто ботаники, зоологи, географы будут называть его именем цветы и травы, насекомых и зверей, ледники и горы, но это первое название станет особенно дорогим для него...

Зона диких фруктовых садов сменилась зоной тянь-шаньских елей. Могучие, пепельные стволы уходили в небо, раскидывая свои темно-синие лапы. Семенов запрокидывал голову, чтобы обозреть смутные плывущие макушки, но только видел сквозь синюю хвою кручи и обрывы, спрессованные из белого и розового сиенитов да красного порфира.

За елями начинались заросли арчи, татарской жимолости, черной и красной смородины. Охотники оживились — в таких зарослях встречаются тигры. Но оживление охотников было не очень-то веселым, деланным, даже испуганным. Семенов не особенно верил во встречу с тигром и подшучивал над охотниками.

— Зачем зря шутить? Нехорошо так! Тигр шутить не умеет. Да! — сурово сказал проводник. — Недавно тигр у меня кобылицу зарезал. Ай-яй, какая кобылица была!

А подъем становился все круче.

Семенов сошел с лошади и, сопровождаемый проводником, начал рассматривать горные породы. Красный порфир, диориты — розовые и белые сиениты. Никаких признаков вулканизма. Факты, подтверждающие гипотезу Гумбольдта, пока впереди. Пока все впереди. И для гипотезы Гумбольдта и для открытий его собственных, семеновских. Скоро ли это озеро, называемое Иссыком?

— Сначала дойдем до водопада, — ответил проводник. — А до озера от водопада — дурная дорога. Совсем никакой дороги. Над пропастями пойдем, да!

«Путник, идущий над пропастями Тянь-Шаня, помни: ты лишь слеза на реснице», — вспомнилась Семенову восточная пословица.

Он и проводник одновременно услышали радостно-тревожные крики охотников:

— Тигры, тигры!

Раздался выстрел. Послышались новые азартные возгласы:

— Убегли в арчу!

Семенов разрешил заядлым охотникам преследовать тигров, а сам продолжал подниматься к Зеленому озеру. Раза четыре пришлось перебираться через яростный, несущий крупные камни Иссык. Горный поток кипящими уступами скатывался со скал, грозя опрокинуть и увлечь с собою путешественников.

Проводник привел Петра Петровича к водопаду. Синяя, в пенных накрапах масса воды вылетала из скальной выемки и опрокидывалась в глубокое ущелье. Семенов молча, с захватывающим интересом смотрел на бесконечную живую ленту воды, освещенную заходящим солнцем.

— До Зеленого озера сегодня не дойти. Запоздали, — с сожалением сказал проводник. — А ночью совсем плохо будет. Нельзя идти ночью. Да!

Семенову пришлось вернуться к своему отряду.

Он встревожился, когда узнал, что охотники еще не вернулись.

Охота на тигров кончилась трагически. Преследуя опасных хищников, охотники разделились и пошли по разным тропинкам. Один из них заметил тигра, притаившегося в кустах, но не успел выстрелить. Зверь бросился на казака, ударом лапы вышиб из рук винтовку и остановился.

Так они и стояли, человек и зверь, друг перед другом несколько долгих минут. В эти минуты второй — молодой и неопытный охотник увидел своего товарища и поспешил на выручку. Но в десяти шагах от тигра он испугался и не смог выстрелить. Тигр бросился на него и поволок в кусты.

Упавший охотник успел схватить винтовку и дважды выстрелил по хищнику. Тигр бросил казака и скрылся в зарослях арчи. Зверь перегрыз ему левую руку, повредив плечо и пальцы на правой руке.

Третий охотник, услышав выстрелы, поспешил к месту происшествия и по пути наткнулся на мертвого тигра. Охотники перенесли своего товарища к лошадям и вернулись на дневку утром, когда Петр Петрович разослал свой отряд на их поиски.

Раненого казака пришлось отправить в Верное, а Семенов, так и не

побывав на Иссыке, тронулся в дальнейший путь. 4 сентября он поднялся на перевал Асынь-тау. Как в Иссыкской долине, здесь сменялись растительные зоны. Дикие яблоневые и абрикосовые леса — тяньшаньскими елями, ели — зарослями арчи, черганака, облепихи, за ними появились высокогорные альпийские луга.

Сентябрьская растительность уже тускнела, блекла, но все же тонко пламенели высокие мальвы, обволакивали землю желтым дымком софоры, густо синел шалфей, покачивались голубоватые головки цикория. Яростно, из последних сил, цвел солодковый корень, а рядом с ним грустно осыпались медуница, касатики, дикие астры.

Петр Петрович чувствовал себя в родной стихии. Пополнялись его гербарии, а страницы дневника запестрели латынью.

Ночевать он остановился на вершине Асынь-тау. Впервые в жизни Семенов взошел на высоту в три с половиной тысячи метров, а перевал казался лишь маленькой возвышенностью, затерянной среди каменных громад.

И эти, в легком тумане, горные исполины, и эти луга, покрытые зернистым инеем, и эти провалы, на дне которых ворочались потоки, восхитили его.

Растерянность перед величием Небесных гор почувствовал он. Все те же безмолвные вершины, бездонные пропасти, альпийские пастбища, подернутые пленкой инея. Храпят утомленные казаки, спит у костра проводник, позванивают уздечками лошади...

Утром с перевала Асынь-тау Семенов вышел на реку Асу. Выпавший ночью снег быстро таял, горное солнце ярко светило, температура поднялась, мальвы и бессмертники приподнимались с земли.

Проводник по ущельям вывел Семенова к одной из самых значительных рек Заилийского Алатау — Чилику. Чилик представился Петру Петровичу многоводной рекой, гремющей в порогах. Берега густо поросли пирамидальными тополями и черганакком. Путешественники долго блуждали в лесных зарослях, пока нашли брод. В одном месте Семенов испугнул марала с большими ветвистыми рогами.

— Бугу, бугу! — закричал проводник. — Стреляйте, это бугу!

Марал скрылся прежде, чем Семенов успел снять с плеча винтовку.

Путешественники направились на юго-восток, по широкому плоскогорью Уч-Мерке. Плоскогорье получило свое название от трех речек Мерке, прорезавших в нем каньоны.

Каньон первой Мерке, преградивший путь Семенову, достигал трехсот метров глубины. Петр Петрович спускался по крутым бокам каньона и

видел как бы в разрезе горные породы Тянь-Шаня. «Бока долины, по которым нам пришлось спускаться в нее, были очень круты и состояли из тех характерных конгломератов, из которых, по-видимому, было сложено и все плоскогорье и которые заключали в себе громадные валуны порфира, сиенита, диорита и других кристаллических пород, довольно слабо сцементированных песчаником».

На берегу второй Мерке под тенью тальников расположились на ночлег. Казаки собрали хворосту для костра. Ужинали, хлебая варево деревянными ложками. Петр Петрович взял пиалу, положил в чай черный сухарь. Пил не торопясь, с наслаждением, часто поглядывая на своих спутников.

Курносые лица, рыжие, черные, русые бороды, широкие плечи, жилистые, цепкие, жадные до работы руки. Не жалуясь на тяжелый поход, не обижаясь на скудную пищу, не страшась опасностей, идут эти люди за Семеновым в неведомые, чуждые им горы.

Не так ли шли за Каменный пояс, на завоевание Сибири казаки за Ермаком Тимофеевичем, на Дальний Восток за Ерофеем Хабаровым, к Ледовитому океану за Семеном Дежневым? Это они открывали Иртыш и Лену, Обь и Енисей, золото и драгоценные камни Урала, серебро и свинец Алтая. Их кровью политы степные караванные пути, лесные тропинки, речные переправы, холодные сибирские дороги...

В эти самые минуты, когда Семенов проникает в сердце Тянь-Шаня, казаки и крепостные солдаты укрепляют русские форпосты у Заилийского Алатау, покоряют Дальний Восток с его реками и таежными сопками, строят поселения на побережье Охотского и Берингова морей. Все, что приобретено и объединилось под эгидой двуглавого орла, все сделано их руками.

Утром Семенов перешел третью Мерке и очутился у горного прохода Табульгаты. По словам проводника, там берут начало две речки: одна из них течет к югу и впадает в Иссык-Куль, другая — на север, в реку Или. С высоты горного прохода Табульгаты уже видно озеро Иссык-Куль.

— Дальше Табульгаты я не бывал, — чистосердечно признался проводник.

Весь день ушел на штурм Табульгатинского перевала. Семенов обратил внимание на то, что растительность, несмотря на почти трехкилометровую высоту перевала, очень разнообразна. В этот день он установил — на перевале произрастают цветы и травы европейской, полярной, алтайской, центрально-азиатских форм.

Под вечер он спустился в долину Табульча-су. Снежная пирамидальная

гора закрывала южную часть долины.

— С этой горы, говорят люди, виден Иссык-Куль, — сказал проводник. — Завтра утром ты увидишь озеро. А теперь надо отдыхать. Да!

— Я должен увидеть его сейчас. Я не усну, если не полюбуюсь Иссык-Кулем, — нетерпеливо возразил Петр Петрович. — Разводите костры, ставьте палатку, готовьте ужин, — приказал он конвойным.

Проводник молча сшибал камчой головки цветов. Он устал, и ему не хотелось сопровождать Семенова. «К чему такая спешка?» — спрашивали прищуренные глаза проводника.

— Отдыхайте все. Я схожу один. — Петр Петрович поправил на плече походную сумку и зашагал вверх по долине.

— Аксакал, подожди! — Проводник догнал Семенова. Он не мог оставить Петра Петровича одного в неизвестных местах.

Они поднялись на гору, когда уже закатилось солнце. Петр Петрович увидел озеро, о котором так давно и так напряженно мечтал. Он обводил глазами гладкую, будто отлитую из густого черного металла, поверхность Иссык-Куля, не в силах оторваться от величественного первобытного ландшафта.

Молчаливый и сосредоточенный вернулся он на стоянку, наскоро поужинал и, завернувшись в одеяло, уснул. Поднялся раньше всех, раскрыл дневник. Было необыкновенно тихо, но в горной тишине на высокой ноте звенела речушка. Он прижал карандаш к щеке и морщился, пытаясь подыскать слова: «Начиная от перевала через гребень во время нашего спуска я мог постоянно наслаждаться чудной панорамой всего Тянь-Шаня между меридианами знаменитого Мусартского горного прохода и западной оконечностью озера Иссык-Куля...»

Он поднял глаза. На черном, едва начинающем розоветь небе царствовали безмолвные вершины. Белые, недостижимые, они казались выпуклыми. Над головой Семенова маленькой черточкой чернел Табугальтинский проход. Неужели он и казаки были вчера на такой головокружительной высоте? А ведь им предстоит подняться на еще большую высоту, одолеть еще более недоступные перевалы.

За мокрыми от росы кустами звонко и напряженно шумит горный поток. Вскрикивает испуганно птица, красные цветы шиповника светятся из полумглы.

С постели из еловых веток поднялся проводник и поспешно пошел за дровами. Проснулись казаки и, потягиваясь, прогоняли утренние сны. Заржали пасущиеся на берегу лошади. Зазвенели казачьи шашки. Вспыхнул костер. А Семенов писал:

«Я направился на ближайшую сопку предгорья, откуда мог иметь беспрепятственный вид на Иссык-Куль, длина которого на запад-юго-запад простиралась более чем на 150 верст.

С юга весь этот синий бассейн Иссык-Куля был замкнут непрерывной цепью снежных исполинов. Тянь-Шань казался крутой стеной...»

Казаки позвали его на завтрак. Он упрятал дневник в карман куртки, торопливо съел размоченные в воде и поджаренные на курдючном сале сухари, приказал седлать лошадей.

Через несколько часов отряд вошел в широкую долину, образованную речками Тюп и Джаргалан. Снова радовали знакомые травы — тысячелистник, шалфей, медуница да высокие зеленые камыши, закрывающие ручейки и речушки. Дикие кабаны проломали в них извилистые тропинки, при появлении всадника животные с визгом исчезали в камышовых зарослях. То и дело взлетали фазаны: казаки жалели винтовочные пули на стрельбу по красивым птицам.

Проводник вместе с Семеновым ехал впереди отряда. Зоркими глазами следопыта посматривал он, не доверяя горному удручающему безмолвию. Вдруг проводник натянул поводья, остановил лошадь. Показал на свежие конские следы.

— Сарыбагиши!

Семенов передернул плечами, нахмурился. Встреча с воинственными сарыбагишами грозила опасностью: он сам и его отряд могли стать добычей для подданных кокандского хана.

Проехали еще несколько верст и снова остановились. У камышовых зарослей валялись клочья изодранных юрт, одежда, разбитые котлы.

— Они были здесь утром, — шепнул проводник. — И ушли они к озеру.

Волнение проводника передавалось казакам. Семенов понимал: маленький отряд не мог оказать серьезного отпора в случае нападения. Сбившись в тесную группу, казаки молча поглядывали на Петра Петровича.

— Вперед! — скомандовал он. — До Иссык-Куля осталось несколько верст. — И первым сорвался с места.

Безлесная долина все так же вела к Иссык-Кулю. Семенов скакал впереди отряда, охваченный одним желанием — поскорее достичь берегов озера.

— Аксакал! — услышал он за собою тревожный окрик проводника. — Смотри, аксакал...

Семенов оглянулся. Проводник показывал на всадника, торчавшего на

склоне горы. Подавшись вперед, всадник разглядывал путешественников, потом, хлестнув камчой лошадь, скрылся за скалами.

— Здесь бродят барантаци, — предупредил проводник. — Надо быть осторожнее.

Семенов и казаки продолжали путь, подозрительно поглядывая по сторонам. Версты за две до озера Семенов спешился. Пошел пешком, продираясь сквозь заросли облепихи.

Тюп-Джаргалинская долина оборвалась неожиданно крутым уступом. Внизу лежало необъятное, в голубых, светлых, зеленоватых тенях озеро Иссык-Куль. На густые, цвета соломы, пески мягко и широко накатывались волны. Ни каменных обломков, ни гальки не было на этих прибрежных песках. С восточной стороны в озеро впадал Тюп, на западе синело водное пространство, на севере, из озерных глубин вздымался гигантский горный хребет. Весь необъятный простор сковывало пустынное безлюдье.

Семенов зачерпнул в ладони иссык-кульской воды. Озерная вода «прекрасна по своей прозрачности и светло-голубому цвету, но она была солоновата и непригодна для питья. На песчаном берегу никаких валунов не было, исключая кусков слабого конгломерата, образованного самим озером и не округленного ни в валуны, ни в гальки. Раковины, найденные мной на берегу, принадлежали новому виду пресноводного рода».

По влажному, отшлифованному волнами песку он направился к небольшой бухте. Мелководная бухта густо заросла водорослями и белыми лилиями — водоросли и лилии шевелились словно живые.

Из воды доносились сопение, поскрипывание, шуршание. Семенов ахнул: бухта была заполнена полчищами сазанов. Огромные, толстомордые, с желтой блестящей чешуей рыбы сновали во всех направлениях, путаясь в стеблях водорослей, обсасывали лилии и лопухи.

Казаки не выдержали: выхватив шашки, кинулись в воду и стали рубить запутавшихся в водорослях сазанов. Рубили азартно, с веселыми выкриками, охваченные рыбацкой страстью.

Старый буддийский монах Сюан-Цзан оказался частично прав. В Иссык-Куле было несметное количество рыбы.

Драконов не было.

Глава 12

ЗАГАДКИ РЕКИ ЧУ

Семенов не зря опасался сарыбагишей.

Они появились вечером в южной части озера. На склонах гор замелькали всадники, запылали сигнальные костры. Задерживаться на берегу Иссык-Куля горстке людей было и бессмысленно и опасно. С досадой на самого себя за неудачное путешествие Семенов решил возвращаться в Верное.

И как же ему не досадовать, ведь ни одна из задач экспедиции не решена! У него нет материалов, подтверждающих гипотезу Гумбольдта о вулканическом происхождении Тянь-Шаня. Он не дошел до истоков реки Чу — вытекает ли она из Иссык-Куля? Он не знает общих размеров и глубины озера, не успел исследовать флору и фауну его окрестностей. Он не разобрался в сложной системе хребтов над Иссык-Кулем. Поверхностные, случайные впечатления — это все, что он вынес из краткого путешествия.

С выступа Тюп-Джаргалинской равнины он окинул прощальным взглядом панораму Иссык-Куля. Золотая, солнечная струя разламывала озерную ширь, с горных вершин сползали светлые облака тумана.

Вечерние сумерки растаяли в беззвездной ночи, очертания гор исчезли. Подул сильный, пронизывающий ветер, заморосил невидимый дождь, температура упала до нуля. Дождь сменился крупным мокрым снегом, лошади и всадники превратились в белые, мелькающие в темноте фигуры. Четыре часа непрерывного перехода измотали людей. Семенов приказал остановиться. Продрогшие казаки валились с ног от усталости, а Петр Петрович не решился развести, костер: мокрый, измученный, завернулся в полушубок, растянулся на сырой земле.

Он проснулся в полночь. Снег прекратился, тучи разошлись, но было сыро, зябко. Разбудил казаков; чтобы не мерзнуть, решили продолжать путь.

Рассвет застал Семенова в долине реки Тюп. Он долго не мог согреться. После холодной и тревожной ночи чувствовал себя совершенно разбитым.

По долине бурно бежали ручьи, голые обрывы тускло блестели. Усталость и равнодушие исчезли, в Семенове снова заговорил ученый. Он не мог безразлично пройти мимо интересных по своему геологическому

строению скал. «Известняк здесь выходил в таких малых обнажениях, что нельзя было заметить его простирания, ко он покоился на плотном, несколько метаморфизованном песчанике... Все это было прорвано конгломератами и брекчией, состоявшими из огромных глыб того же известняка, песчаника и красного порфира... Очевидно, прорывающей здесь породой является красный порфир, который образует штоки в осадочных породах».

Горные перевалы сменялись широкими долинами, бурные потоки водопадами, но проводник чутьем опытного следопыта находил дорогу в запутанном лабиринте Небесных гор. Теперь, через неделю, он вывел экспедицию в долину реки Чилик, на границу Киргизской степи.

16 сентября Семенов возвратился в Верное. Хоментовский обрадовался его возвращению; правда, полковника не слишком интересовали научные результаты экспедиции, за радостью скрывались другие причины.

Пока Семенов путешествовал, обстановка в Верном ухудшилась. Опять начались набеги сарыбагишей на аулы богинцев. Русские караваны, идущие из Верного, подвергались разграблению.

Хоментовский с тремя сотнями казаков и пехотной ротой, сопровождаемый киргизами Большой орды, явился в долину Чу, к кокандскому укреплению Токмаку. Разгромил здесь кочевья сарыбагишей, захватил крупные табуны лошадей и овечьи отары.

Хоментовский рассказал о последних событиях в Чуйской долине и неожиданно предложил Семенову:

— Я дам сотню казаков. Вы совершите разведку в тылу сарыбагишей. Проникните в Чуйскую долину, соберете сведения о военных силах кокандского хана, — говорил Хоментовский и радовался, что случай послал ему человека, обладающего военными знаниями.

Семенов слушал, крутя в пальцах янтарную трубку хозяина. И спросил:

— Когда выезжать в поход? Я принимаю на себя командование военным отрядом...

Он выступил из Верного с отрядом в девяносто казаков. Путь его теперь лежал на запад вдоль Заилийского Алатау. В сорока верстах от Верного Петр Петрович переправился через реку Кескелен и углубился в предгорья. Путь затрудняли глубокие, с обрывистыми берегами ложбины. Семенов с трудом сдерживал воинственный пыл казаков — они жаждали встречи с сарыбагишами.

Эта встреча произошла в тот же день.

Отряд приближался к одной из глубоких ложбин, когда Семенов услышал отчаянные крики, призывающие на помощь. Группа барантачей напала на маленький караван, идущий из Ташкента в Верное. Бандиты развьючивали верблюдов и раздевали узбекских купцов, когда появился отряд Семенова.

Сарыбагиши ударились в бегство. Семенов выхватил пистолет, устремился в погоню. Он гнался за барантачами, не замечая растянувшихся цепью казаков. Взмыленный мерин не выдержал скачки, перешел на рысь. Расстояние между Семеновым и барантачами сразу увеличилось.

Он натянул поводья, мерин остановился. Стали останавливаться и поворачивать коней казаки. Между казаками и барантачами взметнулось оранжевое пламя; преследуемые подожгли сухую траву. Степной пал взвился зыбкой стеной и, раздуваемый ветром, устремился на казаков. Теперь уже им пришлось поспешно отступать перед огнем. Семенов укрылся в ложбине и, пережидая пожар, устроился в ней на ночлег.

Утро выдалось вёдреное, ясное. В звонком осеннем воздухе плыли Небесные горы. С востока на запад шли круто и смело вздыбленные хребты, а над ними главенствовал массивный купол Прохладной горы — Суок-тобе. Ее вершина была в мягком белесом сиянии, еловые леса зеленовато мерцали. Между горными вершинами стояли облака, похожие на перламутровые раковины. А вокруг Семенова неслышно догорали мохнатые мальвы, желтыми солнцами трепетали последние цветы софор, осыпался солодковый корень. Речные камыши вздымали коричневые, напоминающие толстые вертела шишки.

По каракастекской долине огряд медленно поднимался на Заилийский Алатау. Четыре часа шел Семенов по руслу мелководного Кастека, пока речка не разбилась на две ветви.

Заночевали на седловине перевала. Утомленные долгими и тяжелыми переходами казаки молча сидели у костров, не выпуская из рук винтовок. Было очень холодно, в пронзительном меловом лунном свете мрачнели черные скалы.

Семенов, скорчившись, сидел на камне, записывая дневные впечатления. Проводник, хлопотавший у костра, заварил кок-чай. Семенов пересел с валуна к костру, взял в изыбшие пальцы пиалу зеленого с бараньим жиром чая. Пил мелкими глотками, чувствуя на себе добрый взгляд проводника.

— Пей еще. Больше пей, аксакал, не замерзнешь.

И голос проводника был таким же добрым, как и его взгляд. «Разве ему нужны киргизские распри или русские завоевания?» — невольно

подумал Петр Петрович.

23 сентября он во главе отряда продолжал подниматься на перевал. Туман заволакивал Небесные горы, но солнце уже пробивалось сквозь сырую серую мглу. Казаки, переругиваясь между собою, брели за Семеновым. Когда достигли вершины перевала, солнце появилось во всем своем ослепительном ореоле. Под осенними лучами его мерцала загадочная река Чу. Она текла по широкой долине, разбившись на несколько рукавов. За Чу простирался новый горный хребет, покрытый вечным снегом. Невольно думалось, что нет конца хребтам, вершинам, пропастям, что они завладели землей и небом и тянутся к солнцу, задыхаясь в земной атмосфере.

В Чуйской долине мирно курились дымки. Около Токмака, военной крепости кокандского хана, сарыбагишских кочевий не было. Куда они исчезли? Петр Петрович твердо решил: при встрече с сарыбагишами не завязывать военных действий, а мирно и тихо проникнуть в верховья Чу.

Он спустился в долину, незаметно обошел Токмак и направился вверх по Чу. Передовой казачий разъезд захватил старого киргиза. Старик что-то долго и путано рассказывал, проводник так же долго и путано переводил рассказ. Со слов киргиза Семенов понял: сарыбагиши, напуганные схваткой с Хоментовским, откочевали к озеру Иссык-Куль вместе с верховным манапом Умбет-Ала.

Семенов решил встретиться с верховным манапом.

Широкая Чуйская долина превратилась в мрачное ущелье. Утесы отвесно падали в реку, начались бесчисленные переправы с правого на левый берег. Семенов догадывался, что вошел в знаменитое Боамское ущелье, о котором много слышал еще в Верном.

Мощный поток воды, сдавленный скалами, неистово гремел. Огромные камни волочились по дну, угрожая людям и лошадям. Продвижение становилось все труднее и труднее. То и дело приходилось развьючивать лошадей, подниматься на скалы и обходить реку.

Весь день Семенов пробирался по Боамскому ущелью. Ночь захватила его в тесной котловине. Он расположился между двумя высокими скалами-бомами, на их вершинах выставил сторожевые пикеты. Запрокинув голову, он вглядывался в черную полосу неба между вершинами бомов. Прямо в звездное небо уходили бесконечные скалы. Он невольно заопасался. Если туда заберутся сарыбагиши, отрядам не поздоровится. Они сотрут всех в порошок, сбрасывая глыбы и камни.

Семенов залез в походную палатку, но напрасно старался уснуть, настроженность не покидала его.

«На мне лежала ответственность за жизнь почти сотни людей и за успех всего предприятия. Тревожное мое состояние вскоре оправдалось: один за другим раздались два сигнальных выстрела. Казаки тотчас бросились к своим заседленным лошадям, а я, схватив пистолет, выскочил из своей палатки».

Задыхаясь от быстрого шага, он поднялся на вершину бома. С неудовольствием выслушал от пикетчиков причину переполоха.

Сторожевые казаки слышали над собой шорох падающих камней. При выкатившейся из-за скал луне увидели двух кокандцев, крадущихся по обрывам.

Но, как ни осторожно продвигались они, шум сыплющейся гальки встревожил пикетчиков. Пикетчики дали сигнальные выстрелы, подняв на ноги весь лагерь.

Семенов долго наблюдал за уходящими по крутизне сарыбагишами. Их можно было бы сбросить вниз меткими выстрелами, но он запретил стрелять. «Единственная опасность, которую мы могли ожидать от них, состояла в том, чтобы они не предупредили находившихся на Иссык-Куле каракиргизов о приближении русского отряда и тем самым не приготовили бы нам враждебной встречи... Я поднял весь отряд, и мы снова пустились в путь...»

Опять начались переходы с одного берега на другой, подъемы на скалы, опасное скольжение по обрывам. Несколько раз река угрожала Семенову смертью, опрокидывая вместе с лошадьёю. И каждый раз он был обязан своим спасением двум охраняющим его казакам. Было неловко благодарить, его спасители не поняли бы и обиделись на него.

Боамское ущелье стало расширяться, отвесные скалы понижались, отряд Семенова вышел в просторную долину и сразу же наткнулся на киргизский аул. Мужчины, заметив казаков, ускакали в горы, дряхлый старец на пегом быке заковылял в ущелье. В ауле оставались лишь женщины и дети. Перепуганные, они с плачем бросились на колени.

— Скажи им, — попросил он проводника, — я не собираюсь их обижать. И еще скажи им: я еду в гости к манапу Умбет-Ала. Я хочу быть ему другом. Где он находится?

Умбет-Ала со своими аулами находился на берегах речушки Кутемалды, неподалеку от озера Иссык-Куль. Так рассказали женщины. Не задерживаясь, Семенов направился по уже широкой и ровной Чуйской долине к аулам манапа.

Навстречу отряду текли овечьи отары. Овцы шли плотно, бок о бок, сопровождаемые бородатými седыми козлами. Овечьё блеяние, жалобный

плач ягнят, хрупкий топот плыли в горном воздухе. А сзади этих необозримых стад раздавались конское ржание, мычание коров, протяжный верблюжий рев.

Отряд остановился. Казакам пришлось прокладывать дорогу среди овец, и это продолжалось четыре часа.

Семенов послал гонца к верховному манапу, чтобы предупредить о своем появлении. Весть о белом начальнике, который едет в гости к Умбет-Ала, быстро распространялась. Когда Семенов вступил в урочище Кутемалды, оно уже шумело потревоженным ульем. Из юрт выходили почтенные аксакалы, вооруженные воины, боязливо толпились женщины и ребятишки. Навстречу Семенову скакали всадники и, лихо развернувшись, возвращались назад. Петру Петровичу казалось: все племя сарыбагишей собралось вокруг аула верховного манапа. Он впервые видел настоящую степную орду, кочующую на летних горных пастбищах, его словно перенесло во времена Чингисхана.

Казаки плотно окружили своего командира, боязливо поглядывая на сарыбагишей. Их, опасных и воинственных, было во много раз больше, чем казаков, но Семенов спокойно ехал вперед. Он знал: пока он гость Умбет-Ала, сарыбагиши будут встречать его как гостя. Законы гостеприимства здесь священны.

У большой из белого войлока юрты Петра Петровича встретили брат и дядя манапа. Ввели в юрту, украшенную богатыми коврами, вежливо, но уклончиво объявили, что верховного манапа в ауле нет.

— Умбет-Ала уехал готовить байгу по убитым сородичам. Наши сородичи погибли в сражении с русскими, — косясь на Семенова, сказал брат манапа. — Ты назвал себя тамыром Умбет-Ала, и мы будем верить твоим словам.

Петр Петрович начал свою ответную речь дипломатично и задушевно:

— Я приехал к вам издалека. К великому сожалению, я лишь в Верном узнал о столкновении русских с сарыбагишами. Мне кажется, у нас должны быть добрососедские отношения. Русские никогда первыми не нападали и не нападут на вас, если вы перестанете совершать набеги на русских и на киргизов Большой орды, подданных русского царя. Я хочу стать настоящим тамыром Умбет-Ала, и я уверен, наша дружба будет дружбой между русскими и каракиргизами.

Дядя верховного манапа слушал Семенова, кивая в знак согласия головой. Брат манапа сидел прямо и настороженно. Выслушав речь Семенова, он коротко ответил:

— Пусть будет так.

И быстро вышел из юрты. Он вернулся, ведя в поводу трех великолепных скакунов.

— Новому другу моего брата Умбет-Ала я дарю этих быстроногих коней. Я передам твои слова Умбет-Ала, который, к сожалению, не может приехать, чтобы обнять своего тамыра. Ты можешь делать все, что делает друг в гостях друга.

Семенов обрадовался. Ему представился удачливый случай посетить западную часть Иссык-Куля и выяснить, вытекает ли Чу из озера. Он решил выехать рано утром в сопровождении двух проводников-сарыбагишей.

Уже давно и европейские и русские географы спорили о реке Чу.

Унковский, составивший первую карту Иссык-Куля, показал Чу как реку, не имеющую связи с озером.

Картограф Ренат принимал речку Большой Кебин за истоки Чу.

Исленьев на своей карте обозначил истоки Чу на западной стороне Иссык-Куля.

Карл Риттер думал, что Иссык-Куль имеет сток и стоком этим является Чу.

Александр Гумбольдт, будучи в Семипалатинске, записал со слов бухарских и ташкентских купцов, что сток Иссык-Куля — болотистая речушка Кутемалды. Поверив купцам на слово, Гумбольдт утверждал: Кутемалды вытекает из Иссык-Куля.

Европейские географы присоединились к мнению Гумбольдта...

Семенов ехал по Чуйской долине до тех пор, пока она не превратилась в болото. Здесь Чу круто поворачивала от Иссык-Куля в горы. В болоте еле виднелся ручеек. «Река эта по своему мелководию и ничтожеству носила название Кутемалды... Кутемалды значит мокрый зад».

Семенов проследил ее русло до впадения в Иссык-Куль и убедился, что Кутемалды не соединяет озеро с Чу. «Озеро Иссык-Куль стока не имеет... Оно в настоящее время не питает реки Чу... Мощная река эта образуется из двух главных ветвей: Кочкара, берущего начало в вечных снегах Тянь-Шаня, и Кебина, текущего из вечных снегов и из продольной долины Заилийского Алатау...

Если бы представить себе уровень озера повысившимся всего от 15 до 20 метров, то река Чу сделалась бы стоком Иссык-Куля, но было ли это когда-нибудь, я отложил всякие размышления до своей поездки в бассейн озера в следующем 1857 году...»

Так писал он позже в статье «Поездка из укрепления Верного через горный перевал у Суок-тобе и ущелье Боам к западной оконечности оз. Иссык-Куль в 1856 г.».

Но Семенов не только установил истинные истоки Чу, исправив этим самым ошибочные догадки Александра Гумбольдта и Карла Риттера. Он объяснил причины и сильного понижения уровня Иссык-Куля и происхождение Боамского ущелья.

Семенов возвращался в Верное, преодолевая снежные перевалы. Стоял последний день сентября. После ночных морозов было особенно хорошо ехать по осенней Кескеленской долине. Над синим покоем тьянь-шаньских елей, взлетев на высоту пяти тысяч метров, коченел в прозрачном небе Талгарский пик. А сколько еще каменных великанов скрывается за Талгарским пиком? Какие ледники, какие долины и водопады, что за цветы и травы хранят эти неизвестные науке вершины?

В Небесных горах мелькали сполохи — там торжествовала невидимая гроза. Оттого ли, что гроза была далеко, оттого ли, что гром был особенно праздничным и бодрящим, Семенова охватило возбуждение.

Он, выронив из рук поводья, старался запомнить окружающий мир — от лиловой головки чертополоха до Талгарского пика.

Повернулся к ледяным высотам. Произнес твердо и убежденно:
— Я еще вернусь к вам, Небесные горы!

Глава 13

БАРНАУЛЬСКАЯ ЗИМА

Над Барнаулом четвертые сутки бушевала метель.

Ветер продувал улицы, захлестывал домишки, нес клочья сена, мерзлые ветки, гнилое тряпье. Раскачивались жестяные вывески кабаков, звенели обледенелые березы, жалобно вскрикивали колокола кафедрального собора. В палисадниках и дворах росли зыбкие сугробы, на закуржавелых стеклах расцветали белые, неведомые травы. От ветровых ударов подрагивали оконные рамы, похрустывали крыши, сыпалась из пазов труха. Приглушенные звуки, стоны, вздохи переполняли большой полукаменный дом с заиндевелой вывеской: «Оптовая торговля Мокея Семибратова. Меха. Овчины. Шерсть. Кожа».

Второй этаж дома купец сдал внаем молодому и, на его взгляд, не очень серьезному господину. Господин Семенов превратил купеческие комнаты в музей.

На деревянных диванах, стульях, шкафах лежали растения. Пучки засохших цветов торчали над массивными, упрятыми в дубовый футляр часами. Цветы дрожали от могучего медного боя, каждый час сокрушавшего тишину дома. Петр Петрович даже привскакивал на стуле и невольно считал удары.

Тянь-шаньские растения терпкими запахами волновали его. Еще бы! Большинство из них неизвестны ботаникам. Радость первооткрывателя пьянила Петра Петровича. С утра до вечера он сортировал, определял, систематизировал, описывал свои богатства.

Минуло четыре месяца, как Семенов вернулся из путешествия. Он решил перезимовать в Барнауле, чтобы весной восемьсот пятьдесят седьмого года отправиться во второе путешествие на Тянь-Шань.

Глухоманный сибирский городок не казался ему серым и скучным. Интересные люди живут везде. Надо только видеть и слышать их. И он пристально присматривался, внимательно прислушивался к людям. Барнаульские чиновники и золотопромышленники, хлебные торговцы и винные откупщики, горные инженеры и приписные крестьяне привлекали к себе его внимание.

Он встречался с ними на горных заводах, разбросанных вокруг Барнаула, в алтайских селах, на городских базарах, в трактирах и лавках. Он стал завсегдаем городской библиотеки, а по вечерам посещал

любительские спектакли. Перезнакомился со всеми примечательными людьми города. Среди них выделялся горный инженер Самойлов — родной брат знаменитого петербургского артиста. Да и сам инженер был великолепным комиком, восхищая Семенова своей игрой.

Званые обеды и вечера, встречи с Самойловым на любительских спектаклях не заслоняли Петру Петровичу научную деятельность. Работа доставляла и наслаждение, и радость, и восторг вдохновения.

Он сидел за огромным столом, заваленным травами, камнями, рукописями, и писал размашисто, неразборчиво. Вскидывал курчавую голову и, приподняв карандаш до уровня глаз, косился на закуржавелое окно. Угадывал в этих узорах и перья папоротников, и цветы неопалимой купины, и перезрелые плоды яблоневых рощ. Рождались и таяли сережки бересклета, тонкая ниточка инея набухла илийской водой.

Он перевел глаза на диван, укрытый полосатой шкурой. Улыбнулся. Вспомнил, как охотники-проводники убили тигра и подарили ему шкуру. Вышел из-за стола, в раздумье постоял перед полосатым диваном. Попадет ли он в будущем году на Иссыкское плоскогорье? Увидит ли снова те удивительные места? Ему показалось странным, почти невероятным, что он был там совсем недавно.

Мысль его сосредоточилась на Небесных горах. Он шагал по кабинету, думая, о расположении растительных зон на Тянь-Шане. Сама природа воздвигла эти зоны, как этажи, одну над другой. Нижняя, или первая, зона имеет до шестисот метров абсолютной высоты. Она характерна жарким летом и мягкой зимой и степной, совершенно азиатской флорой и фауной. «Понятно, что эта зона не могла привлечь русской колонизации и осталась почти всецело в руках кочевых аборигенов, составляя для них одно из важнейших условий их существования, так как здесь они имеют свои зимовки, на которых, при сравнительно теплых зимах и малом количестве выпадающего снега, их стада находят себе подножный корм в течение всей зимы».

Он остановился у окна, наклонил набок голову. Продолжал свои размышления. Думал о том, что вторая зона, начинаясь на шестисотметровой высоте, достигает тысячи четырехсот метров и там обрывается. Вторая зона отличается умеренным климатом как зимой, так и летом. У нее почти русско-европейская флора, с легкой примесью растений азиатского типа. Зона эта занимает все северное подгорье Заилийского Алатау и замечательна богатым орошением. В ней многочисленные речки и горные озера. Поливные земли второй зоны дают богатые урожаи, здесь можно разводить сады, и виноградники, и бахчи.

Семенов присел к столу, быстро записал свои мысли. Отчет Географическому обществу разрастался. Вместе с научными наблюдениями появлялись деловые мысли о колонизации, сельском хозяйстве, садоводстве. «Понятно, что эта зона сделалась главной для русской колонизации...

Русские, научившись приемам ирригации у аборигенов, беспрепятственно смогли получить баснословные урожаи на своих пашнях и развести роскошные сады и виноградники».

А третья зона—лесная. Она простирается до двух с половиной тысяч метров абсолютной высоты и занимает горные скаты. У нее суровый, хотя и влажный, климат. Третья зона богата лесом. Для переселенцев лесная зона явилась необходимым подспорьем колонизации. Здесь берут они все строительные материалы, здесь устраивают охотничьи заимки и пасеки...

Семенов мысленно видел тьянь-шаньские ели, висящие над пропастями. Они взбираются по обрывам, чтобы остановиться у границы четвертой субальпийской зоны. Здесь царство холода, ветров и альпийских пастбищ. Здесь пасут киргизы свои неисчислимые стада.

В мечтах Семенов поднимался по альпийским лугам в пятую зону Тянь-Шаня. Эта зона кажется совершенно непригодной для поселенцев. Она привлекательна только для путешественников и альпинистов. «При всем том она играет важную роль в экономике природы этого благословенного края, так как она, при своей кажущейся безжизненности, оживляет его при помощи благотворных лучей южного солнца. Таяние снегов этой зоны не только питает непосредственно ее луга, но и дает начало чудным горным истокам, которые, врываясь многоводными реками в земледельческую зону, оплодотворяют там ее богатые пашни, сады и виноградники. В земледельческой зоне эти реки теряются, не доходя до жаркой нижней зоны, и впадают, таким образом, можно сказать, в воздушный океан, из которого снова собираются исполинами снежной зоны в огромные запасы ее вечных снегов».

Размышления о пяти зонах Заилийского Алатау Семенов подкреплял наблюдениями над их растительностью. Ведь он собрал на склонах хребта, в его ущельях и долинах 70 видов разных растений. Среди них были четыре совершенно неизвестных науке, в том числе новые виды клена и рябины.

В отчете Географическому обществу Семенов дал развернутую характеристику всех пяти зон.

Он показал, что растительный покров — явление географическое и что его надо рассматривать в тесной связи с геологией, гидрографией,

климатическими условиями местности. Каждая выделенная и рассмотренная Петром Петровичем зона Заилийского Алатау встала географическим целым во внешнем ее облике и во всем своем значении для жизни человеческой. Географические зоны явились важным шагом в изучении земли, стали программой работ для географов.

Последующие исследователи Тянь-Шаня пошли путем, указанным Семеновым. Схемы зонального деления горных хребтов, созданные Н. А. Северцовым, А. Н. Красновым, Р. И. Аболиным, подтвердили правильность семеновского метода.

Семенов не отрывал природу от человека. Он рассматривал ее во взаимосвязи с человеческими потребностями и хозяйственными интересами. Анализируя третью (лесную) зону Заилийского Алатау, он сразу же сделал конкретный вывод: «Чиликско-кебинская продольная долина, разделяющая обе снежные цепи Заилийского Алатау, представляет местность, пригодную по своим климатическим условиям для культуры и оседлой колонизации...»

Он задумывался о возможностях лесонасаждений в сухих предгорьях Средней Азии, советовал переселенцам заниматься пчеловодством, создавать заимки и пасеки, как рубить леса в сырых зонах и как сохранять древесину.

Еще в начале научной деятельности Семенов понял, что наука — это «познание окружающих предметов и сил природы, умение подчинить их своей власти, употребить их для нужд своих и потребностей...».

А метель на дворе разбушевалась вовсю. Ветер непрерывно стучал ставнями, обледенелые сучья елозили по крыше, снег завихрялся и шипел на стекле. Яростный порыв ветра ударил по окну звоном бубенчиков.

«Кого это носит в такую пургу?» — с досадой подумал Семенов.

Тяжелые шаги в коридоре, скрип раскрываемой двери. В комнату ввалился человек в тулупе, в барнаульских, расшитых красным бисером пимах. Откинул воротник тулупа, и Петр Петрович узнал Достоевского.

Впалые щеки писателя порозовели, глаза светились, сутулые плечи расправились. И одет он был почти щегольски: длиннополый сюртук, узкие брюки. Черный галстук тугим узлом поддерживал воротнички.

— Ты выглядишь как жених! — засмеялся Семенов, обнимая нежданного гостя.

— Угадал. Еду жениться.

Семенов усадил Федора Михайловича на диван и, пока готовили ужин, слушал исповедь своего друга.

В Семипалатинске Достоевский познакомился с Марией Дмитриевной

Исаевой, молодой образованной женщиной. Муж ее, мелкий чиновник, грубый, неисправимый алкоголик, отравлял жизнь своей жене. Исаева перевели в Кузнецк. Этот заштатный городишко в Томской губернии еще хуже Семипалатинска. Недавно в письме своем Марья Дмитриевна сообщила, что муж умер. Достоевский решил жениться и вот отправился в Кузнецк.

Разговор перешел на второе путешествие Петра Петровича в Небесные горы. Узнав, что Семенов перед путешествием намерен съездить в Омск к генерал-губернатору Гасфорту, Достоевский воскликнул:

— Обязательно познакомьтесь с моим другом Валихаиовым. Он будет вам очень полезен.

Достоевский встретился с Чоканом в 1855 году, когда тот сопровождал Гасфорта в поездке по Семиречью. Юный Валиханов принес большую пользу генерал-губернатору своим знанием языка и обычаев киргизского народа.

— Чокан томится в Омске. Я ведь с ним переписываюсь. — Достоевский достал письмо Валиханова. — Вот что пишет Чокан: «Омск так противен со своими сплетнями и интригами, что я не на шутку думаю его оставить. Как вы думаете об этом? Посоветуйте, Федор Михайлович!»

Достоевский прогостил у Петра Петровича две недели. Они ходили по барнаульским магазинам, закупая нужные вещи для свадьбы. Посещали любительские спектакли, гуляли по городским окраинам. Катались на лошадях по зимнему простору Оби.

Но самыми незабываемыми для Семенова были часы, когда Достоевский читал главы из еще не оконченных «Записок из мертвого дома». Читал главу за главой, дополняя книгу рассказами об омском остроге, о каторжниках.

Петр Петрович стал первым слушателем гениального произведения. Через полвека, когда уже не было в живых Достоевского, престарелый Петр Петрович вспоминал в мемуарах:

«...Потрясающее впечатление производило на меня это чтение и как я живо переносился в ужасные условия жизни страдальца, вышедшего более чем когда-либо с чистой душой и просветленным умом из тяжелой борьбы, в которой „тяжкий млат, дробя стекло, кует булат“. Конечно, никакой писатель такого масштаба никогда не был поставлен в более благоприятные условия для наблюдения и психологического анализа над самыми разнообразными по своему характеру людьми, с которыми ему привелось жить так долго одной жизнью. Можно сказать, что пребывание в „Мертвом доме“ сделало из талантливое Достоевского великого писателя-психолога.

П. П. Семенов в период путешествия на Тянь-Шань.

Г. Н. Потанин.

Ч. Ч. Валиханов.

Но не легко достался ему этот способ развития своих природных дарований. Болезненность осталась у него на всю жизнь. Тяжело было видеть его в припадках падучей болезни, повторявшихся в то время не только периодически, но даже довольно часто. Да и материальное положение его было самое тяжелое, и, вступая в семейную жизнь, он должен был готовиться на всякие лишения и, можно сказать, на тяжелую борьбу за существование.

Я был счастлив тем, что мне первому привелось путем живого слова ободрить его своим глубоким убеждением, что в „Записках из мертвого дома“ он уже имеет такой капитал, который обеспечит его от тяжелой нужды, а что все остальное придет очень скоро само собой. Оживленный надеждой на лучшее будущее, Достоевский поехал в Кузнецк и через неделю возвратился ко мне с молодой женой и пасынком, в самом лучшем настроении духа и, прогостив у меня еще две недели, уехал в Семипалатинск...»

Семенов тоже стал собираться в путь. За день до отъезда он встретил Самойлова.

— Вот я опять остаюсь наедине с собою, — грустно сказал инженер.
— Хорошо мне было с вами, Петр Петрович. От всей души желаю, чтобы генерал-губернатор разрешил вам ехать в новое путешествие и как можно скорее. Кстати, почему бы вам не прихватить в сотоварищи художника?

— Кто же согласится в далекое путешествие на Тянь-Шань?

— У меня есть на примете. Преподаватель рисования в томской

гимназии. Кошаров. Павел Михайлович. Хотите, я напишу ему? Да и вычеркните несколько слов.

Совет инженера Самойлова пришелся по душе. Петр Петрович написал приглашительное письмо художнику Кошарову и выехал в Омск.

Глава 14

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ

Ему не пришлось разыскивать Валиханова. Чокан явился сам. Он оказался совсем юным киргизом в мундире русского офицера. Тусклое золото эполетов отсвечивало на худых плечах, черные волосы падали на лоб, в узких глазах таилась пронизательная степная наблюдательность.

Чокан Валиханов был правнуком киргизского хана Аблая, отдаленным потомком Чингисхана. Его дед — киргизский хан Вали принял русское подданство. Александр Первый с большим сочувствием относился к хану Вали. По приказу царя в Киргизской степи для хана был построен каменный дом. В нем-то и родился Мухаммед-Ханафия-Чокан Чингисович Валиханов.

Чокан вместе с Григорием Потаниным окончил Омский кадетский корпус, отлично говорил на немецком и французском языках, усердно изучал историю Средней Азии и Китайской империи. «Чокан все более и более углублялся в историю Востока: какие-то загадочные отношения в этой истории киргизского племени, среди которого являлись имена древних народов усуней, киреев, найманов в качестве имен поколений, заставляли его задумываться и, может быть, мечтать сделать разоблачения в древней истории Востока посредством данных, которые представляют народные предания и остатки старины киргизского народа», — писал о своем друге Григорий Потанин.

Чокан пригласил Семенова в гости.

Жил он в маленьком домике на окраине Омска. Комнаты украшали узбекские ковры, полы застилала киргизские кошмы. Петра Петровича заинтересовали старинные книги, китайские рукописные карты, геологическая коллекция, собранные молодым офицером. Чокан с гордостью показывал свои драгоценности:

— Это камень «джад». По киргизским поверьям вызывает дождь. А это «ослиный камень», спасающий от дурного глаза. А вот александрит, дающий силы его обладателю. Александритом назван в честь Александра Македонского.

С большим интересом слушал Петр Петрович рассказы Чокана и по истории Востока. Чокан особенно интересовался историей племен усуней и дулатов. Древние рукописи говорили, что именно из этих племен возник киргизский народ. Пристальное внимание Чокана привлекала Кашгария,

или Восточный Туркестан, — страна с древней самостоятельной культурой, совершенно неизвестной науке. Жестокие и мрачные правители Кашгарии закрыли все границы для европейских ученых. Никто, под угрозой смерти, не мог проникнуть в Кашгар.

Чокан познакомил Петра Петровича с редкими документами о путях в неведомую Кашгарию, разысканные им в омском архиве. Тут были описания путешествий Бурнашева и Пospelова в Ташкент, путевые записки натуралиста Шренка, «Описание Аральского моря», составленное Макшеевым.

— Изучаю все, что относится к Кашгарии. По путевым маршрутам купцов и всевозможных чиновников имею представление о различных дорогах, ведущих в эту страну, — говорил Чокан. — Путь из Сибири в Кашгарию пролегает через кокчетавские и акмолинские степи, по солончакам Бек-Пак-Далы, в бесснежных горах Каратау, сквозь камышовые заросли Чу. Путь идет через Ташкент, Коканд и Маргелан. По этому пути купцы везут в Кашгарию цветной плис и коленкоры, чугун и железо...

Семенов, слушая Чокана, думал: «Десяток таких энтузиастов, и наука будет знать Среднюю Азию, как знает Европу...»

Он вспомнил об Адольфе Шлагинтвейте, решившем из Индии проникнуть в Кашгарию. Рассказал о нем Чокану.

— Один! — воскликнул Чокан. — Скажу откровенно: боюсь за его судьбу. Шлагинтвейт может стать жертвой подозрительности кашгарских владык.

Петр Петрович испытующе оглядел Валиханова. Вот кто бы мог проникнуть в Кашгарию. Никакой европеец не сумеет выдать себя за азиатского жителя. И никто так не подготовлен к кашгарскому путешествию, как этот юноша.

Охваченный своей идеей, Петр Петрович спросил:

— Вы могли бы отправиться в Кашгарию? Вы знаете язык, вы — местный житель. В киргизской одежде, с торговым караваном, купцом, или слугою, или же проводником, вам бы удалось проникнуть в эту страну. Никто в Кашгаре не заподозрит вас. А цель путешествия — описать историю, жизнь, природу этой неизвестной страны. Если согласитесь, я берусь устроить ваше путешествие.

— Я готов отправиться в Кашгар в любое время, — ответил Валиханов. — Если вы добьетесь согласия генерал-губернатора, буду признателен и благодарен.

Петр Петрович хотел повидать Григория Потанина, но тот уехал в степь. Тогда Семенов отправился с визитом к Гасфорту. Генерал-губернатор

принял путешественника чрезвычайно приветливо. Со своей осторожной улыбкой, подергивая дымчатые бакенбарды, Гасфорт расспрашивал Семенова о его впечатлениях. Гасфорт уже понял, что «моя оценка его деятельности во вверенном ему крае будет не только совершенно беспристрастной, но и достаточно компетентной», — писал Петр Петрович.

— Я не сомневаюсь, что занятый вашим превосходительством Заилийский край, хорошо обеспеченный мирной русской колонизацией, сделается одним из перлов русских владений в Азии, — говорил он генерал-губернатору.

Гасфорт согласно наклонил голову, прищурил кофейные глаза.

— Заилийский край обширен и сказочно богат, — продолжал Петр Петрович. — И совершенно ненормально, что мы держим государственную границу не впереди такого огромного пространства, а сзади него. Граница империи все еще находится на старой линии казачьих форпостов от устья Урала и вверх по его течению. От Петропавловска граница проходит по Иртышу на Омск и дальше — к озеру Зайсан. Согласитесь, ваше превосходительство, что трудно управлять громаднейшим краем, не имея твердых границ...

Кофейные глаза Гасфорта заблестели сухо и стеклянно. Он еще ниже склонил длинную голову.

— Мне представляется совершенно необходимым перенести нашу государственную границу с длинной уральско-иртышской линии на короткую. Новой пограничной линией можно было бы соединить поселение Верное у Заилийского Алатау с форпостом Перовским на Сыр-Дарье...

Гасфорт пошевелил эполетами, бледная усмешка скользнула по тонким губам. Семенов понял: его соображения по переносу границы нравятся генерал-губернатору.

— Заманчивое предложение, — ответил Гасфорт, — но боюсь, высшие власти сочтут сие преждевременным. Не рискую идти на перенос границы без ведома Санкт-Петербурга.

— Занятие Заилийского края и прочная колонизация его — крупная заслуга перед Россией, — намекнул Петр Петрович. — Эту заслугу оценит история. — Он выдержал паузу, рассчитывая на ее эффект. — Пока же все, что будет предпринято для научного исследования нового края, станет светочем науки, впервые озаряющим самую глубь Азиатского материка.

— Я сочувствую научным исследованиям в Заилийском крае, — отозвался торопливо Гасфорт, словно боясь подорвать свою репутацию

просвещенного правителя.

Тогда Петр Петрович изложил программу второго путешествия в Небесные горы. Гасфорт согласился со всеми его предложениями. Пользуясь благосклонностью генерал-губернатора, Петр Петрович подал ему мысль о снаряжении экспедиции в Кашгарию.

— Ваш адъютант Чокан Валиханов может выполнить трудную и важную миссию. Этот юноша обладает выдающимися способностями. Он большой знаток истории Востока и в особенности народов, соплеменных киргизам, — говорил Петр Петрович.

— Я принимаю ваше предложение, — согласился Гасфорт, — но при условии, если вы заручитесь согласием высших правительственных кругов. Без ведома Санкт-Петербурга экспедиция в Кашгарию невозможна...

Петр Петрович попросил Гасфорта отчислить и направить в Петербургский университет хорунжего Потанина.

— Такие люди, как Григорий Потанин и Чокан Валиханов, бесценны для русской науки, — говорил он убежденно.

Гасфорт согласился и с этим. Они расстались взаимно довольные и признательные друг другу.

21 апреля 1857 году Петр Петрович выехал из Омска. В Семипалатинске его ждал томский художник Павел Кошаров.

Плетеный тарантас снова катился через Киргизскую степь к предгорьям Заилийского Алатау.

Глава 15

СУД В ТАШБУЛАНЕ

По илийским берегам цвели эфемеры — мимолетные яркие цветы весны.

Анемоны лиловыми коврами устилали землю, колыхались хохлатки, выпирали из песка широкие листья ревеня. Красные тюльпаны захватили огромные участки. Буйствовали ковыли, дикий чеснок вскидывал к небу дурманящие кисти, играли разноцветьем смолевки, грабельки, мышинный горошек.

Веселая зелень полупустыни отцветала, созревала и погибала в конце веселого месяца мая.

Павел Кошаров то и дело ахал. Румяное, со вздернутым носом лицо, живые, цвета спелой черники глаза художника смотрели из-под широкой шляпы. Подвижный, любопытный, неистощимый рассказчик и выдумщик, Кошаров не давал Семенову скучать в дороге.

Они ехали к урочищу Тамгалы-Таш. Справа сливалась с горизонтом безграничная степь, слева за рекой мерцали белым мрамором снега Небесных гор.

Плоские берега Или приподнимались и сужались. Тарантас въехал в красное ущелье. Река здесь пробила путь в порфириновых скалах, и они становились все выше. Семенов разглядывал крутые голые скалы, висящие над рекой.

— Вот они, — показал художник на красную скалу. — Это они — Писаные камни...

Тарантас остановился, Семенов и Кошаров выпрыгнули на песок. Перед ними были Тамгалы-Таш — Писаные Камни, ради которых Семенов отклонился от своего путешествия. Кошаров вынул из тарантаса альбом и карандаш, чтобы скопировать крупные буквы тибетской надписи.

Эти тибетские надписи были начертаны на илийском порфире в середине XVIII столетия, во времена Джунгарского владычества. Они обозначали западные пределы Джунгарии.

Весь жаркий майский день путешественники провели в урочище.

— Я же первый европеец, срисовавший тибетские надписи на реке Или, — шутил Кошаров, складывая альбом. — А быть первым кое-что значит.

Ночью они прибыли в Верное. Пристава Большой орды Хоментовского

уже не было, Семенова встретил новый начальник Перемышльский — вялый спокойный человек. Он не обладал дерзкой энергией и смелостью Хоментовского и не решался на самостоятельную деятельность.

Семенову снова пришлось рассказывать о целях своего путешествия.

— Я хочу проникнуть на восточную часть Иссык-Куля, а оттуда на горные перевалы, соединяющие Илийский и Иссык-Кульский бассейны с Кашгарией. Надеюсь также исследовать хребет Тенгри-таг, — говорил Петр Петрович, не предполагая, что его планы как раз на руку приставу Большой орды.

В эту зиму с новой силой вспыхнула междоусобная война между киргизскими племенами, населяющими берега Иссык-Куля. Богинцы, вытесненные сарыбагишами, стремились вернуть себе восточную сторону озера. Они обратились к приставу Большой орды с просьбой принять их в русское подданство. Только чувствуя себя под защитой России, они могли еще бороться с сарыбагишами.

Полковник Перемышльский понимал: богинцам необходима военная поддержка. И все же он боялся помогать без согласия генерал-губернатора Гасфорта.

— А спрашивать разрешения у Густава Ивановича бесполезно, — жаловался он Петру Петровичу. — Гасфорт затеет переписку с министерством иностранных дел, и пойдет писать губерния.

После долгих размышлений Перемышльский решил: Петра Петровича будет сопровождать конвой из пятидесяти казаков. Одновременно к экспедиции примкнет полуторатысячный отряд Тезека — одного из султанов Большой орды. Казаки Семенова и всадники Тезека и будут той силой, что охладит наступательный пыл сарыбагишей.

До отъезда Петру Петровичу неожиданно предложили принять участие в одном интересном юридическом споре, возникшем между племенами дулатов и атбанов. Полковник Перемышльский попросил Семенова взять на себя в этом споре роль арбитра.

— Вы постороннее лицо обоим племенам и, стало быть, беспристрастное. Вы не принадлежите и к местной администрации, среди киргизов у вас хорошая репутация ученого человека.

Петр Петрович поинтересовался сутью спора.

— Дело весьма щекотливое, носит любовный характер, затрагивает обычай обоих племен, — ответил Перемышльский. — Дочь одного знатного бая из племени дулатов просватана сыну такого же знатного человека племени атбанов. Жених уже выплатил калым и требует невесту. А невеста объявила, что не станет его женой. А если ее выдадут насильно

— покончит самоубийством. Короче, произошло неслыханное нарушение древних родовых обычаев. Все это щекотливое дело станет решать суд биев — по три судьи от каждого племени.

Это неожиданное дело могло познакомить Семенова с судебным правом киргизов. Он ожидал встретить на суде и властителей Большой орды и ее молодое поколение.

Семенов согласился. Договорились встретиться в урочище Таш-Булак, и Семенов отправился в окрестности Верного. В прошлом году он так и не успел познакомиться с предгорьями Заилийского Алатау, Алматинской долиной, Талгарским пиком.

Сопровождаемый Кошаровым, он проник в Алматинскую долину. Широкая горная долина встретила путешественников розовыми цветами барбариса, огненными пионами и тюльпанами. По горным склонам зеленели стройные клены.

Петр Петрович с удовольствием отметил в дневнике, что это новая, открытая им порода клена, сходная с гималайской. Позже ботаники назвали заилийский клен «кленом Семенова».

Несколько часов ученый и художник поднимались по Алматинской долине, пока достигли зоны альпийских лугов. Во время подъема Петр Петрович сделал четыре гипсометрических измерения высоты. Высшая точка, которой они достигли, составляла два с половиной километра.

29 мая Семенов со всем своим отрядом выехал из Верного. Переправившись через реку Талгар, он решил совершить экскурсию на Джасыл-Куль — озеро, находящееся в альпийской зоне Заилийского Алатау. Ранним утром Семенов, Кошаров, шесть казаков и два проводника медленно пробирались к озеру. «При самом начале нашего подъема хорошо был виден Талгарский пик, похожий отсюда на Монблан, но еще более живописный и величественный. Долина, по которой мы поднимались, принадлежала уже к лесной зоне и роскошно поросла яблонями и абрикосовыми деревьями, тянь-шаньской рябиной, боярком, заилийским кленом, черганаком, осиной, талом, жимолостью. Долина уподоблялась роскошному саду».

Подъем становился все тяжелее. Появились пятна нерастаявшего снега. Перед путешественниками маячил грандиозный кряж, за которым скрывалось горное озеро.

Уже давно исчезли деревья. На заснеженных скалах были лишь одни светло-желтые цветы мать-и-мачехи. Семенов вспомнил, что мать-и-мачеха — самые ранние цветы сарматской равнины, и мысленно перенесся в Урусово. Как далеко забрался он от родных рязанских полей!

Горный кряж наконец-то преодолен. «Мы с наслаждением увидели у наших ног Зеленое озеро (Джасыл-Куль), имевшее самый чистый и прозрачный, густо-голубовато-зеленый цвет забайкальского берилла. За озером возвышался смелый и крутой зубчатый гребень высокого белка, а правее открывался вид на еще более высокую снежную гору, имевшую вид ослепительно белой палатки».

Петр Петрович решил подняться на эту гору. На полпути к вершине их застигла гроза. Окрестности погрузились в густые облака, молнии ослепляли глаза, громовые раскаты били в уши. Ливень размывал тропинку, катил камни, каждую минуту Семенов ожидал несчастья. Когда путники взобрались на вершину, гроза прекратилась. Черные облака свалились в глубокие ущелья. Весело сверкало солнце. Далеко под ногами лежало озеро, а вокруг дымились последними облаками Небесные горы. «Это чудное зрелище горных исполинов, освещенных солнцем на фоне безоблачного неба наверху и черных туч с их молниями над Зеленым озером внизу, никогда не изгладится из моей памяти. На самой вершине сопки я сделал гипсометрическое определение, давшее мне 2950 метров абсолютной высоты».

На следующий день Семенов встретился у реки Иссык с Перемышльским. Они вместе направились в урочище Таш-Булак, на родовой суд каракиргизских племен.

День был пасмурный, тучи заволакивали вершины Небесных гор; под дождем госковали дикие тюльпаны. С трав поднимался душный голубоватый дымок испарений.

Урочище открылось им конскими табунами, овечьими отарами, белыми и рыжими юртами. Для гостей была выставлена особая праздничная юрта. Перемышльский принял ее как должную дань своему чину, Семенов с интересом этнографа, Кошаров с восторгом художника.

Юрта, крытая белым, расшитым красной тесьмой верблюжьим войлоком, была убрана кашгарскими коврами. Цветные кошмы лежали на глинобитном полу, на ковровых тюках стояли китайские фарфоровые чаши, бухарские медные кунганы, русские резные погребцы.

Перед началом суда Семенов увидел Тезека — султана племени атбанов, будущего участника экспедиции. Смелый и дерзкий в своих набегах на сарыбагишей Тезек казался совершенно невоинственным человеком. Зато султан племени дулатов Али имел надменный замкнутый вид.

Петру Петровичу представили родовых судей. Дулаты выдвинули в состав суда Дикамба — толстого батыра с жирным лицом и ухающим

голосом, Дугамбая — узкобородого, с хитрыми настороженными глазами седого старца и самодовольного остроумца Джайнака.

Со стороны атбанов на суд явились: Джайнак 2-й — знаток и хранитель степных обычаев, Атымкул — славный своей неподкупностью, Мамай — подозрительный и задорный старик. Судьи в цветастых халатах, подпоясанные зелеными кушаками, выглядели оперными артистами.

«Личности этих биев меня тем более интересовали, что в них я видел не наследственных сановников, а народных избранников. Впрочем, оказалось, что в половине XIX века в Большой орде никто не выбирал и никто не назначал биев. Это были просто люди, указанные общественным мнением, к которым все нуждавшиеся в правосудии обращались по своей доброй воле за разбирательством своих споров... Между такими лицами были и люди знатные, *белой кости*, нередко и люди *черной кости*, но, во всяком случае, люди, прославившиеся своими несомненными личными достоинствами».

Суд начался в просторной юрте. Против входа на почетном месте сели Семенов и Перемышльский. По обеим сторонам их расположились судьи. Как арбитр Петр Петрович потребовал, чтобы первой была допрошена невеста.

В кибитку ввели девятнадцатилетнюю девушку. Не только Семенов, Перемышльский, но даже суровые бии были поражены ее своеобразной сильной степной красотой. Девушка заговорила, и Петр Петрович удивился воодушевлению и страстности ее речи. Она говорила звонким энергичным голосом:

— Я признаю права жениха и родителей на меня. Почтенный суд, знаю, решит передать меня жениху, и это его право. И все же жених не получит меня живой. От меня же от мертвой ни жениху, ни его родителям не будет никакой прибыли...

Подсудимую вывели из юрты. Петр Петрович, решивший добиться ее оправдания, обратился к биям с краткой речью.

— Это тонкое дело должно решаться по киргизским законам, которые уважаемым аксакалам известны лучше, чем мне. Но я не могу не напомнить вам, высокочтимые бии, что по русским законам нельзя принудить девушку без ее согласия выйти замуж. И думаю я, надо искать в этом деле такой выход, который, удовлетворяя киргизские законы, не повлек бы бесполезную смерть подсудимой...

Петр Петрович передохнул, оглядел суровых судей.

— Я признаю в этом деле два важных условия: первое — справедливое удовлетворение интересов жениха и его родителей; второе —

удовлетворение чести всего племени. Я также знаю, что уважаемые судьи позаботятся о примирении обоих племен...

Началось судоговорение. Вначале плавное, спокойное, оно быстро перешло в спор. И спор этот, распаяясь, грозил вылиться в родовую распрю. Лица судей покраснелись, тубетейки сдвинулись, халаты распахнулись.

Атымкул, славный в племени атбанов своей справедливостью и неподкупностью, говорил:

— Девчонка нанесла неслыханное оскорбление всему роду атбанов. Ни жених, ни его родители не желают и думать о возврате калыма. Нарушившую старинные обычаи надо наказать по закону. А закон...

— А закон первым нарушил жених, — оборвал Джайнак речь Атымкула. Он был тоже справедливым и неподкупнейшим судьей племени дулатов. Выдвинув ладони, Джайнак остановил Атымкула:

— Да, закон первым нарушил жених, — повторил Джайнак. — Дочь знатного человека может быть только первой женой. Когда калым был уплачен и жених приехал за невестой, мы узнали — он уже женат.

— Это ложь, да услышит меня аллах! — крикнул судья из племени атбанов.

— Это правда, клянусь именем пророка! — Джайнак прижал ладони к груди.

Семенов уже знал, что «по киргизским народным обычаям дочь знатного человека может быть только первой женой своего мужа, и никогда родители белой кости не согласятся выдать свою дочь во вторые жены».

Атымкул в конце концов сдался: он признал, что жених первым нарушил закон. Бии согласились, что жених должен отказаться от своих прав на невесту. Оставалось решить: как можно удовлетворить поруганную честь племени атбанов.

Поднялся бий Мамай. Тербя рыженькую узкую бородку, он посоветовал на одну неделю отдать девушку жениху. Потом жених вернет ее родителям, и честь атбанов будет удовлетворена.

Бии закивали одобрительно. Семенов снова взял слово. Стараясь не раздражать судей, мягко возразил Мамаю:

— Выдать девушку жениху хотя бы на один час несовместимо с достоинством и ее и родителей, происходящих от «белой кости». Девушка «белой кости» может стать только первой женой, а не наложницей. Нельзя допускать, чтобы восстановлением прав одного племени попирались права другого...

Поднялся султан Тезек.

— Я не имел права вмешиваться в суд биев, пока он решал судьбу жениха и невесты, — начал Тезек. — Но теперь, когда речь идет о восстановлении чести моего рода, хочу сказать свое слово. Справедливо вернуть жениху калым и выплатить кун. Я согласен с решением достопочтимого суда биев. Но не менее справедливо для удовлетворения чести моего рода решить, чтобы дядя невесты Дикамбай отказался от высватанной для себя жены из рода атбанов. Калым Дикамбаю надо возвратить, но куна не выплачивать...

Судьи посмотрели на Дикамбая. Под их взглядами он встал и ответил с твердой решимостью:

— Чтобы спасти свою племянницу и восстановить мир между родами, я согласен удовлетворить требование султана Тезека.

После долгих и всевозможных правовых комбинаций суд биев вынес приговор: атбанскому жениху уплатить сто лошадей. Попранная честь атбанов восстанавливалась за конский косяк в пятьдесят голов.

Семенов вышел из душевной юрты на воздух. Вечерело. Дождь прекратился. Над урочищем сияли беспредельные вершины Небесных гор, земля улыбалась мокрыми травами. Буйно цвели тюльпаны. Мимо промелькнула бесшумная фигурка — оправданная девушка спешила к речке. Семенов посмотрел ей вслед, перевел взгляд на сочный цветок, втоптаный в землю конским копытом. Алый цветок медленно распрямлялся.

Глава 16

НА ИСТОКАХ НАРЫНА

Слухи о русском военном отряде летели по берегам Иссык-Куля.

Всадники спешили от аула к аулу, передавая новости жителям гор. И, как всегда, слухи искажали правду: из мирного ученого-путешественника Семенов превращался в опасного врага. Полуторатысячный отряд всадников султана Тезека помогал этим слухам, взволновавшим сарыбагишей. Сарыбагиши ненавидели Тезека, как ловкого и хитрого противника.

7 июня Петр Петрович и Тезек пришли на реку Малая Каркара, к богинским кочевьям манапа Бурамбая. Старый манап богинцев встретил Семенова с радостью необыкновенной. Да это было и понятно: племя богинцев находилось в тяжелом положении. Почти все владения их по южному берегу Иссык-Куля были захвачены сарыбагишами. Подданные кокандского хана заняли богинские земли до верховьев Сыр-Дарьи, дошли до горы Хан-Тенгри. Сарыбагиши уничтожили трехтысячный отряд богинцев, взяли в плен жен и детей Бурамбая.

Семенову не хотелось ввязываться в междоусобную войну между богинцами и сарыбагишами, но Бурамбай и Тезек требовали похода. Пока Петр Петрович обдумывал, как ему поступить, с южного берега Иссык-Куля пришла хорошая новость.

Сарыбагиши, уstraшенные появлением русских, очистили завоеванные земли и ушли на реку Чу. Земли, пастбища, сады богинцев стали снова свободными. Отпала нужда для Семенова с оружием в руках пробиваться на верховья Нарына. «Я получил полную возможность осуществить свое намерение проникнуть з глубь Тянь-Шаня», — записал Петр Петрович в дневник. И немедленно объявил Бурамбая:

— Иду в экспедицию лишь со своим отрядом и проводниками. Цель моя — через Заукинский перевал достичь истоков Нарына. Султан Тезек остается охранять ваши кочевья на Иссык-Куле.

Петр Петрович в сопровождении сорока девяти казаков, двенадцати проводников, художника Кошарова выступил из аула Бурамбая к перевалу Санташ.

Голые скалы поблескивали в прозрачном воздухе, небольшое густосинее озеро трепетало, пронизанное солнечным светом. Кошаров первым заметил большой холм из пегих камней.

— Почему перевал называют тысячей камней?

— Ты любишь легенды, Павел?

— Если они правдивы...

— Есть у киргизов легенда о Санташе. Когда Тамерлан предпринял поход в восточные страны, он шел через этот перевал. Здесь Тамерлан решил сосчитать свои войска. Каждый воин бросил на берег озера по камню. Вырос холм из многих тысяч камней. Тамерлан возвращался опять-таки через Санташ. Властителю захотелось узнать, сколько у него осталось войска. Каждый воин взял по камню, и холм уменьшился во много раз. Так подсчитывал монгольский завоеватель головы в собственном войске.

С вершины Санташа они увидели Мустаг, закованный в вечные снега. Девственная чистота снега казалась путешественникам отрешенной от всего случайного. Вершины были так недосыгаемы, так величественны и так далеки от земной суеты, что Семенов почувствовал себя чище и одухотвореннее. То же испытывал и художник — удивленные глаза его дышали теплым черным блеском.

Радостные и возбужденные, спускались они с Санташского перевала в долину Джаргалана. Здесь от их счастливого возбуждения не осталось и следа.

Навстречу плелись изнуренные, раздетые, полуумирающие люди. Это были богинцы из племени Бурамбая, захваченные в плен сарыбагишами.

Семенов снабдил голодных куртом — овечьим сыром, поделился бараниной и черными сухарями.

На следующий день через долину Джаргалана он проник к знаменитому среди киргизов теплому источнику Алма-Арасан. Здесь Семенов все еще думал найти вулканические породы. Он отправил отряд с Кошаровым на реку Каракол, а сам с проводником остался у источника. С Кошаровым договорились встретиться на берегах Каракола.

Петр Петрович занялся поисками вулканических пород на Алма-Арасане.

«Вопрос о том, нет ли в Тянь-Шане вулканических горных пород, стоял для меня на первом плане, и так как я убедился в том, что кристаллические горные породы Аксуйской долины, приподнимающие пласты осадочных пород (известняков и сланцев палеозойских систем), оказались гранитами и сиенитами, то мне оставалось только тщательно разыскать, не найдется ли вулканических пород между бесчисленными валунами, увлекаемыми бурной речкой с самых отдаленных вершин Небесного хребта. Но никаких вулканических пород между валунами реки в ее долине не оказалось. Я мог спокойно перейти всецело к исследованию

флоры Аксуйской долины».

Семенов спрятал геологический молоток и занялся ботаникой. Лазил по зарослям черного барбариса и боярышника, любовался рошицами диких яблонь, склонялся над цветами и травами. Они вскарабкались на обрыв, и Семенов увидел новую долину с белесой лентой Каракола. Там была назначена встреча с Кошаровым.

Река, врезанная в темную зелень лесов, была пустынна. Шум воды не достигал горной высоты, солнце слепило глаза, глубокие тени скал зловеще чернели. Семенов вынул бинокль — река, зелень, тени приблизились. На берегу Каракола замелькали всадники.

— Вот и наш отряд, — облегченно сказал Петр Петрович.

— Чужие глаза мешают тебе, — проводник приложил ладони к вискам. — Это сарыбагиши...

Скрываться уже было поздно: их заметили. От отряда отделилось несколько всадников. Петр Петрович вытащил пистолет и поехал навстречу сарыбагишам.

Сблизились почти вплотную, лишь рытвина разделяла Семенова и сарыбагишей. Держа наготове пистолет, Петр Петрович не спускал глаз с высокого худощавого всадника, выскочившего на край рытвины.

— Кто такие? — спросил всадник.

— Русские, — Семенов объяснил, что принадлежит к большому отряду, пришедшему на помощь богинцам.

— А где ваш отряд? — хитро прищурился всадник.

— Отряд за соседней горой. Всадник усмехнулся.

— Вы — наши пленники...

— Пока еще нет, — Семенов поднял пистолет. — Вот это оружие может стрелять сколько угодно. Вы только зря потеряете время.

Всадник опять презрительно усмехнулся.

— А во-он отряд! — крикнул проводник, показывая за Каракол.

С перевала в речную долину спускался отряд, ведомый Кошаровым. Солнце играло на казачьих саблях, мерно вышагивали верблюды, гарцевали богинцы.

Сарыбагиши повернули коней и поскакали к своим. Через несколько минут они скрылись в роще.

— Хорошо, что мы появились вовремя. Я заметил сарыбагишей еще на перевале, — радовался Кошаров, присаживаясь около Семенова на берег Каракола. Над ними темно и густо вздымались кусты облепихи, бабочки, похожие на бледные цветы, порхали между ветвями. — Чертовы дорожки на этом Тянь-Шане, — продолжал Кошаров. — Вернее, никаких дорожек

— только волчьи тропки да следы снежных барсов. Постоянно перевьючивали верблюдов и лошадей. Лошадь аксакала Терскея сорвалась в пропасть. Терскею пришлось спускаться за вьюками, это происшествие задержало на три часа. Бедный Терскей, он плакал над погибшей лошастью, как над другом. На память даже отрезал ухо и хвост. Я его понимаю: киргиз без лошади — несчастнейший человек.

Семенов встал, отряхивая с брюк мокрый песок. Шагнул к костру, у которого притих старый богинец. Положил ему на плечо руку.

— Не горюй, аксакал! Хорошая лошадка была у тебя, но что поделаешь — воля аллаха. Я тебе дарю коня из запасных. Выбирай любого.

Терскей всплеснул руками, признательно прижал кулаки к груди.

Утомленные спутники завалились спать, положив под головы попоны и седла. Семенову не спалось. Было еще рано, крутые обрывы, сливаясь с зеленоватым небом, манили к себе. Над долиной сверкала вечным снегом двурогая вершина Огуз-баши. Пестрая тишина гор была глубока и печальна.

— Пройдемся перед сном, — предложил Семенов художнику.

Кошаров все удивлялся неумоимости Семенова. «Он переполнен какой-то упругой энергией», — думал Павел Михайлович, чувствуя себя усталым.

— Ну что ж, пойдем.

Незаметно прогулка превратилась в напряженные поиски. Семенов осматривал речные валуны, переворачивал их, раскалывал молотком, записывал в походную книжку образцы горных пород.

«Обнажений горных пород я не встретил и ограничился тщательным осмотром валунов, нанесенных рекой. Между ними встретились те же граниты, как и в ущелье реки Аксу, сиениты, крупнозернистые диориты, габбро, серые известняки, черные и красные порфиры, в небольшом количестве гнейсы, песчаники, амфиболиты, роговообманковые сланцы и брекчии, но вулканических пород не оказалось».

Они вернулись к костру, улеглись на росистой траве, под высокими тянь-шаньскими звездами. Остро и сладко пахло облепихой, но запах ее, опьяняя, все же мешал спать.

В эти дни перед художником промелькнуло столько перевалов, ущелий, потоков, что он заблудился в бесконечном их лабиринте и потерял представление, где сейчас находится. Чем дальше проникали они в глубь Тянь-Шаня, тем обширнее и непонятнее становился мир. Художник казался себе чуждым и лишним в могучем нагромождении хребтов.

— Куда мы направимся завтра? — спросил он.

— К Заукинскому перевалу, — полусонно ответил Семенов. — Там есть озера, в которых берет свое начало Нарын. Еще никто не достигал верховий Нарына. А Нарын — это верхняя часть Сыр-Дарьи, — Петр Петрович приподнялся на локтях. — Сыр-Дарья — одна из величайших рек Азии, и никто не знает, где она берет свое начало.

— Вы-то знаете, Петр Петрович...

— Со слов киргизов. А я хочу видеть эти истоки. Я исследовать их хочу, — в голосе Семенова зазвучало нетерпеливое желание.

— Почему вам хочется обнять необъятное? Вы и географ, и геолог, и ботаник, и энтомолог. Не чересчур ли для одного человека?

— И поэт, и художник, добавь, правда, — в душе. Меня и статистика интересует не меньше поэзии, — Семенов подбросил в костер хвороста. Огонь приподнял и покачнул тяжелые тени скал. — Не чересчур ли много, спрашиваете вы? А нам приходится брать чересчур. — Семенов повертел в пальцах веточку барбариса, густо облепленную цветами, швырнул в огонь.

Путь к истокам Нарына оказался изнурительнее, чем казалось Семенову.

Узкие долины были забиты сланцевыми глыбами, гранитными и порфиоровыми плитами, засеяны щебенкой. Животные калечили копыта о камни, люди выбивались из сил. С невероятными усилиями путешественники добрались к подножию Заукинского перевала. На голом плато лежало крошечное озеро; на зеленой воде паслась стайка красных турпанов.

— Алые птицы на аквамариновой воде, — не удержался Кошаров. — Какое нереальное сочетание красок!

— И все-таки оно существует. Все сущее достойно изображения. — Петр Петрович глянул на вершину перевала, уходящую за облака. — Ягодки-то нас, Павел Михайлович, ожидают впереди.

Штурм Заукинского перевала продолжался весь день. У Семенова заломило в ушах, неприятный шум надрывал барабанные перепонки, колени тряслись, тело наливалось ломящей болью. Им овладевала горная болезнь, а Кошаров, к своему удивлению, ее не испытывал.

На узеньких, оползающих песком и камнем тропках стали появляться дохлые лошади, верблюды, бараны. Неожиданно саврасая кобылка Семенова шарахнулась в сторону, вздыбилась над пропастью.

Петр Петрович успел ухватиться за скалу и высвободить ноги из стремян. Лошадь, потеряв равновесие, рухнула в бездну.

Кошаров подхватил Семенова и снял со скалы.

— Вы были на волосок от смерти. Вас спасло чудо, — нервно сказал

художник.

— Чего испугалась моя лошадь?

— Споткнулась о человеческий труп.

Семенов заметил на тропинке мертвого богинца, одетого в рваный бешмет. Мертвеца прикрыли камнями. Все спешили и, ведя в поводу лошадей, продолжали подъем. Только к вечеру участники экспедиции одолели Заукинский перевал. Семенов, шедший первым, увидел волнистую равнину. Горные исполины исчезли. Между невысоких холмов зеленели озера — на воде дремали уже другие, сочного синего цвета турпаны. Птицы спокойно провожали путников, они не боялись человека.

Всюду цвели островки горного лука еще неизвестного вида. Золотые островки соединялись с пестрыми — белые лютики, фиолетовые купальницы, голубые гиацинты были прекрасными, свежими, но ни Семенов, ни Кошаров не проявляли восторга. Другие, невероятные и страшные картины потрясали их.

В золотистых зарослях лука, осыпанные лепестками, лежали люди. Мужчины и женщины, дети и старики. Сотни трупов с лицами, искаженными болью, страхом, голодом, опрокинутые навзничь, на спину, незряче смотревшие в небо. На высоте, достигающей трех с половиной верст, в холодном чистом воздухе трупы не разлагались. Люди казались спящими, и это еще сильнее действовало на путешественников. Здесь, на Заукинском перевале сарыбагиши истребили богинцев из рода манапа Бурамбая.

Семенов ехал по высокогорной равнине, угрюмо озираясь по сторонам. В уме не умолкала пушкинская строка: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» В мертвящей тишине этого поля ему чудились какие-то непонятные живые звуки. Что-то повизгивало и хрипело, укрытое цветущими холмами, и, невидимое, вызывало тревогу. На горизонте возникли низенькие колыхающиеся тени, а звуки стремительно приближались.

Из-за холма вылетела одичалая стая лохматых псов. С яростным лаем псы окружили экспедицию — стая искала новых хозяев. Мертвое поле скрылось за холмами. Равнина полого спускалась к юго-востоку — три озера мерцали на ней. Из каждого вытекала речушка. Речки сливались, и теперь только один поток исчезал в отуманенных далях.

Это и был Нарын, исток древнего Яксарта, великой среднеазиатской реки Сыр-Дарья.

Петр Петрович опустился на колени, зачерпнул в ладони морозную воду, напился, вымыл разгоряченное лицо. Он первым из европейцев пил

воду из нарынских истоков. «Мы проблуждали еще часа два между истоками Нарына, но спуститься вниз по его долине я не решился: лошади наши были измучены и изранены».

14 июня Петр Петрович спустился с плоскогорья на реку Зауку, где и соединился со своим отрядом. Проводники вели Семенова на Иссык-Куль мимо древних развалин и заброшенных пещер. Вечером того же дня Семенов вторично увидел необозримое синее озеро. «Над Кунгеем носились темные облака, эффектно освещенные солнечным закатом. В то время когда снежные вершины Кунгей-Алатау уже начинали загораться своим альпийским мерцанием, мягкие куполовидные предгория были облиты таким светом, который уподоблял их светлому дыму или облаку, как будто все эти горы горели и дымилась».

Отряд остановился около бухты Кызыл-су. Петр Петрович решил исследовать береговую полосу Иссык-Куля. Чего только не выбрасывало бурное озеро на свои берега: раковины, кости птиц, кабаньи клыки, даже медные орудия бронзового века. Петр Петрович узнал от киргизов, что Иссык-Куль в давние времена поглотил целый город, построенный монголами. Он не мог лишь измерить озерные глубины на Иссык-Куле, не было ни одной лодки, но, по словам киргизов, «озеро не имело дна».

Петр Петрович установил, что берега Иссык-Куля служили торными путями народных переселений из внутренней нагорной Азии.

Одним из самых могущественных кочевых народов, занимавшим когда-то бассейн Иссык-Куля, были усунь. Китайские летописцы упоминают о них еще в III веке нашей эры. По китайским летописям, на берегах озера жило 120 тысяч усунских семей. Усунь занимались скотоводством, и конские табуны были их главным богатством. Усунь находились под властью гуннов, но имели и своих правителей, носивших титул «кюн-ми». Китайцы искали военного союза с усунями и старались породниться с ними. В 107 году до нашей эры китайский император выдал свою дочь замуж за усунского правителя. Для принцессы в главном стойбище усуней был воздвигнут город. Народ прозвал его Чи-гу-чином — городом красной долины. «Этой красной долиной, по моим соображениям, могла быть только долина Джаргалана, но, во всяком случае, Чи-гу-чин не находился на берегу Иссык-Куля, а на некотором расстоянии от него», — заключил Петр Петрович, тщательно обследовав окрестности озера.

Усунь, вытесненные гуннами, ушли на запад, в степи и смешались с тюркскими племенами. Из этого союза возник народ, получивший в новейшие времена название киргизов — казахов.

Семенов всюду искал и находил следы исчезнувших усуней. Он обнаружил остатки их культуры в урочищах Кызыл-Джар и Барскаун.

Всматриваясь в глубину времен, воскрешая историю кочевых народов, исследуя остатки их культуры, Петр Петрович устанавливал неразрывную связь природы и человека.

В описаниях Тянь-Шаня он ярко и строго научно показывал и типичные местности, и особенности их природы, и характерные черты хозяйственной жизни людей. Его исследования стали великолепным образцом для русских географов. У Семенова учились они умению видеть общие картины и детали мира. Петр Петрович рассказывал о Тянь-Шане как ученый, как поэт, как художник. Под его пером возникали грандиозные, неповторимые ландшафты Тянь-Шаня.

«Темно-синяя поверхность Иссык-Куля своим сапфировым цветом может смело соперничать со столь же синей поверхностью Женевского озера, но обширность водоема, который, занимая поверхность, в пять раз превосходящую площадь Женевского озера, казался мне с западной части Кунгея почти беспредельным на востоке, и ни с чем не сравнимое величие последнего плана ландшафта придает ему такую грандиозность, которой Женевское озеро не имеет...

За широким Иссык-Кулем простирается обозримая, по крайней мере, на триста верст своей длины, непрерывная снеговая цепь Небесного хребта. Резкие очертания предгорий, темные расселины пересекающих передовую цепь поперечных долин — все это смягчается легкой и прозрачной дымкой носящегося над озером тумана, но тем яснее и определеннее во всех мельчайших подробностях своих очертаний, тем блестящее представляются на темно-голубом фоне цветистого безоблачного среднеазиатского континентального неба облитые солнечным светом седые головы тянь-шаньских исполинов, резко выдающиеся из весьма прозрачной дымки тумана...

Чем далее к востоку, тем поверхности озера кажутся непосредственно омываемыми белоснежные покровы исполинов величественной горной группы Хан-Тенгри...

Путешественник находит на Кугае унылое и пустынное побережье, лишенное всего того, что могла бы на нем воздвигнуть и насадить рука цивилизованного человека. Оно бесплодно, каменисто, усеяно бесчисленными валунами, лишено вообще лесной растительности, и только вдоль берегов стремительных ручьев и на некоторых побережьях озера представляются рощи и группы небольших деревьев и высоких кустарников, состоящих преимущественно из облепихи, покрытой узкими

серебристыми листьями и ветвями, густо облепленными светло-красными ягодами, из боярка и двух или трех пород ивы. Только изредка из таких рощиц белеются войлочные юрты киргизских пастухов и выставляется длинная шея двугорбого верблюда, а еще реже из окаймляющего рощицу обширного леса густых камышей выскакивает многочисленное стадо диких кабанов, или грозный властелин этих камышовых чащ — кровожадный тигр...»

Так описал он Иссык-Куль и Хан-Тенгри в письме на имя Географического общества в октябре 1857 года.

После вторичного посещения Иссык-Куля Петр Петрович вернулся в аул Бурамбая. Старый манап обратился к нему с просьбой помочь перейти в русское подданство со всеми его племенами и владениями. А Бурамбай владел снова восточной половиной Иссык-Куля и северным предгорьем Тянь-Шаня вплоть до Хан-Тенгри.

— Я готов ходатайствовать о принятии в русское подданство богинцев, но мне нужно осмотреть ваши владения, — ответил Семенов. — Я должен побывать в верховьях Кок-Джара и Сары-Джаса, проникнуть к Хан-Тенгри.

Бурамбай предоставил в распоряжение Семенова проводников, лошадей, верблюдов. Снабдил его курдючным салом и чаем, разрешил приобретать по пути баранов.

Петр Петрович направился по руслу реки Большая Каркара к Хан-Тенгри...

Глава 17

ХАН-ТЕНГРИ

Он был ослеплен могучим и властным зрелищем.

Все, что он видел до сих пор, все это померкло, погасло, испарилось из памяти. «Прямо на юг от нас возвышался самый величественный из когда-либо виденных мною хребтов. Он весь, сверху донизу, состоял из снежных исполинов».

Их было тридцать, этих врезанных в небо вершин. Каждая из них выше Монблана, но в центре хребта высилась белая пирамида, и она вдвое превосходила остальные. Круглое облачко трепетало над ней, как светлый флаг.

— Вот он, Хан-Тенгри, — высочайший пик Тянь-Шаня, — сказал Семенов Павлу Кошарову.

— Я устрaшен грандиозностью здешней природы, — серьезно ответил художник.

— А я лишь теперь понял всю поэтическую силу, вложенную в название Тянь-Шаня. Тенгри-таг означает «хребет духов». Местные жители уподобляют эти снежные вершины небесным духам, а Хан-Тенгри — царю небесных духов. Отсюда и китайское название всей горной системы: Небесные горы — Тянь-Шань.

Художник выслушал объяснение Петра Петровича и сказал с восторгом:

— Точность поэзии роднит ее с математикой.

После долгого и восторженного созерцания Тенгри-тага Семенов занялся гипсометрическими измерениями. Художник помогал ему как умел. Измерения дали семь тысяч метров абсолютной высоты. Семенов с удовлетворением сложил инструменты — он теперь был уверен: Хан-Тенгри — главная точка Тянь-Шаня.

Так никогда и не узнал он, что на Тянь-Шане была еще более высокая вершина...

Светлое облачко над вершиной Хан-Тенгри стремительно разрасталось, гася перламутровый блеск исполина. Заволакивались облаками и соседние вершины.

Семенов решил заночевать на берегу Сары-Джаса. Быстро установили палатку, развели костер, поужинали. Кошаров взялся за карандаш, чтобы зарисовать Хан-Тенгри на закате. Семенов забрался в палатку. Снял

полушубок, раскрыл дневник, посмотрел на казаков и богинцев, замкнувших костер. Взгляд его выхватил из круга сидящих желтое лунообразное лицо проводника. Под черными бровями дремали пронизательные глаза человека, привыкшего к горным бурям и грозам.

Дневник зашелестел на коленях, Петр Петрович отложил его в сторону. Писать не хотелось. Исчезли мысли, растаяли воспоминания. Нет Санкт-Петербурга, Берлина, Парижа, Неаполя. Куда-то отодвинулись Гумбольдт, Риттер, Достоевский, книги, картины, географические карты, уютные залы, театральные кулисы. Нет ничего, кроме мерцающей вершины Хан-Тенгри.

Он устало зевнул. В проеме палатки колебался зыбкий туман, а в нем диск луны, похожий на медный киргизский щит. Туман заливал вершины, полз над речкой, оседал по обрывам, заполнял пропасти.

— Дорогу осилит идущий, — сонно пробормотал Семенов, ниже склоняя голову.

— Петр Петрович, проснитесь! — тормошил его за плечо художник.

Семенов с трудом открыл глаза, посмотрел в проем палатки.

— Почему так тихо? — спросил он.

— Буран надвигается...

В совершеннейшей тишине горной ночи ощущалась тревога. Полотняная крыша палатки прогибалась от снега, вкрадчивая белесая мгла напозала со всех сторон, люди закапывались в снег, укрывая себя и лошадей войлоком. Старый проводник лег у входа в палатку, будто говоря всем своим спокойным равнодушным видом: пока я тут, ничего не случится.

— Голову прямо разламывает, — пожаловался Кошаров. — И в ушах непрерывный звон.

— Это от высоты, — Семенов потрогал полы палатки. — Укреплена хорошо.

Плотная завеса падающего снега выгнулась и зашелестела, в ней появилось маслянистое пятно и быстро увеличивалось в своих размерах. Сквозь снег прорвался лунный луч, гребни гор на мгновение вспыхнули. Снег снова сомкнулся, лунный свет исчез. Ночь отсвечивала белесой пеленой, робкие шорохи прокатывались над землей.

Семенов, а за ним и Кошаров услышали далекий приглушенный гул. В нем было что-то отчаянное, грозное, неумолимое. Потом послышались тяжелые, неимоверно тяжелые вздохи, от которых задрожала снежная завеса.

Семенов понял: на вершинах Тенгри-тага буран. И как только он

догадался, тревога исчезла. Он стал спокойнее прислушиваться к нарастающему гулу.

Снежные змейки, скользящие с резким шипом, стали приподниматься. Воздух сгущался, плотнел и как-то сразу двинулся на палатку. С вершин Тенгри-тага сорвался ветер. Ветер не кидался из стороны в сторону, а дул с огромной, все нарастающей силой. Мерзлые камни запрыгали с обрывов, сталкиваясь между собой. Палатка туго звенела, содрогаясь, полы ее то надувались, то опадали, ударяя Петра Петровича по голове.

Маленький камешек пробил полотно палатки, воздушная струйка скользнула в прореху, раздернула полотно. Снежный смерч закрутился в палатке, приподнял ее, обрушивая на Семенова и Кошарова.

Задыхаясь от тяжести, Петр Петрович вскочил на ноги, вышел из палатки. Ветер опрокинул его и поволок в бушующую ночь.

Напрасно Петр Петрович цеплялся за камни, его перевертывало, несло, опять перевертывало. Оглушенный, ослепленный, он катился под уклон, пока не полетел в ревущую белую мглу. Полет продолжался секунду. Семенов с головой погрузился в снег. Где-то над ним визжал и пощелкивал буран. Петр Петрович энергично заработал руками, освобождаясь от снега.

— Аксакал! Ты жив, аксакал? — Плоское заиндевелое лицо склонилось над ним, крепкие руки взяли за плечи и приподняли. Другие руки потащили вверх.

Кошаров и проводник привели Петра Петровича к опрокинутой палатке, укрыли войлоком.

— Слава аллаху, не обморозился, — бормотал проводник, ложась около Семенова.

Перед рассветом буран успокоился. Небо очистилось. Семенов откинул войлок, увидел художника и проводника, разрывающих сугроб. Из-под снега выползали люди, отряхивались, фыркали, отыскивали лошадей, вещи, дрова.

Петр Петрович снова оглядывал горную группу Тенгри-тага, видную на всем своем протяжении. У подножья текла Сары-Джас, принадлежавшая к системе центральноазиатской реки Тарима.

Семенов произвел второе гипсометрическое измерение Хан-Тенгри и Кокджарского перевала. Определение подтвердило семикилометровую высоту Хан-Тенгри. Абсолютная высота Кокджарского перевала была установлена в 3510 метров.

День 25 июня прошел в сборе растений. Петр Петрович собрал пятьдесят различных видов; из них тридцать оказались чисто азиатской флоры. Утром следующего дня он начал восхождение на северный склон

Тенгри-тага, чтобы измерить высоту снежной линии. Переправившись через Сары-Джас, которая поразила его «млечно-бело-зеленоватым цветом своей воды, очевидно питаемой ледниками», он оставил отряд на биваке. Проводники вели его и Кошарова кратчайшим путем к полям вечного снега. Подъем был очень крутым, каменные осыпи затрудняли путь. Наконец они достигли высоты 3950 метров. Эти метры «составляют как высоту снежной линии на северном склоне Тянь-Шаня, так и высшую точку, достигнутую мною в этом хребте», — отметил он в дневнике.

Утром 28 июня Семенов решил пробраться к истокам Сары-Джаса, берущим свое начало в ледниках. Шли очень медленно, осторожно. Речная долина была завалена мраморными валунами. Всюду, куда Петр Петрович ни бросал взгляд, виднелись нагромождения белого и серого мрамора.

Между валунами попадались черепа горных баранов с длинными, закрученными рогами. Семенов, натужась, приподнял один из черепов.

— Это кочкар, — объяснил проводник. — Крупный баран, куда до него архару...

— Породу этих колоссальных баранов описывал еще Марко Поло, — сказал Петр Петрович художнику, — но венецианцы ему не поверили. Лишь в первой половине девятнадцатого века английский путешественник Вуд нашел на Памире такие же черепа. Английские зоологи назвали кочкаров именем Поло. Кстати, зоологи считают кочкаров вымершими животными. Никому еще не посчастливилось увидеть их живыми...

На склонах Тенгри-тага все отчетливее проявлялись фирновые поляны. Там зарождались могучие ледники, к которым стремился Петр Петрович. Приходилось почти непрерывно переходить Сары-Джас. Вода приобрела резко зеленый оттенок. Молочная пена сбивалась на камнях.

Гигантский ледник, замыкавший широкую сары-джасскую долину, особенно интересовал Семенова. Ледник величаво спускался с фирновых полей Тенгри-тага и крутым обрывом падал в долину. «Оконечность ледника характеризовалась своим цветом, уподоблявшимся цвету почерневших мраморных статуй... Ледяная масса, составлявшая оконечность ледника, имела метров 100 высоты. Лед ее трещин имел светло-зеленый цвет. Из-под ледника с силой вырывался один из горных истоков Сары-Джаса...»

Семенов стал откалывать молотком кусочки льда — ледник звенел, как железо. На поверхности его маячили «столы» — каменные глыбы на ледяных подставках.

Через много лет этот величайший тянь-шаньский ледник будет назван именем Семенова.

Ночь застигла путешественников, когда они спустились к подножью Тенгри-тага. Кошаров, довольный удачными зарисовками, дремал. Семенов опять сидел над дневником. Казаки вспоминали родные места, богинцы, как всегда, пили крепкий зеленый чай.

— Кочкары, кочкары! — закричал проводник.

Высоко над их головами, на узком уступе стояли три барана с крутыми огромными рогами. Животные казались совершенно черными на голубоватом небе. Их горделивая осанка и мощные размеры восхитили Петра Петровича.

— Бараны Марко Поло! Сказочные животные еще существуют! Венецианцы смеялись над Марко Поло, нам, надеюсь, поверят ученые. Не стреляй! — положил он руки на винтовку Кошарова.

— Они вне выстрела, — согласился Павел Михайлович, опуская винтовку. — Недурно бы иметь такой редкий трофей.

Художник пронзительно свистнул.

Кочкары подпрыгнули, и все разом кинулись в пропасть. Они летели над бездной и, кажется, должны были разбиться насмерть. Но кочкары ударялись широкими рогами о выступы обрыва, отскакивали и продолжали падение. Они достигли дна пропасти, перевернулись, встали на ноги и скрылись.

Путешественники долго не могли успокоиться. Только после ужина Петр Петрович принялся за укладку своих сокровищ — никем еще не виденных растений Тенгри-тага. Между собранными растениями были четыре новых вида. Особую ценность представляли светло-розовая с серыми листьями богиния и «тюйэ-уйрюк» — верблюжий хвост.

Работая над гербарием, Петр Петрович поглядывал на горную долину, покрытую темно-синими коврами генциан, на голубые полосы обыкновенных незабудок, тянувшихся по склонам Тенгри-тага.

2 июля он вернулся в аулы манапа Бурамбая. Здесь его ожидали важные, хотя и печальные, новости. Киргизы из рода Бурамбая посетили Кашгар. В Кашгаре властвовал жестокий и беспощадный ходжа Валихан, уже несколько лет терзавший страну и народ. К нему-то и прибыл зимой 1856 года немецкий географ Адольф Шлагинтвейт. Кашгарский владыка сначала дружелюбно принял отважного путешественника, а потом неожиданно приказал казнить его. Адольфу Шлагинтвейту отрубили голову на кашгарской базарной площади.

Семенов молча выслушал печальное известие. Он так и не смог узнать от киргизов причин и подробностей гибели Шлагинтвейта, но еще сильнее укрепился в мысли: в Кашгарию надо посылать только подходящего для

этой цели поручика Чокана Валиханова.

Вторая новость была тоже из невеселых. Союзник Семенова султан Тезек захвачен в плен султаном Большой орды Тарыбеком. Закованный в кандалы лежит Тезек в юрте мятежника. Тарыбек грозит выдать его сарыбагишам.

Семенов бросился на выручку Тезека...

Храпели взмыленные лошади. Впереди мчались Семенов с Кошаровым, на ходу меняя загнанных лошадей на свежих. Как мог оказаться в плену Тезек — человек отчаянной храбрости? Тезек, который был грозой сарыбагишей? Из бестолковых ответов манапа Бурамбая Семенов понял одно лишь — мятежный султан пригласил Тезека для каких-то переговоров. Тезек оставил свой отряд и с четырьмя товарищами отправился к Тарыбеку. Тот схватил султана и заковал в кандалы. Двум спутникам Тезека удалось бежать. Они-то и принесли Бурамбая весть о плене своего султана.

За семь часов скачки Семенов одолел почти полтораста верст. Ночью добрался до кочевий Тарыбека, в глубоком овраге остановил казаков.

— Черт знает как не хочется лезть в драку с этим Тарыбеком, — выругался Петр Петрович, срезая нагайкой зеленую стрелу дикого лука.

— А если Тарыбек уже выдал Тезека сарыбагишам? — осторожно спросил Кошаров.

Семенов, не отвечая, поднялся с камня. В овраг поодиночке спускались отставшие богинцы.

— Больше ждать нельзя. Если Тарыбек узнает о нашем появлении, он покончит с Тезеком. Надо немедленно ворваться в его аул. Предупреждаю: никаких насилий над киргизами. Захватывайте Тарыбека, ищите Тезека, — приказал Петр Петрович, строго посматривая на казаков.

Они влетели в аул со всей стремительностью, на какую были способны. Аул оказался пустым. Навстречу вышел только брат Тарыбека, изможденный, тощий человек. Испуганно кланяясь и вздымая руки, сказал:

— Султан Тезек ночью бежал. А брат мой Тарыбек уехал в горы.

— Откуда мне знать, что ты говоришь правду? — спросил Семенов. — Кто подтвердит, что Тезек бежал?

— Человек султана. Ему не удалось бежать, и он здесь.

— Приведи этого человека.

Богинец подтвердил, что Тезек бежал ночью.

— Мне удалось снять с него кандалы. Он захватил лошадь и скрылся.

Петр Петрович облегченно вздохнул. Все случилось так, как ему хотелось. Никаких неприятностей, никаких стычек с Тарыбеком.

Распрощавшись с братом Тарыбека, он направился к реке Чилик — последнему пункту своего путешествия.

Долина Чилика разделяла две параллельные цепи Заилийского Алатау и показалась Семенову одной из самых широких на Тянь-Шане. Петр Петрович ехал шагом, по привычке рассматривая уже знакомые цветы и травы. Вот цветет кошачья мята, а вот густолиловый клематис. Дикая вишня и сибирская акация переплетаются между собой.

П. П. Семенов на Тянь-Шане. 1856 г.

Боамское ущелье. Рис П.Кошарова.

Озеро Иссык-Куль.

Бурамбай. Рис П. Кошарова.

Рядом с ним на саврасом меринке трясся Павел Кошаров. Ковровые куржумы с упакованными в них рисунками и набросками Небесных гор покачивались у седла. Павел Михайлович чему-то улыбался, должно быть тому, что он первым из художников зарисовал пейзажи Небесных гор, типы людей, их населяющих. Да, он может сказать, что поработал на славу.

Из Чилийской долины, преодолев несколько горных перевалов, Семенов вышел к Талгару, откуда начинал свое путешествие.

Был лазоревой чистоты и свежести вечер. Круглые перистые облака с Небесных гор отходили в степь, блестели замкнутые в камыши озера, волны опаленного ковыля бежали к песчаным берегам Или. Вдалеке крутилась рыжая туча пыли.

Гулкий топот обрушивался на степь, доносились лошадиное ржание, человеческие крики. В косяках пыли замелькали всадники, один из них выскочил вперед.

Семенов узнал Тезека.

Султан подлетел к нему, с маху поднял жеребца на дыбы, спрыгнул наземь. Спешился и Семенов. Они обнялись.

— Третий день мои люди дежурят на горных перевалах. Все с нетерпением ждем, когда появишься ты. Бараны зарезаны, бесбармак варится, бурдюки полны кумыса, — говорил Тезек.

На берегу Талгара, в абрикосовой роще стояли юрты, горели костры. Начался той — киргизский праздник шумного гостеприимства. Семенов и Кошаров сидели на белой кошме, ели руками бесбармак, пили кумыс, слушая рассказ Тезека о его приключениях. Он же, наклонясь корпусом, сдвинув на затылок синюю бархатную шапочку, говорил:

— Люди Тарыбека преследовали меня до водопада, что на реке Кеген. Тропинка там обрывается, под ногами водопад, по бокам — отвесные скалы, за спиной — люди Тарыбека. Что мне оставалось делать? Я взмахнул камчой — ив водопад! Лошадь погибла, но спасла меня, первые удары о камни пришлись по ней. Меня же подхватил поток и, сильно израненного, выбросил на другой берег. Два дня блуждал по ущельям, кое-как дополз до своих кочевий. Думал: попадетса мне в руки Тарыбек — разорву...

— Так-таки разорвал бы? — усмехнулся Семенов.

— Он вчера у меня в гостях был, — неожиданно сказал Тезек.

— Тарыбек? — спросил ошарашенный Петр Петрович. — И что же ты с ним сделал?

— Тарыбек приехал с повинной. Он хочет перейти в русское подданство. Мы помирились, и я прошу: помоги Тарыбеку...

Той продолжался всю ночь. Ранним утром Семенов снялся с ночлега и направился в Верное.

Все население молодого городка встречало экспедицию. На соборной площади собрались сторожевые казаки и переселенцы, гарцевали на своих мохноногих лошадах киргизы. Полковник Перемышльский произнес проникновенную речь, отмечая научные заслуги экспедиции.

Петр Петрович по-своему понимал, почему его экспедиция возбудила глубокое сочувствие и привлекла всеобщее внимание. Он говорил позднее Кошарову:

— Вернеские казаки, потомки сподвижников Ермака Тимофеевича, признали нашу экспедицию своей не только потому, что участвовали в ней. Наши скитания по недоступным местам возбуждали в них живые воспоминания о подвигах предков в Сибири. Русские переселенцы, познакомившиеся с необыкновенным привольем чудесного Заилийского края, радовались: ученые люди приехали для их пользы. Они очень заинтересованы в будущем этого края.

После трехдневного отдыха Петр Петрович покинул Верное. Надо было торопиться в Петербург, а по дороге осмотреть озеро Ала-Куль. Природные условия этого озера, древние исторические события, происходившие на его берегах, давно привлекали его.

Распрощавшись с Верным, сопровождаемый Кошаровым, выехал он из Алматинской долины. На сухом сентябрьском рассвете, прежде чем покинуть Или, он долго любовался Небесными горами.

В горах клубилось черное облачко дыма — горели тянь-шаньские леса. Снежные пики Талгара одевались в розовые тона, прозрачная сетка тумана таяла от зари. Сердце дрогнуло и болезненно сжалось: светлая печать захлестнула Семенова. От волнения перехватило дух, он поднял руку, прикрывая глаза. Неужели он совсем недавно был там, за этой горной стеной, закрывшей полнеба? Бродил по зеленым ущельям, взбирался на головокружительные перевалы? Пил воду из синих вод Иссык-Куля, собирал цветы и травы на альпийских пастбищах? Неужели измерял высоту Хан-Тенгри, видел его могучие ледники? Неужели?

Все, что он видел за эти месяцы, теперь стало далеким, призрачным, почти невероятным. И уже невозвратимым. Он покосился на Кошарова — испытывает ли художник то же, что и он? Но лицо художника было замкнутым и непроницаемым. Крепко стиснув пальцами луку седла, Кошаров смотрел на рыжие илийские воды.

— Грустно, Павел Михайлович?

— Очень, очень грустно, — отозвался художник, не поворачиваясь к

нему. — Грустно прощаться с Небесными горами.

— Может быть, больше не придется увидеть их, — сказал Петр Петрович. Ему хотелось найти какие-то яркие и значительные слова для прощания с Тянь-Шанем. Он не нашел их и замолчал.

— Ты что, Петр Петрович? — спросил художник. — Что ты сказал?

— Когда у меня не хватает слов, я вспоминаю Пушкина, — тихо ответил Семенов. — И с Тянь-Шанем прощусь пушкинскими стихами:

Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим бродил
я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим.
Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерний час...

Не дочитав стихов, он повернул коня и поскакал на берег Или.

Глава 18

АЛА-КУЛЬ

Он сидел на кургане у каменной бабы, тупо и незряче глазевшей на Ала-Куль.

С озера дул резкий ветер, незаметно и постепенно усиливаясь. Семенову даже не верилось, что это тот страшный «юй-бэ», валящий человека с ног, опрокидывающий лошадей, разрушающий юрты.

Ветер посвистывал на одной высокой, напряженной ноте, но в посвисте этом Петру Петровичу чудились топот конских табунов, рев верблюдов, треск ломаемых копий, тяжелые удары железа.

Мерещились всадники, скачущие по солончаковой степи, унылые караваны, мелькающие в завесах пыли.

Виделись колымаги и повозки, телеги и разукрашенные кареты, скрипевшие по песчаным берегам Ала-Куля...

Посредине озера возвышалась остроконечная сопка. Сопка называлась Арал-тюбе — Островная гора. Уже восемь столетий с ней говорили цари, монахи, путешественники. Впервые об Ала-Куле упоминают в VIII веке монгольские летописи. Почему же стало известным это голое неприветливое озеро с остроконечной сопкой посредине?

Полчища Чингисхана, хлынувшие на просторы Киргизских степей из Центральной Монголии, сначала достигли Ала-Куля.

Отсюда орды монголов-кочевников расходились на юго-восток и на запад.

Одни шли мимо Балхаша, через Или, Чу, Сыр-Дарью, огибали Каспийское море и обрушивались на юго-западную Европу.

Другие направлялись на запад через Иртыш и Волгу и захлестнули Россию...

За два столетия монгольского владычества берега Ала-Куля видели бесчисленных данников, ездивших на поклон к чингисханидам.

Здесь останавливался на отдых армянский царь Гетум, когда ехал с дарами в Каракорум — столицу чингисханидов.

Католический монах Плано Карпини не миновал Ала-Куля. В своем путешествии он описывает озеро с его огнедышащей горой и неумолимым ветром «юй-бэ». Карпини наивно полагал, что зимою страшный ветер рождается в горе над Ала-Кулем.

Ала-Куль видел и средневековый путешественник Гильом Рубрук. По

распоряжению короля Людовика IX он, как посол, отправился в Каракорум, к великому хану монголов.

Долго добирался Рубрук до Ала-Куля. Когда он достиг озера, за его спиной лежали Крым, каракумские пески, Сыр-Дарья и Чу, солончаки Бек-Пак-Далы, горные перевалы Джунгарии. От Ала-Куля через Джунгарские ворота проник он, наконец, в Каракорум.

Через несколько веков после Карпини и Рубруквиса сюда явился Григорий Карелин. Он исследовал и озеро и сопку Арал-тюбе.

После Карелина здесь был Александр Шренк. Он интересовался вулканизмом, но не нашел его следов на Ала-Куле.

Егор Ковалевский и Томас Ульям Аткинсон обошли вокруг Ала-Куля, побывали на отрогах Тарбога-тая, достигли берегов второго огромного озера Зайса-на в поисках все тех же вулканов. Не нашли.

Древние летописи, свидетельства Плано Карпини и Рубрука обернулись легендами. В эти легенды, как в непреложные факты, поверили Александр Гумбольдт и Карл Риттер...

А ветер все так же напряженно посвистывал, сгибая и гоня ковыль к ногам Семенова. Песок осыпал его, неприятно похрустывая на зубах. Низкие облака клубились над зелеными, в злых белых полумесяцах, волнами, поминутно задерживая остроконечную сопку. За шуршавшей стеной камышей укрывался казачий конвой, сопровождавший Петра Петровича. Кошаров с коллекциями и гербариями отправился в Семипалатинск, и Семенову не с кем было поделиться своими размышлениями.

На кургане, около каменного идола, он мысленно проникал в глубину столетий.

Вода, сопка, солончаки, камышовые заросли да угрюмое осеннее небо над ними были свидетелями великих исторических событий. Да, может быть, еще эта «каменная баба» с тупыми глазами.

— И Карелин, и Шренк, и Аткинсон — ученые, достойные доверия, — сказал он себе, спускаясь с кургана. — И все же я должен сам убедиться, что Арал-тюбе не вулкан.

Сопровождаемый неотлучными казаками, он ехал по широкому перешейку, делившему озеро на восточную и западную части. Перешеек, низкий, болотистый, с ржавыми лагунами, был занят бесчисленными стаями диких гусей, крякуш, гоголей, собирающихся к отлету. Кряканье, гоготанье, хлопанье крыльев заглушали постоянный посвист ветра, дующего все в одном и том же направлении. Семенову подумалось, что этот ветер, не прерываясь, дует над Ала-Кулем уже тысячу лет.

Ветер стал особенно сильным, когда Петр Петрович направился к Арал-тюбе. Озеро, занявшее больше двух тысяч квадратных верст, было мелководным. Петр Петрович промок, иззяб, пока вброд добрался до островной горы. Голые порфиновые скалы, валуны, щебень. Он взошел на вершину Арал-тюбе. Все те же порфиры в рыжих потеках и трещинах. Никаких данных, говорящих о вулканизме. Он даже почувствовал разочарование. Ему представился старый, с трясущейся головой Гумбольдт, его голубые ожидающие глаза. «Я могу умереть спокойно, если вы привезете мне вулканические обломки». Можно ли обмануть великого географа и человека? Можно ли не сообщить ему горькой правды? Нет! Лучше горькая правда, чем красивая ложь. Наука прощает ошибки, но не терпит обмана.

В конце сентября Петр Петрович прибыл в Семипалатинск, где ждали его Кошаров и Достоевский. Ждали журналы, газеты, письма, новости.

Кошаров благополучно довез все ботанические, геологические, этнографические сокровища. Тарантас, проехавший тысячи верст, был еще крепок и ладен и вызывал в Семенове нежность, словно живое доброе существо.

Художник торопился в Томск. Он передал Семенову свои альбомы с рисунками Небесных гор, обещал прислать в Петербург новые и стал собираться. Милый Павел Михайлович! Он был смелым и верным товарищем, ни разу не пожаловался на тягости путешествия. Петр Петрович расцеловал художника, и они расстались нежно и грустно.

А 30 сентября Достоевский провожал Петра Петровича. Ссылный писатель передал Семенову письма и поручения своим родным. Они распрощались за городом, на барнаульской дороге. Семенов сел в тарантас, лошади дружно взяли с места. Обернувшись, он сдернул шляпу и, размахивая ею, громко кричал:

— До встречи в столице, Федор Михайлович!

Сосны скрыли сгорбленную фигуру Достоевского. Петр Петрович стал смотреть на дорогу, виляющую по ленточному бору. В памяти снова возникли Небесные горы, но теперь он думал, что всего лишь «приподнял непроницаемую завесу» над ними. Теперь оба путешествия казались ему лишь рекогносцировками в таинственный Тянь-Шань.

Это все только начало. Перевернута лишь первая страница в книге Небесных гор. И немислимо одному человеку прочитать всю книгу.

Для современников же тянь-шаньское путешествие Семенова было огромным научным событием. Три очень важных по землеведению Азии вопроса разрешил Петр Петрович во время своего путешествия.

Он установил высоту снежной линии на Тянь-Шане.

Он открыл ледники в истоках реки Сары-Джаса, и эти ледники оказались величайшими на Азиатском континенте.

Он проверил и отверг, как несостоятельную, гипотезу Александра Гумбольдта о вулканическом происхождении Небесных гор.

По возвращении из путешествия Петр Петрович опубликовал ряд научных статей по всем этим вопросам. Путевые дневники и личные наблюдения легли в основу его географических трудов: «Поездка из укрепления Верное через горный перевал у Суок-тюбе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 году». «Первая поездка на Тянь-Шань, или Небесный хребет, до верховья реки Яксарта или Сыр-Дарьи в 1857 году с картой». «Небесный хребет или Заилийский край». «Предисловие переводчика» ко второму тому Карла Риттера.

Через пятьдесят лет после путешествия он снова возвратился к путевым дневникам. Разобрал их и написал свое «Путешествие в Тянь-Шань».

А в своих географических работах Петр Петрович внимательно рассмотрел вопрос о высоте снежной линии на Тянь-Шане. По его определению, высота снежной линии в Небесных горах достигает трех — трех с половиной тысяч метров. «Сухость климата необыкновенно повышает предел вечного снега», — писал Петр Петрович. — «Если к этой необыкновенной сухости атмосферы Небесного хребта присовокупить еще страшные летние жары и сильное нагревание широких плоскогорий его окружающих палящими лучами солнца при безоблачной, прозрачной и сухой атмосфере, то мы найдем самое естественное объяснение высоты снежной линии...»

Семенов сначала сомневался, что при таком сухом климате на Тянь-Шане могли существовать ледники. «Сомнения эти рассеялись перед фактами, и мне удалось найти в живописной горной группе Хан-Тенгри такие обширные ледники и такие ледяные моря, каких я не видел и в Альпах».

До путешествия Семенова вулканы во Внутренней Азии считались неопровержимым фактом. Карл Риттер, Абель-Ремюз, Клапрот, Иакинф, Александр Гумбольдт верили в вулканическое происхождение Тянь-Шаня. Гумбольдт думал, что вулканы продолжают действовать в районах Кульджи, Турфана, Иссык-Куля и Ала-Куля.

Исследования Семенова в Илийской долине, между Мусартским и Заукинским перевалами, на озере Ала-Куль развеяли эти ошибочные представления.

Наука отказалась от представлений Гумбольдта и Риттера. Огромное значение имел этот отказ для понимания геологической структуры Внутренней Азии. Событием в географической науке стали исследования Семенова и горных проходов Тянь-Шаня. Они выяснили строение горных цепей и самые удобные пути сообщения. Маршруты обоих путешествий Семенова явились образцом для новых географических экспедиций.

В 40-х годах XIX века в науке преобладало мнение о Тянь-Шане как о системе высоких широтных и меридиональных горных хребтов. Семенов исследованием продольных долин, Заилийского Алатау, плоскогорья Джаналаш, речных размылов и наносов в котловинах рек Мерке, Каркара, Кегена и Чарына опроверг эту орографическую схему.

Велики и разнообразны научные результаты путешествий Семенова в Небесные горы. Первый исследователь Тянь-Шаня, он сделал и первые научные наблюдения и первым обобщил добытые материалы. Комплексный подход к географическому изучению неизвестной страны лежал в основе его путешествия.

Петр Петрович ввел в географическую литературу новые термины. Поперечная долина, нагорье, речная область, горная цепь, котловина с его легкой руки стали общепринятыми.

Впоследствии, оценивая работу Русского географического общества за пятьдесят лет, Семенов писал, что экспедиции общества «не ограничивались геодезическими съемками и орографическими определениями, могущими служить только канвой научному исследованию... Они обращали особое внимание на исследование природы страны, ее растительного покрова и интересного мира обитающих на ее поверхности животных, и наконец, на распространение на этой поверхности и отношение к земле подчинившего себе силы природы ее властителя — человека...»

Основы для таких экспедиций создал он сам.

В начале ноября 1857 года Семенов возвратился в Петербург. В Географическом обществе опять произошли перемены. На пост вице-председателя вернулся адмирал Литке.

Федор Петрович сердечно встретил путешественника. Было созвано собрание членов общества. Петр Петрович выступил с кратким отчетом о своем путешествии и представил план третьего, еще более обширного и обстоятельного.

Петр Петрович думал пройти вдоль южных склонов Тянь-Шаня от озера Иссык-Куль до Урумчи и Кульджи. Намеревался исследовать Небесный хребет от западной стороны Иссык-Куля до Мусартского

перевала — местности, совершенно неизвестной географической науке.

В Петербурге, захваченный водоворотом встреч, новых знакомств, всевозможных дел, Петр Петрович не забывал о своих друзьях — Потанине и Валиханове. Он сумел определить Потанина вольным слушателем в Петербургский университет. Ему удалось заинтересовать Кашгарской экспедицией Валиханова директора Азиатского департамента Е. П. Ковалевского.

Писатель, дипломат, ориенталист, член Географического общества, путешествовавший по Западному Китаю, Ковалевский прекрасно сознавал огромное значение русских исследований во Внутренней Азии. Семенов и Ковалевский добились согласия на экспедицию Чокана Валиханова. Петр Петрович составил особую записку для юного путешественника.

Валиханову предлагалось познакомиться с политическим и военным положением Кашгара. С историей кашгарского народа. Выяснить состояние его торговли. Географические исследования Кашгара, конечно, были главными в этой записке. На флору, фауну, богатства земных недр должен обратить свое внимание Валиханов.

В то же время Семенов обрабатывал материалы своих путешествий, уточнял программу третьей экспедиции. Он предполагал отправиться во Внутреннюю Азию весной 1860 года. Но заветной мечте его уже не суждено сбыться.

— Мне нравится ваша идея, очень заманчивая и смелая, — утешал Петра Петровича адмирал Литке, — но правительство его величества не отпустит нужную сумму на экспедицию. Правительство не пожелает иметь неприятностей с Англией, которая всячески противится нашему продвижению во Внутреннюю Азию...

С огорчением Петр Петрович покинул кабинет Литке. Быть на грани новых географических открытий и не сметь переступить эту грань? Видеть новые горизонты и не приблизиться к ним, что может быть хуже для настоящего исследователя?

II

Глава 19

ПЕРЕД РЕФОРМОЙ

Петербург захлестывали слухи. Это были волнующие, тревожные, противоречивые слухи о предстоящей отмене крепостного права, освобождении крестьян, земельной реформе. Петр Петрович ходил по взбудораженной столице, прислушивался к разговорам на улицах, в общественных местах, в Географическом обществе.

Крымская война привела империю к политической и экономической пропасти, она же и ускорила необходимость внутренних преобразований. Это понимали самые дальновидные из русских помещиков. «После севастопольского разгрома, после бедствий последней войны, старая система управления рушилась сама собой», — писал историк Чичерин. «Мы сдались не перед внешними силами западного врага, а перед нашим внутренним бессилием», — говорил рязанский помещик Самарин. Даже махровый реакционер, будущий царский министр Валуев говорил: «Нынешнее устройство не благоприятствует развитию духовных и общественных сил России — сверху блеск, снизу — гниль».

В дни Крымской войны и после нее по России прокатилась волна крестьянских восстаний.

Мужики убивали помещиков, поджигали барские усадьбы, отказывались от уплаты податей, выполнения повинностей. Многие крестьянские семьи убегали от господ, скрывались в лесах и горах. В 1857 году в России произошло сорок волнений. Народное движение против крепостного рабства охватило шестнадцать губерний.

В Киевской губернии в мятежах участвовало пять тысяч крестьян. Крепостные из села Маслов Кут близ Пятигорска потребовали от своего помещика освобождения из рабства. Помещик вызвал войска.

Мужицкие мятежи были стихийными и раздробленными. Они лишь свидетельствовали, как быстро идет разложение крепостного строя. «Ужасных следствий ожидать должно от внезапного пробуждения этого многочисленного класса, если, постигнув тайну силы своей, он вздумает одной силой свергнуть тягостное ярмо, его гнетущее», — говорилось в одном из анонимных писем, распространявшихся в Москве и Петербурге.

В России наступала новая эпоха. Крестьяне боролись за уничтожение крепостного права, и борьба их объективно вела на путь капиталистического развития страны.

После Крымской войны Александр Второй вынужден был заявить московскому дворянству:

— Лучше начать уничтожение крепостного права сверху, нежели ждать того времени, когда оно начнет само собою уничтожаться снизу...
Прошу вас, господа, обдумать, как бы привести все это в исполнение...

В январе 1857 года Александр Второй воссоздал «секретный комитет» для ознакомления со всевозможными проектами и записками по крестьянским делам.

Комитет этот был создан еще Николаем Первым в 1839 году.

Председательствовал в комитете царь, а членами являлись самые мрачные реакционеры-крепостники. У Секретного комитета была очень скромная цель — «улучшение быта помещичьих крестьян».

Чтобы иметь хотя бы общее представление об экономическом положении крепостных, комитет командировал своего эмиссара в центральные русские губернии.

Случайно этим эмиссаром оказался честный, умный человек, враг крепостного права Заблоцкий-Десятовский.

По поручению Секретного комитета Заблоцкий-Десятовский объехал все центральные губернии и написал доклад о положении крестьян. Он нарисовал такую страшную картину крепостной жизни, что Секретный комитет не посмел передать доклад Николаю Первому.

В записке «О крепостном состоянии в России» Заблоцкий-Десятовский ставил вопрос о быстрейшем освобождении крестьян. Члены Секретного комитета были возмущены даже самой постановкой вопроса. Вскоре и сам царь отказался от мысли заниматься «улучшением быта крепостных крестьян». Секретный комитет прекратил свое существование.

Александр Второй заново основал комитет, но он работал медленно, осторожно, всячески обходя самые жизненные вопросы. С верноподданнической почтительностью члены комитета решали такие «проблемы», как — можно ли крепостным вступать в брак без согласия помещика? Можно ли ограничивать права помещика относительно наказания крестьян?

Члены Секретного комитета, по выражению товарища министра внутренних дел Левшина, «ласкали себя надеждой, что дело уснет».

Но «дело» отмены крепостничества уже не могло уснуть. Против собственной воли и желания царь и дворяне начали готовиться к крепостной реформе. Какая сила толкала их на отмену крепостного строя? На эти вопросы ответил позже Ленин:

«Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена

России с Европой, не могли удержать старых рушившихся форм крестьянства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские „бунты“, возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика Александра Второго признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*...».

[2]

В ноябре 1857 года Александр Второй обнародовал рескрипт на имя виленского генерал-губернатора Назимова.

Этим рескриптом вопрос о крепостном праве впервые выносился из Секретного комитета на гласное обсуждение. Царь предлагал создать губернские комитеты из представителей дворянства.

Туманным ноябрьским утром прочитал царский рескрипт Петр Петрович и поспешил к Заблоцкому-Десятовскому, жившему по соседству — на Восьмой линии Васильевского острова.

Семенов высоко ценил Андрея Парфеновича. Их товарищеские отношения уже давно переросли в настоящую дружбу.

— На ловца и зверь бежит, — засмеялся Андрей Парфенович. — Я сам к тебе собирался. Читали рескрипт? Слава богу, от разговоров решили перейти к делу.

— Такому великому делу можно посвятить всю жизнь, — ответил Петр Петрович. — Я решил поехать в родные места и выяснить настроения как помещиков, так и крестьян. Хочу иметь полное понятие об этих настроениях.

Андрей Парфенович горячо поддержал Семенова.

Петр Петрович выехал в Рязанскую и Тамбовскую губернии. Уже по дороге он ознакомился с новыми царскими рескриптами на имя нижегородских и московских дворян, в которых те призывались к обсуждению крестьянского вопроса. Царь, защищая интересы помещиков, считался с их мнениями и настроениями. Секретный комитет был преобразован в Главный комитет по крестьянским делам.

Главный комитет рассматривал все проекты и записки по подготовке крестьянской реформы, которые выдвигались губернскими комитетами.

В каждом губернском комитете существовали две-три группы, борющиеся между собой. Часть помещиков-«либералов» шла на уступки в крестьянском вопросе. Это были дворяне, перестраивающие свои поместья на капиталистический лад и понимавшие необходимость реформы.

Другая часть — «отчаянные консерваторы», как их насмешливо называли, ничего не хотела уступать. Среди заядлых крепостников были и мелкопоместные дворяне и крупные феодалы.

Петр Петрович окунулся в водоворот противоречивых страстей, желаний, настроений. В своей плетеной кошевке ездил он по встревоженной, разворошенной, ожидающей России, внимательно наблюдая, слушая, запоминая все, что видел и слышал. Посещал помещичьи усадьбы, крестьянские дворы, останавливался у деревенских кабаков, на сельских базарах и мельницах. Беседовал с губернаторами, предводителями дворянства, помещиками, крепостными, мужиками, дворовыми, слугами. Присутствовал на заседаниях губернских комитетов.

Его кошевка въезжала в каменные ворота богатого имения пронского помещика Офросимова. Офросимов, считавший себя просвещенным либералом, знатоком российских законов, любил поговорить о страданиях народных.

— Я всеми помыслами сердца своего за освобождение крестьян, — говорил он Петру Петровичу. — Только опасаясь, что свобода не принесет мужику пользы, а вред дворянам будет непоправимый. Я составил проект, по коему освобождение крестьян предлагаю растянуть на двенадцать лет. На все это время нельзя допускать выхода крестьян из барских поместий. Даже временных отлучек мужика без согласия помещика делать непозволительно. — Плавная речь Офросимова приобретала жесткость металлическую. — Дворянство признает за собой исключительное право полной собственности на землю.

От Офросимова Петр Петрович спешил к Волконскому.

Князь Волконский, весь круглый, мягкий, нежный, с вкрадчивым взглядом серых глаз, был неколебимым крепостником. Он тоже сочинил и представил свой прожект: «Земельная реформа не даст никакого существенного улучшения крестьянской жизни, а помещикам нанесет вред, вырывая из сердца их хозяйств самые ценные земли», — писал князь Волконский.

— Милостивый государь Петр Петрович, — ласково картавил князь, — оделяя раба, мы пустим по миру собственных детей. Государю императору угодно освободить крестьян, и желание его священо. Господь да поможет его гуманным намерениям, но землю даром дворяне не отдадут. Земля — наша священная собственность. Я предлагаю выкупать ее у помещиков по шестьдесят рублей десятина. Меньше никак невозможно!

Помещичьи предложения и проекты обрушивались на Петра Петровича, как водопад. Их сочиняли все — от крупных и мелкопоместных дворян до настоятелей уездных монастырей. И каждый ущемлял мужика, выбивал из-под его ног политую его же потом и кровью землю. Семенов в сумрачном настроении подъехал к усадьбе помещика Самарина. Еще в

Рязани наслышался он о Самарине как об умном стороннике освобождения крестьян.

Его встретил русобородый широкоскулый барин, медлительный и спокойный. Осторожно ощупывая друг друга взглядами, они долго обсуждали волнующую тему.

— Помещики должны справедливо и безоговорочно признать — земля принадлежит крестьянам. Никакого права на денежный выкуп за землю мы не имеем. Без земельных наделов освобождение крестьян — пустой звук, — энергично говорил Самарин. — Разумеется, мои предложения отвергнуты здешними помещиками. Таких донкихотов, что готовы освободить мужика с землей и без выкупа, не находится, — криво усмехнулся Самарин. — Своими предложениями я навлек лишь на себя злобу и клевету. Потрясателем основ величают. Предателем дворянских интересов. Только при безвозмездном возврате земли можно надеяться на мирное окончание реформы, — продолжал Самарин. — Я беседовал с мужиками. Знаете, что они говорят? Свобода — дело хорошее, а земля — дело вечное. Без земли жить нельзя, а миру ее взять неоткуда. Где мы ее возьмем, как не у бар?

— Будут брать насильно, — кивнул Петр Петрович.

— Волею обстоятельств помещики вынуждены отдавать землю, но, господи боже! — воскликнул Самарин. — Тульские помещики за приусадебную десятину требуют четыреста восемьдесят рублей. В пятнадцать раз дороже настоящей цены. А рязанские хотят получить выкуп и за мужицкие избы, и за амбары, и за лошаденку с коровенкой. Иными словами, догола ободрать своих рабов, под корень подрезать их. — Самарин уставился в пол тяжелым взглядом.

Наступила длинная неловкая пауза. Вечернее солнце освещало старомодный кабинет, жирно лоснились подсвечники, ковры на стене, длинноствольные пистолеты на них.

Петр Петрович разделял взгляды Самарина, он сам всем сердцем за освобождение крестьян с землей, но что можно поделать? Дворяне, за исключением таких одиночек, как Самарин, против. Император не желает ущемлять их интересы.

С болью и грустью убеждался Петр Петрович в «полной несостоятельности существовавшего государственного и общественного строя и в крайней необходимости радикальных в нем реформ, которых исходной точкою должно быть освобождение всего русского народа от крепостной зависимости, все более и более принимавшей характер рабства, и взамен тягостной для крестьян и ненавистной барщины свободным

трудом, при неперменном условии обеспечения им их земельного пользования».

Петру Петровичу страшно заглядывать в будущее России. Он даже не мыслит, что в России может быть революция. Только постепенные реформы — отмена крепостного права, земельные наделы крестьянам, просвещение народа изменят родную страну. А пока же в России — эпоха бесправия, косности и обскурантизма. Распрощавшись с Самариным, он отправился в Рязань.

Ехал метельными проселками. Чтобы покормить лошадь, завернул на деревенскую мельницу. Он всегда любил бывать на мельницах: уж очень хорошо здесь во время помолы. С позеленевших лопастей падает многозвучный поток, так же звучно крутятся жернова, в сусеки льются мучные струи. Бревенчатые стены заиндевели от мучной пыли, толстые сизые жгуты ее висят в углах. Семенов присел на мешок, вытянул усталые ноги. Прислушался к разговору мужиков, собравшихся на мельнице.

— А слыш-ко, мужики, в Пронске-то крепостные своего барина утопили. Камень ему на шею — и в омут. Полиция неделю искала, не нашла, — говорил худой, изможденный, одетый в златанный зипун старик.

— На Орловщине, сказывают, крепостные своего барина черноземом потчевали. «Ешь, — сказывают, — землю нашу». Семь фунтов чернозему барин скушал и скончался, — сказал коренастый чернобородый мельник.

— А вот что у нас было, — произнес хриловатый голос. Петр Петрович повернулся на голос: в углу сидел безбровый человечек. — А вот каков случай был, — повторил он и закашлялся. — Барина живым в борозду запахали...

От этих рассказов Петру Петровичу стало не по себе. Он вспомнил, что за последние годы крепостными убито 147 помещиков.

— Ваше степенство, — неожиданно спросил мельник, — ты из города, что там про волю бают? Будет воля, али брех пустой?

— Будет воля, — твердо ответил Петр Петрович.

— А земляца? Царь на бумаге написал: освобождает мужика с землей, а помещики тую бумагу припрятали. Правда али брех?

— Не знаю, — дрогнувшим голосом ответил Петр Петрович.

Быстро и твердо крутятся жернова, льется в сусек дымчатая струя. Угрюмо сидят мужики — ржавые, задубелые, изрытые морщинами. В лаптях, валеных опорках, златанных штанах и рубахах. Крепостные. Рабы с незапамятных времен. Их можно казнить по прихоти помещиков, брить им лбы, ссылать на каторгу, пороть розгами. Продавать, как вещи, не

признавать в них человеческое достоинство...

С невеселыми думами возвращался Петр Петрович из Рязанской и Тамбовской губерний. Три недели — срок небольшой, но «этого времени было достаточно для того, чтобы при моем знакомстве с экономическим положением и народным бытом этого края составить себе полное понятие о настроении в пламенно интересовавшем меня вопросе, как дворянского, так и крестьянского сословия этих губерний».

И в Тамбове и в Рязани помещики соглашались на освобождение крестьян, но без земельных наделов, или же за огромный выкуп земли. Петр Петрович убедился в этом, прочитав указы тамбовского и рязанского дворянства. Смысл указов сводился к тому, чтобы как можно дольше продлить крепостной труд. «Признать право крестьян на такие земельные наделы, которых бы хватило только на жизнь впроголодь. Поставить крестьян в экономическую зависимость от помещика. Все остальные земли, кроме нищенских наделов, признать полной собственностью помещика».

При таком «освобождении» крестьян крепостные отношения оставались бы и после реформы. Безземельный мужик вынужден был бы арендовать землю у помещика на самых кабальных условиях. Нищенские усадебные наделы, привязав мужика к земле, давали бы помещику дешевую рабочую силу. Крестьянин не мог вести своего хозяйства и полностью зависел бы от помещика. Словом, это была свобода с той же бесправной жизнью, как и при крепостном иге.

Требования помещиков произвели на Петра Петровича удручающее впечатление. И все же после долгих размышлений он «решился принять уже активное участие в крестьянском деле, чувствуя в себе и необходимую для этого подготовку».

Семенов вернулся в Петербург и написал письмо председателю Главного комитета генерал-адъютанту Ростовцеву. Граф Ростовцев знал Петра Петровича еще с детских лет и немедленно пригласил к себе.

Граф Яков Иванович Ростовцев был другом царя и пользовался полным его доверием. Александр Второй считал Ростовцева главным своим советчиком по крестьянским делам. В глазах же передовой русской интеллигенции граф был личностью с позорным прошлым.

Ростовцев учился в пажеском корпусе, потом поступил в лейб-егерский полк. С 1823 года он стал членом тайного «Союза благоденствия». Ростовцев давал своим друзьям декабристам торжественное обещание «подвизаться всеми силами на пользу общую, поддерживать все благие меры правительства, препятствовать всякому злу и обличать

злоупотребления и бесчестные поступки, а самому быть без страха и упрека».

Ростовцев забыл свою клятву, когда узнал, что декабристы готовятся к восстанию. «Рыцарь без страха и упрека» явился к великому князю Михаилу Павловичу и предупредил о готовящемся восстании. Сказал и о том, что декабристы собираются истребить царскую фамилию.

После разгрома декабристов Николай Первый не забыл предателя. Ростовцева назначили начальником штаба военно-учебных заведений. Офицеры лейб-егерского полка, друзья декабристов, откровенно выказывали графу свое презрение. Ростовцев вынужден был покинуть полк.

Александр Второй еще цесаревичем подружился с начальником штаба военно-учебных заведений. При вступлении на престол он назначил Ростовцева членом государственного совета и комитета министров.

Когда же Секретный комитет по крестьянским делам был реорганизован в Главный, царь поставил Ростовцева его председателем.

Позже Семенов писал в своих мемуарах: «Конечно, Ростовцев совершенно не был подготовлен к законодательным работам по освобождению крестьян... К сожалению, он не мог искать себе инструкторов ни в кружках петербургской интеллигенции, сильно против него возбуждаемой выходками герценовского „Колокола“, ни во встречаемых им в Петербурге поместных дворянах...»

Ростовцев и его приятель — богатый помещик Позен — составили проект-записку «Об освобождении крестьян». Записка эта обворожила царя. Проект защищал интересы помещиков в предполагаемой реформе.

Ростовцев и Позен предлагали освободить крестьян в двенадцатилетний срок. В течение этого срока крестьяне по-прежнему находятся в полной зависимости от помещика.

Семенов познакомился с проектом Ростовцева-Позена и возмутился. «Этот хитроумный план с одновременным поклонением господу богу и золотому тельцу еще на двенадцать лет сохраняет крепостное право». Когда же крестьяне выйдут из крепостной зависимости, они окажутся прикрепленными к помещичьей земле. Проект Ростовцева-Позена, по его мнению, «приведет к полному обезземеливанию крестьян».

Получив приглашение от графа Ростовцева, Семенов явился к нему. Рассказал о своих впечатлениях во время поездки по родным местам.

— Большинство помещиков опасаются предстоящей реформы. Они не сочувствуют ей и не желают расставаться с крепостным правом, — говорил Петр Петрович. — Помещики уверены — с потерей крепостного труда их

ждет разорение. Таково мнение помещиков-крепостников Рязанской и Тамбовской губерний. Зато передовые и просвещенные дворяне уже со времени злосчастной Крымской войны пришли к убеждению: освобождение крестьян неизбежно и необходимо. Дворяне эти, и я в их числе, понимают — удержать крестьян в крепостной зависимости больше невозможно.

Ростовцев внимательно слушал Семенова. Когда Петр Петрович замолчал, граф спросил:

— Вы познакомились с проектом Позена? Этот проект одобрен государем императором...

— Проект Позена может принести большой вред освобождению крестьян, — ответил Семенов. — Освободить крестьян без земли невозможно. Если у мужиков отнимут землю, то никакие административные меры правительства не удержат их от повсеместных волнений. Двенадцатилетний срок, во время которого сохраняется крепостной труд срочно-обязанных крестьян, неприемлем, как основа реформы. Это все то же крепостное право, лишь в форме ненавистой мужикам барщины. Обязательный выкуп земельных наделов для крестьян не по силам. О земле крестьяне высказываются совершенно ясно и определенно.

— В чем же мужичья определенность? — спросил Ростовцев.

— Мужики говорят: «Мы — ваши, а земля — наша. Мы можем оставаться барскими или сделаться царскими, „казенными“, но земля отойти от нас не может». — Петр Петрович подумал и добавил уже от себя: — А вообще-то крестьяне ожидают реформы с полным доверием к своему государю...

Ростовцев криво усмехнулся. Он знал то, что было неизвестно Семенову. Третье отделение в тайных донесениях сообщало о кровавых столкновениях во многих местах империи. Бунтующих крестьян наказывают розгами, судят, ссылают на каторгу. Крестьяне уже начинают борьбу за свою землю и за полную волю. «Крепостные отношения на самом деле рушились, хотя закон этот еще существует», — сообщали Главному комитету из Нижегородской губернии.

Встреча с графом Ростовцевым надолго определила судьбу Семенова. Ростовцев пригласил Петра Петровича членом-экспертом Главного комитета. Петр Петрович согласился.

«Любовь к природе сделала Семенова путешественником, любовь к людям, — общественным деятелем», — говорили о нем его современники.

Семенов оказался в центре всех подготовительных работ по

крестьянской реформе. Заседания комитета, встречи, проекты, все дела, все люди были связаны с ним. Через его руки проходили предложения губернских комитетов, всевозможные письма и записки на «высочайшее имя», секретные документы и донесения.

В Главном комитете возникли две враждебные друг другу группы. Группу так называемых «либералов» возглавил директор хозяйственного департамента Н. А. Милютин. В нее вошли К. Д. Кавелин, А. П. Заблоцкий-Десятовский, Ю. Ф. Самарин, В. А. Черкасский и другие видные общественные деятели предреформенной эпохи. Примкнул к ним и Петр Петрович.

Либералы настаивали на освобождении крестьян с землей. «Освободить крестьян не словом, а делом, не постепенно, а разом единовременно и повсеместно», — писал предводитель тверского дворянства Унковский.

Тверской помещик-либерал, ратуя за немедленное освобождение крестьян, тут же добавлял: «Помещики должны быть вознаграждены как за собственные земли, так и за своих крепостных крестьян». Другой либерал, Кавелин, тоже считал необходимым вознаградить помещиков за потерю крепостных рабов и земельных наделов.

Либеральная группа, возглавляемая Милютиным, представляла интересы помещиков, стремящихся перейти к капиталистическим методам хозяйствования. Этим помещикам нужны были капиталы для заведения торговых, промышленных предприятий, сельскохозяйственных ферм. Кавелин писал: «Освобождение крестьян потребует немедленного постановления наших помещичьих хозяйств на коммерческую ногу».

Страшась крестьянской революции, Милютин и его группа шли на умеренные уступки и в то же время искали новых путей для закабаления народа. И эти новые пути либералы видели в русской зарождающейся буржуазии.

Группа «отчаянных консерваторов» хотела сберечь крепостнические отношения и после крестьянской реформы. В группу консерваторов входили царские министры и сенаторы, знатные и могущественные дворяне, крупные помещики. Консерваторы-крепостники понимали, что уже нельзя все оставить по-старому. Чего же хотели они?

Князь Гагарин хотел, чтобы помещикам предоставили право освобождать крестьян без каких бы то ни было определенных законом условий и без земли. «Помещики, как поземельные собственники, составляют твердую основу престола и государства. Всякое стеснение их интересов и владельческих прав не может остаться без влияния на быт

империи», — разглагольствовал князь Гагарин.

Граф Шувалов требовал, чтобы крестьяне платили помещику денежные подати или же исполняли натуральные повинности, как и при крепостном праве.

Товарищ министра внутренних дел Левшин настаивал, чтобы за помещиками было признано право собственности на всю землю. За свои избы, усадьбы, выгоны, огороды мужик должен заплатить столько, сколько потребует помещик.

Борьба между либералами и отчаянными консерваторами была «борьбой *исключительно* из-за меры и формы уступок. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении этой власти*».^[3]

В этой борьбе «за меры и формы уступок» председатель Главного комитета граф Ростовцев склонился на сторону либералов. Под влиянием Милютин и Семенова Ростовцев стал сторонником освобождения крестьян с землей, но с обязательным ее выкупом у помещиков.

— Мужичья свобода без земли — это птичья свобода, — заявлял Ростовцев членам Главного комитета.

Семенов стал для Ростовцева необходимым советником по крестьянской реформе. Ростовцев возложил на Семенова подготовку законопроекта по освобождению крестьян. Семенов согласился.

— Законопроект должен быть единым для всей империи и состоять он должен из трех частей. Часть юридическая определяет права крестьян, — говорил он, — как личные, так и имущественные. Часть административная решает устройство и управление освобождаемых крестьян. И третья — часть хозяйственная устанавливает поземельные отношения между помещиками и крестьянами...

Эти предложения Петра Петровича по законопроекту были приняты Главным комитетом. Семенов составлял также и особые записки, предназначенные для Александра Второго. В записках излагалась суть всех предложений губернских дворянских комитетов.

Семенов убедил графа Ростовцева и в том, что для редактирования общего законопроекта необходимо создать Редакционные комиссии. Петр Петрович составил специальную записку, которую Ростовцев передал царю. Такое же предложение о Редакционных комиссиях одновременно внес и Милютин.

Редакционные комиссии не должны подчиняться ни министерствам, ни ведомствам: на них возлагалась самостоятельная законодательная

работа. Одобрять или отвергать работу комиссий мог только царь.

Александр Второй согласился на создание Редакционных комиссий. Их председателем он назначил все того же графа Ростовцева, а правителем дел Семенова. По царскому приказу Петр Петрович стал и членом-экспертом Редакционных комиссий.

Больше двух лет отдал Петр Петрович составлению законопроекта и Положения об освобождении крестьян.

А в это время борьба вокруг крестьянской реформы разгоралась все сильнее и сильнее. Крестьяне не ждали спокойно своей судьбы, как это раньше говорил Петр Петрович. Еще совсем недавно он утверждал, что «крестьяне ожидают будущего с полным доверием к своему государю». Теперь к нему — правителю дел Редакционных комиссий со всех концов империи стекались грозные известия.

Во многих губерниях происходят крестьянские волнения. Мужики бунтуют потому, что помещики отрезают лучшие участки их наделов и присоединяют к своим поместьям. Мужиков переселяют с хороших земель на плохие, отправляют в Сибирь.

Помещики черноземных и центральных губерний продают целые деревни с переселением их в степные области страны.

На все эти помещичьи притеснения мужики отвечали бунтами и волнениями. Лишь в одном 1860 году, когда Ростовцев и Семенов работали над законопроектом и Положением об освобождении крестьян, в империи произошло сто крупных волнений.

На всю Россию зазвучал «Колокол», издаваемый Герценом в Лондоне. Влияние страстных обличительных статей и памфлетов Герцена и Огарева на подготовку крестьянской реформы было вообще исключительным.

Правда, Герцен первоначально выступал тоже с либеральных позиций. Он возлагал серьезные надежды на Александра Второго.

Герцен писал, обращаясь к царю: «Разумеется, моя хоругвь — не ваша. Я — неисправимый социалист. Вы — самодержавный император. Но между Вашим знаменем и моим может быть одно общее... любовь к народу. Дайте землю крестьянам, она и так им принадлежит. Смойте с России пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спинах наших братьев — эти страшные следы презрения к человеку».

По особому разрешению царя «Колокол» получали все члены Главного комитета. Петр Петрович внимательно читал статьи Герцена, находя в них родственное своей душе. Он, как собственные, воспринимал слова о том, что Герцен предпочитает «путь мирного человеческого развития пути развития кровавого».

То, что Герцен боролся за освобождение крестьян с землей, разоблачал махинации помещиков-крепостников, соответствовало либеральным взглядам Семенова. Петр Петрович, неоднократно повторявший, «рабство падет по манию царя», был доволен словами Герцена о «революции сверху» без баррикад и крови. Но Герцен быстро отказался от мирного решения крестьянской проблемы.

«Колокол» опубликовал письмо «Русского человека», и Семенов с душевным трепетом познакомился с ним. Это был уже призыв к крестьянской революции в России. «Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и никто, кроме топора, не поможет. К топору зовите Русь».

Пути революционного демократа Герцена и либерального дворянина Семенова разошлись.

Семенов по-прежнему все надежды возлагал па царя-«освободителя». Герцен же заявлял: «Александр Второй не оправдал надежд России».

Герцен разоблачал графа Ростовцева как реакционера, неспособного проводить реформу в интересах народа. Семенов же был уверен «в беззаветной преданности Ростовцева великому делу».

В то время когда бил в набат герценовский «Колокол», со страниц «Современника» звучал мощный голос Чернышевского.

Чернышевский остро переживал ужасы крепостного права. Всеми помыслами стремился он к освобождению крестьян. Уничтожение крепостного права должно привести к общему пересмотру и переделке всего русского общества, утверждал в своих статьях Чернышевский.

Великий демократ требовал освобождения крестьян только с землей. Больше того — освобождаемым крестьянам надо прирезать дополнительные земельные наделы. Все расходы по выкупу крестьянских земель у помещиков обязано взять на себя государство. И в то же время Чернышевский понимал, что царь и помещики готовятся к массовому ограблению освобождаемого из крепостной зависимости народа. Чернышевский пришел к выводу, что лишь одна крестьянская революция может помочь народу в борьбе за его права, землю и волю.

Вокруг Чернышевского сплотились революционные демократы. Его верным и сильным соратником стал молодой Добролюбов. Вся короткая жизнь Добролюбова была, по существу, отдана борьбе за освобождение России от крепостничества и самодержавия.

Либералы с яростью обрушивались на революционных демократов, призывающих крестьян к революции. Впоследствии Ленин сказал о либералах: «Вместо того, чтобы подняться на защиту преследуемых

правительством коноводов демократического движения, они фарисейски умывали руки и оправдывали правительство. И они понесли справедливое наказание за эту предательскую политику широковещательного краснбайства и позорной дряблости. Расправившись с людьми, способными не только болтать, но и *бороться* за свободу, правительство почувствовало себя достаточно крепким, чтобы вытеснить либералов и из тех скромных и второстепенных позиций, которые ими были заняты „с разрешения начальства“». ^[4]

Губернские комитеты закончили свою работу. Их бесчисленные проекты, предложения, пожелания прошли через руки Семенова, прежде чем попасть в Редакционные комиссии. Эта кропотливая, изнурительная работа оказалась под силу Петру Петровичу лишь потому, что он отдал ей всю свою энергию, все свое время.

Общий законопроект и Положение о крестьянах отредактированы. Упразднение личной зависимости, наделение крестьян землей и определение повинностей за землю, выкуп крестьянских наделов — этим трем главным вопросам посвящались сотни страниц Положения.

В начале 1860 года умер Ростовцев. Царь назначил председателем Редакционных комиссий графа Панина.

Назначение графа Панина произвело на членов Редакционных комиссий ошеломляющее впечатление. «Многочисленные тайные противники освобождения крестьян очень обрадовались. Они были убеждены в том, что председательство гр. Панина сознательно или бессознательно задушит в корне законопроект Редакционных комиссий», — вспоминал Петр Петрович.

Члены-эксперты из группы либералов — Черкасский, Самарин, Милютин, Татаринов, Заблоцкий-Десятовский и другие решили уйти в отставку.

Сам Семенов очутился в сложном и щекотливом положении. После смерти Ростовцева царь вызвал Петра Петровича и долго беседовал с ним в Зимнем дворце. Спрашивал — кого можно назначить преемником покойному графу Ростовцеву. Петр Петрович уклонился от прямого ответа.

— Мне кажется, ваше императорское величество, вы напрасно тревожитесь. Кто бы ни был преемником, успех дела зависит от вас, ваше императорское величество.

Царь заверил Петра Петровича, что законопроект об освобождении крестьян останется без изменений.

— Я разрешаю вам сообщить слова мои вашим товарищам и успокоить их, — сказал Александр Второй.

«Он обнял меня и благодарил за ту неустанную помощь, которую я оказывал Ростовцеву».

Прихоти императора, колебания и неуверенность либералов, противодействие могущественных крепостников князей Меншиковых, Гагариных, Горчаковых, баронов Корфа и Палена, капризное вмешательство в дела Редакционных комиссий со стороны великой княгини Елены Павловны, собственные сомнения толкали Петра Петровича на постоянные уступки.

Он лавировал среди либералов и консерваторов, реакционеров и прогрессивных дворян, между всеильными министрами и хитрыми попами. Противоречивые мнения, скрытые страсти, принципиальные убеждения и беспринципные цели, закулисные интриги и коварство подстерегали Семенова на каждом шагу.

Царь хотел, чтобы Семенов стал примирителем между графом Паниным и членами-экспертами Редакционных комиссий. Царская воля для Петра Петровича была законом. Он отправился к графу Панину для выяснения их будущих отношений.

Богатый аристократ, всех и все презирающий, нелюдимый, капризный, ярый крепостник встретил Петра Петровича в своем уединенном кабинете.

— Его императорское величество поручил мне сблизиться с вами прежде, чем я приступлю к исполнению обязанностей председателя, — заговорил Панин, усаживая Петра Петровича в кресло. И сразу же спросил о том, что его больше всего волновало. Какого мнения был о нем покойный Ростовцев, что думают о нем сейчас члены-эксперты. — Говорите все откровенно, по совести, — предупредил граф Петра Петровича.

Семенов поразил Панина своей откровенностью. От имени покойного Ростовцева он сказал графу все, что думал о нем сам и что думали либеральные члены Редакционных комиссий.

— Граф Панин, столь нелюдимый, недоступный и не уважающий мнения других людей, не может руководить Редакционными комиссиями. Граф Панин — крайне непрактичный и совершенно незнакомый с бытом русского народа человек. Граф живет в искусственной атмосфере, и люди, окружающие его, не имеют ни собственных мнений, ни человеческого достоинства. Граф Панин отрезан от интеллигентных сил России, чужд ее общественным и духовным интересам.

«Когда я кончил, наступило несколько минут полного молчания. Граф Панин, видимо, был поражен моим сообщением, в котором не было никаких прикрас», — вспоминал Петр Петрович.

Он тайно надеялся, что Панин откажется от должности руководителя

Редакционных комиссий. А если и не откажется, то не станет вмешиваться в работу членов-экспертов, не посмеет изменять законопроект в угоду помещикам-крепостникам. Все вышло наоборот.

Петр Петрович до конца своих дней не подозревал, что граф Панин искромсал законопроект с ведома Александра Второго.

Панин сделал все, чтобы земля и доходы с нее остались в руках помещиков. Всякие параграфы о немедленной свободе для крепостных крестьян были вычеркнуты. Освобождение предполагалось только через два года после царского манифеста. Помещики сохраняли право собственности на землю. Крестьянам по-прежнему приходилось исполнять натуральные повинности и бесплатно работать на помещиков. Только с их согласия мужики могли выкупать собственные земельные наделы.

Либеральный монархист Семенов был обманут в своих мечтах о немедленном освобождении крестьян с землею. Был обманут горячо обожаемым монархом.

Глава 20

МАНИФЕСТ

Текст «высочайшего манифеста» Александр Второй поручил написать московскому митрополиту Филарету.

Филарет — один из самых реакционных представителей православной церкви и защитник крепостничества. Крепостное право митрополит оправдывал текстами из Ветхого завета. Это Филарет со сворой своих священнослужителей допускал порку крестьян в сельских церквях. Это Филарет и его пастыри говорили о бунтующих мужиках, что они теперь «милостью божьей сосланы в Закавказье и Сибирь».

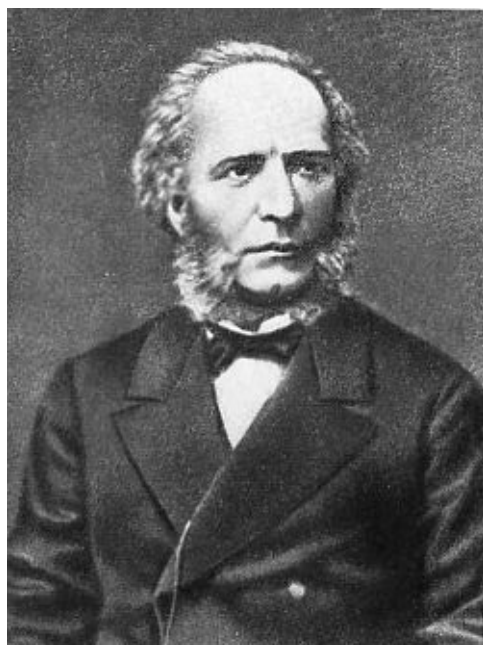
За витиеватым слогом «высочайшего манифеста», сочиненного митрополитом Филаретом, скрывались все те же дворянские интересы.

... «Осени себя крестным знамением, православный народ, и призови с нами божие благословение на твой свободный труд», — возвещал манифест и тут же указывал, что «крепостные люди получают в свое время полные права свободных сельских обывателей».

Манифест провозглашал «состояние свободных крестьян-собственников», но десятью строчками ниже объявлял, что помещики сохраняют «право собственности на все принадлежащие им земли».

Манифест требовал от народа, чтобы он не забывал о своих обязанностях перед царем и помещиками.

«Всякая душа должна повиноваться властям предержащим, воздавать всем должное и в особенности кому должно — урок, дань, страх, честь». И сразу же после цитаты из священного писания манифест предупреждал крестьян, что «было бы противно всякой справедливости пользоваться от помещиков землею и не нести за сие соответственных повинностей...».

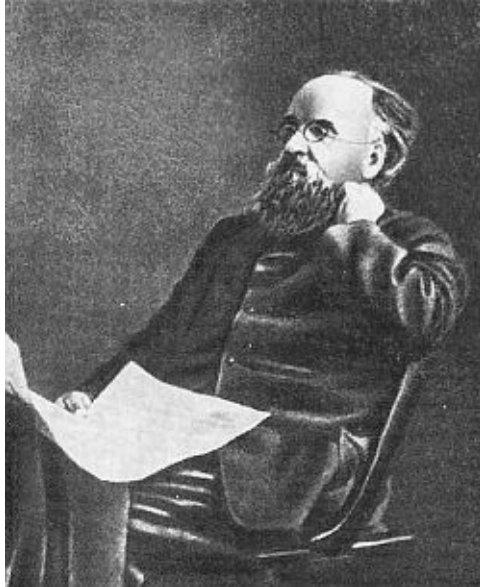

П. П. Семенов — вице-председатель Географического общества.

Н. М. Пржевальский.

А.И. Воейков.

28 января 1861 года состоялось заседание государственного совета под председательством Александра Второго.

В роскошном зале дворца стояла благоговейная тишина. Замерли седые, лысые, в холеных бакенбардах и пышных бородах царские сенаторы, правительственные чиновники, знатные дворяне, члены священного синода. Багровые шеи, тугие подбородки, широкие лбы. Золото крестов и медалей, андреевские ленты, жирные эполеты, черные фраки, шелковые рясы, генеральские мундиры. Государственный совет почтительно ожидал, когда царь откроет заседание.

Петр Петрович, проникнутый величием минуты, нетерпеливо посматривал на мраморные колонны, лепной потолок, хрустальные люстры, на тяжелые гербы, развешанные по стенам.

Гербы, гербы!

Гербы всея Великая, Малая, Белая Руси, царства Польского, княжества Финляндского, королевства Литовского и прочая, и прочая, и прочая...

Царь открыл заседание.

— Я надеюсь, господа, что при рассмотрении проектов, представленных в государственный совет, вы убедитесь, что все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, сделано...

После короткой паузы царь продолжал:

— Приступая к этому важному делу, я не скрывал от себя всех тех затруднений, которые нас ожидали, и не скрываю их и теперь, но, твердо уповая на милость Божию и уверенный в святости этого дела, я надеюсь,

что бог нас не оставит и благословит нас кончить его для будущего благодеяния любимого нами отечества. Теперь с божией помощью приступим к самому делу...

При этих словах императора благоговейную тишину зала нарушил какой-то странный шорох. «Что-то быстро проскользнуло сверху вниз по левой от государя боковой стене роскошно убранной залы Государственного совета».

Герб королевства Литовского сорвался с места и упал за спиной царя, обдав его легким облачком пыли. Царь оглянулся — расколотый герб лежал на полу. По залу пронеслась незримая волна страха. Лица всех присутствующих перекошились, вытянулись, сотни глаз устремились на злополучный герб. Надо же было случиться несчастью, да еще в такую историческую минуту! Какой позор — во время речи самодержца всея Руси сорвался герб подданного ему королевства! Что это — небрежность дворцовых служителей? Или чьи-то тайные козни? Или простая случайность?

— Не к добру сие, не к добру, — прошептал митрополит Филарет, сидевший около Петра Петровича.

В мучительной тишине зала был спокоен лишь Александр Второй. Он закончил свою речь и открыл заседание.

Государственный совет верноподданнически одобрил общий законопроект реформы. 19 февраля Александр Второй подписал манифест. 5 марта он был обнародован...

Звонили колокола всех русских церквей. Со всех амвонов попы читали манифест, призывая народ возблагодарить царя-«освободителя». Помещики-крепостники и помещики-либералы устраивали званые обеды. Лилось шампанское, произносились пышные речи. Казенные борзописцы писали, что «народ радостно принял великую реформу». Поэт Сергей Тимофеевич Аксаков славил в своих стихах императора, ведущего «к святому назначению от бога вверенный народ». Историк Погодин вещал, что в день манифеста мужички, «пригладив волосы квасом, пойдут молиться богу и это будет светлая минута, которой ангелы на небеси возрадуются». Губернаторы доносили, что в деревнях и селах ликующие крестьяне пьют водку во славу царя. «Московские ведомости» объявили, что теперь «в России больше нет недовольных».

К верноподданническому хору умиленных либералов присоединил свой голос и Петр Петрович. Он, посвятивший крестьянской реформе три года напряженной работы, искренне верил, что «великий акт не изгладится из памяти русского народа». Молебны, речи, малиновый звон, казенное

славословие он принимал за благодарность народа. Он вспоминал: «Я вошел в свою приходскую церковь св. Андрея Первозванного, переполненную народом. По окончании литургии дьякон прочел с амвона громким и внятным голосом Царский Манифест. Все присутствующие бросились на колени перед Престолом Всевышнего...»

А в это время во все губернии посланы генералы и царские адъютанты на случай волнений. Военные гарнизоны приведены в боевую готовность. Полицейским роздали дополнительные патроны. Перепуганные помещики покидали свои имения или же отправляли отчаянные письма в Петербург. «Скверно у нас. Крестьяне бунтуют, не хотят отправлять барщину», — сообщалось из Белостока. «От крестьян ни слова, ни звука радости», — писали из Владимирской губернии. «Газеты безбожно лгут, говоря, будто крестьяне были в восторге: они разошлись из церквей с поникшими головами», — истошно кричали помещики из Херсона.

По всей необъятной империи начались крестьянские волнения. Мужики отказывались работать на барщине, платить повинности, стали самовольно забирать землю, вырубать помещичьи леса. Большое крестьянское волнение произошло в селе Бездна Казанской губернии. Для усмирения крестьян в Бездне царское правительство применило военную силу. Граф Апраксин расстрелял безоружных мужиков. Погиб пятьдесят один человек. Руководителя волнений крестьянина Антона Петрова казнили.

Взбунтовались мужики и в деревне Кандиевка в Пензенской губернии. Бунт перекинулся на окрестные деревни; число бунтующих достигло десяти тысяч человек. Мужики носили по деревням красное знамя, требовали земли и воли, угрожали царским чиновникам. Александр Второй приказал усмирить крестьян любыми способами.

Генерал Дренякин расстрелял бунтовщиков. Четыреста человек выпороли розгами и шомполами, часть из них сослала в Сибирь.

А в это время русские либералы продолжали славить реформу и царя, стараясь не замечать крестьянских волнений. Зато революционные демократы Герцен, Огарев, Чернышевский призывали народ к борьбе с самодержавием и помещиками. Крестьянское движение вызывало у них сочувствие, а в реформе они видели наглый обман народа. И страстно и гневно разоблачали истинную суть реформы.

«Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право не отменялось. Народ был обманут», — писал Огарев.

Чернышевский утверждал, что крестьяне, «несмотря на внушение и меры усмирения, остались в уверенности, что надобно им ждать другой,

настоящей воли».

Николай Шелгунов и Михаил Михайлов выпустили прокламацию «К молодому поколению». Они требовали передачи всей земли народу. «Если для раздела земли между народом пришлось бы вырезать 100 000 помещиков — мы не испугались бы этого».

Московский студент Зайчневский написал прокламацию «Молодая Россия». Эта прокламация получила необычайное распространение среди передовых русских людей и особенно между студентами. «Россия вступает в революционный период своего существования, — так начиналась прокламация. — Революция кровавая, неумолимая революция, которая должна радикально изменить все, все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка...»

Студенческая молодежь восторженно воспринимала идеи революционных демократов. Герцен, Чернышевский, Добролюбов стали ее духовными вождями. В Петербургском, Московском, Киевском, Казанском университетах начались волнения.

Самодержавие жестоко расправлялось с участниками революционного движения.

В стране происходили массовые аресты. Закрывались прогрессивные журналы, воскресные школы, народные читальни. На каторжные работы в Сибирь угнали поэта Михайлова, его друга Шелгунова — в ссылку. По доносу провокатора бросили в Петропавловскую крепость Чернышевского.

Либералы оказались на стороне самодержавия в его борьбе с революционными демократами. Они одобряли царские репрессии против крестьян, не признающих реформу, против революционной молодежи. «Помещичьи губернские комитеты в 1861 году и помещики — мировые посредники (они названы были мировыми, должно быть, потому, что мирволили помещикам) — они так освободили крестьян, что пятая часть крестьянской земли оказалась отрезанной помещиками! Они так освободили крестьян, что за оставшийся у крестьян после этого грабежа надел заставили мужика платить втридорога! Ни для кого не тайна ведь, что при „выкупе“ 1861 года мужика заставили заплатить гораздо больше того, что земля стоила. Ни для кого не тайна, что мужика заставили тогда выкупать не только крестьянскую землю, но и крестьянскую свободу. Ни для кого не тайна, что „благодеение“ государственного выкупа состояло в том, что казна содрала с крестьян больше денег за землю (в виде выкупных платежей), чем она отдала помещикам! Это был братский союз помещика и „либерального“ чиновника для ограбления мужика...

Крестьянина так „освободили“ в 1861 году, что он сразу попал в петлю

к помещику. Крестьянин так притеснен захваченными помещиком землями, что ему остается либо умирать с голоду либо идти в кабалу».^[5]

Так рассыпались прахом, обратились в дым мечты и надежды Петра Петровича Семенова об освобождении народа из крепостного рабства.

Глава 21

СОДРУЖЕСТВО ТАЛАНТОВ

Однажды Семенова спросили:

— Откуда вы черпали силы для огромной и сложной работы в Редакционных комиссиях? Ведь вы же трудились по восемнадцати часов в сутки?

— Я черпал силы в оптимизме и уверенности в том, что делаю нужное дело, — ответил Петр Петрович.

Он называл в шутку свою многогранную деятельность аппетитом к работе.

И действительно, работая в Главном комитете и Редакционных комиссиях, он с неослабевающим энтузиазмом занимался научными проблемами. Годы, израсходованные Семеновым на подготовку к крестьянской реформе, были и годами его плодотворной научной деятельности.

В 1858 году он закончил перевод второго тома Риттерова «Землеведения Азии». Его «Предисловие переводчика» ко второму тому стало самостоятельной научной работой, посвященной Тянь-Шаню. Подробно, обстоятельно обсуждал он три очень важных для землеведения Азии вопроса. Это были вопросы о высоте снежной линии Небесного хребта, о существовании альпийских ледников, о вулканизме. Он определил высоту снежной линии Тянь-Шаня до трех с половиной тысяч метров.

Александр Гумбольдт усомнился в этом определении. Между прославленным немецким географом и Семеновым завязалась научная полемика. С глубоким знанием дела, пользуясь сравнительным методом в географии, Петр Петрович доказал свою правоту. Он также окончательно опроверг гипотезу Гумбольдта о вулканическом происхождении Тянь-Шаня.

Петр Петрович решительно исправлял ошибки Гумбольдта, хотя в то время немецкий географ был непререкаемым авторитетом для науки. Семенов говорил: «Наука есть вечное стремление человечества к истине, а истина достигается только долгим путем посреди неизбежных ошибок и заблуждений... Каждому свое дело, но и на самом скромном деятеле лежит святая обязанность указать и исправить ошибку гениального зодчего...»

Петр Петрович пристально следил за всеми новыми исследованиями

во Внутренней Азии. Особенно волновала его судьба Кашгарской экспедиции Чокана Валиханова. Об отважном путешественнике в Петербурге все еще не было никаких сведений.

Валиханов появился в столице осенью 1859 года. Молодой ученый блестяще выполнил программу работ, составленную Семеновым.

Путешествие Чокана в Кашгарию было настоящим научным подвигом. Он привез драгоценные сведения о Восточном Туркестане. В своей книге «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарин)» Чокан открыл для науки неизвестную страну.

Петр Петрович радостно встретил Чокана. По его представлению Валиханова избрали членом Географического общества.

От Чокана он узнал подробности трагической гибели Адольфа Шлагинтвейта. Сведения, сообщенные Валихановым, были ужасны.

Кашгаром правил ходжа Валихан. Курильщик опиума, деспот, садист, он расправлялся со всеми неугодными ему кашгарцами. Каждый день в городе происходили казни. На площади Кашгара из голов казненных складывали пирамиду.

Вот к этому-то «правителю» и явился Адольф Шлагинтвейт из Британской Индии. У Шлагинтвейта были с собой письма, адресованные к кокандскому хану Худеяру. Валихан-ходжа потребовал эти письма. Шлагинтвейт отказался. Взбешенный ходжа приказал немедленно казнить путешественника.

Адольф Шлагинтвейт был казнен. Голову его положили на чудовищную пирамиду, «сотворенную» кашгарским деспотом.

Петр Петрович слушал рассказ о гибели Шлагинтвейта и думал о том, сколько ума, выдержки, ловкости, смелости потребовалось Валиханову, чтобы благополучно совершить свое путешествие по Кашгарии.

Он гордился своим молодым талантливым учеником. Он перезнакомил его со всеми выдающимися учеными и общественными деятелями Петербурга.хлопотал в Географическом обществе об издании его книги, добился, чтобы Чокана наградили орденом, повесили в чине, оставили в столице для научных занятий.

Семенов не забыл увековечить и память Адольфа Шлагинтвейта. Значительно позже по его настоянию в Кашгаре воздвигли памятник мученику науки.

Усталый, но довольный, возвращался он в свою большую холостяцкую квартиру: дома ждали его любимые писатели да картины голландских живописцев.

Коллекционирование картин уже давно стало страстью Семенова. Страсть эта гоняла его по антикварным лавкам и петербургским базарам. Он покупал, не торгуясь, любую картину так называемых «маленьких голландцев». У него уже появились великолепные картины Рейсдаля и Ван Гойена, Стэна и Гельста. Он дорожил картинами Питера Артзена, Абрама Ван Темпеля, Гольста-младшего, Иона ван Клеве, но мечтал заполучить великого Рембрандта. Тайная мечта пока не сбывалась.

В свободные часы он любил рассматривать своих «голландцев». В раскрытые окна вливался неосязаемый, неуловимый свет. Над городом сходились вечерняя и утренняя зори. Нева и каменные плиты ее набережных отсвечивали бронзой.

Петр Петрович останавливался перед картинами Соломона ван Рейсдаля. Пейзажи «маленького голландца» дышали радостями патриархальной жизни, крестьянского мирного труда, бледными красками северной природы. Скромные, тихие — река с лодкой, ивы над водой, сеть, закинутая рыбаками, — они напоминали пейзажи Волги. Безлунное сияние петербургской ночи заливало старые полотна.

Он долго глядел на «портрет молодой девушки» кисти Гаспара Натшера, фламандца, художника XVI века. Портрет прежде мало привлекал его, но теперь, что-то вспомнив, он опустился в кресло...

Молоденькая девушка с щенком на коленях облокотилась на круглый столик. У нее еще детская головка с пепельными волосами, забранными в узел. Припухшие губы тронула лукавая улыбка, глаза доверчиво смотрят в пространство. Правое плечо обнажено, грудь прикрывает тяжелое бархатное платье, на шее коралловое ожерелье. Девушка как бы пробудилась, но еще во власти сновидений встречает утро.

«Портрет молодой девушки» имеет сходство с Лизой Заблоцкой-Десятовской. Та же лукавая улыбка, те же глаза. И такие же пепельные волосы, стянутые узлом на затылке.

А тени белой ночи, блуждающие по комнатам, продолжали манить и тревожить. Петр Петрович надел плащ, вышел на улицу. Был одиннадцатый час, но все вокруг смутно сияло. Темные воды Невы, Медный всадник, шпиль Петропавловской крепости, громады Зимнего дворца и Адмиралтейства.

Над Петербургом плыла белая ночь. В белые ночи влюбляются, создают поэмы, страдают от неисполнимых желаний.

Сам не замечая того, он очутился у подъезда старинного дома. Дверь открыла Лиза.

Он извинился за поздний визит. Андрея Парфеновича дома не

оказалось. Лиза предложила Петру Петровичу чашку кофе. Он пил мелкими глотками и любовался девушкой — ее незащищенными от человеческой боли глазами, добрым голосом, волосами, стянутыми в узел. Он рассказывал о Тянь-Шане, Хан-Тенгри, Киргизской степи, о рязанских привольных рощах.

На его расспросы она отвечала живо и весело. Да, она любит живопись, только у нее нет лишних денег, чтобы приобретать картины. Да, она переписывает сочинения отца, только страницы, испещренные бесконечными цифрами, скучны. Сочинение «О финансах Австрии», например.

Смеясь, она призналась, что боится молнии и прячется в темной комнате от грома. Ей, опять призналась она, больше по душе размеренная домашняя жизнь, звон посуды на кухне, крик ребятишек в доме.

Он ушел от нее очарованный и влюбленный. Томящее одиночество исчезло, усталости как не бывало.

Теперь с утра он садился за работу, днем спешил в Главный комитет, вечером на свидание с Лизой. Они бродили по набережным Невы, посещали картинные галереи, антикварные лавки. Говорили о литературе, музыке, живописи.

Он был убежден, что ненависть не породила ни одного крупного художественного произведения. Ненависть бесплодна, как тень. Художник, ищущий вдохновения в ненависти или в презрении к человеку, тоже бесплоден. Искусство должно любить человека, служить человеческой правде.

В жизнь Петра Петровича снова вошла любовь. И снова он ощущал в себе прилив творческих сил и опять был уверен, что его хватит на тысячу дел.

Весной 1861 года он женился на Лизе Заблоцкой-Десятовской, переехал на квартиру к тестю и навсегда поселился в доме по Восьмой линии.

Елизавета Андреевна оказалась нежной, доброй, заботливой женой. Она была отзывчивой на людские беды, избегала шумных сборищ, светского общества. По ее просьбе Петр Петрович вызвал из деревни восьмилетнего Митю. Елизавета Андреевна полюбила и воспитывала мальчика, как своего сына.

Семенов полностью отдался научной деятельности. В шестидесятые годы он перевел третий том «Землеведения Азии» с новыми дополнениями об Алтайско-Саянской горной системе.

Теперь, когда он посвятил себя науке, он все больше задумывается над

ее назначением. Еще недавно в своем предисловии к первому тому Риттеровой книги он писал: «Национальность же науки заключается именно в том, чтобы она проникала в жизнь народную, делалась для него не мертвым символом, а пластическим началом. Это необходимо потому, что наука в наш реальный век уже не есть туманное отвлечение схоластических умов; она есть самопознание, познание окружающих предметов и сил природы, умение подчинить их своей власти, употребить их для нужд своих и потребностей...

Поэтому стремлением каждого ученого, если он не желает оставаться холодным космополитом, а хочет жить одной жизнью со своими соотечественниками, должно быть, кроме старания подвинуть абсолютно вперед человеческое знание, еще и желание ввести его сокровища в жизнь народную».

Пришло время, когда он должен оправдать свои же собственные слова о назначении науки. По поручению Географического общества он выезжал в Англию, Францию, Бельгию для знакомства с работой и достижениями научных учреждений. Эти поездки помогли изучить систему податей и акцизных сборов, вопросы статистики, новые проблемы географической науки.

Семенова избирают председателем отделения физической географии Географического общества. Здесь чаще всего возникают идеи новых исследований по географии, этнографии, истории России, Центральной Азии, сопредельных стран. Петр Петрович становится как бы аккумулятором этих идей и организатором экспедиций. Он добивается, чтобы Большая Сибирская экспедиция продолжала свои незаконченные работы. Возбуждает вопрос об исследовании Верхнего или Черного Иртыша, совершенно неизвестного науке. В записке Географическому обществу он рекомендует для иртышских исследований Григория Потанина.

Занятый с утра до вечера неотложными и увлекательными делами в Географическом обществе, он все же с грустью вспоминает о своей третьей, несостоявшейся экспедиции на Тянь-Шань. Особенно грустно ему при встречах с вице-председателем общества адмиралом Литке. Он не может забыть слов адмирала об его проекте: «Такая грандиозная экспедиция неосуществима в ближайшем будущем».

Может быть, это действительно так? У Географического общества нет средств, а у него — времени. Кроме этих важных причин, есть еще одна, самая значительная. Взгляды его на исследование Азии необычно расширились.

Для изучения Азиатского материка нужны не две, не пять, а десятки комплексных экспедиций. Киргизские степи, монгольские пустыни, сибирские чащи, тундровые просторы, побережье Ледовитого океана все еще остаются «белыми пятнами» на географических картах.

Русские должны открыть для себя Россию!

«Открыть Россию для себя» — это исследовать, узнать, понять и поставить на службу народу все бескрайные ее просторы и безграничные богатства ее природы. Во имя этой цели не обязательно путешествовать самому — можно организовывать путешествия других. Поддерживать идеи и замыслы новых экспедиций. Помогать молодым ученым — и делом и хорошим советом.

Кому, как не ему, Семенову, заниматься сейчас всеми этими научными замыслами и начинаниями? Он стоит у колыбели многих экспедиций, к нему обращаются за помощью и поддержкой географы и геологи, ботаники и энтомологи, историки и этнографы.

Их интересы стали его судьбой, его интересами. С удивляющим всепривлечением и страстью Семенов работает в Географическом обществе, сосредоточиваясь на самых разных проблемах.

Его день распределен и расписан. Он встает с зарею, тихо, чтобы не разбудить домашних, умывается. Мельком оглядывает себя в зеркало: продолговатое лицо с круглыми бакенбардами, под глазами — мелкие морщины, в курчавых волосах — преждевременные седые нити.

За окном — веселая зеленая зыбь берез, небо словно отлито из ясного голубого стекла, над крышами соседних домов розовеют скошенные стволы дымов. У Петра Петровича сразу же появилось желание работать.

На столе его желтые и синие папки. В каждой хранятся статьи, рецензии, статистические таблицы, проекты географических, геологических, климатологических экспедиций, записки и дневники путешественников, письма любителей природы, документы по новым исследованиям стран и народов.

Он читал каждое письмо с глубокой заинтересованностью. Видный геолог — князь Кропоткин — пишет о своих исследованиях на Амуре, Уссуре, в Северной Маньчжурии. Письмо Кропоткина сменяется проектом Федченко об экспедициях в Ферганскую и Зеравшанскую долины. Еще записка — географ Ханьков излагает цели своего будущего путешествия в Хорасан. А это проект Ивашенкова об изучении Каспийского моря. А вот сообщение Воейкова о климате в Европейской России и на Урале и письмо Струве об астрономических наблюдениях в горах Алтая.

Он снова перечитывает материалы, правит их своим бисерным

почерком. Рука затекает, он откладывает перо.

Дверь приоткрылась. В кабинет вошла Елизавета Андреевна.

— Завтракать пора. Почему ты встаешь так рано? Ты же изматываешь себя с утра.

— Усталость — дурная привычка, которую я не имею.

После завтрака Петр Петрович уходит в здание у Чернышева моста. В Географическом обществе уже полно народу. Географы, статистики, этнографы. Студенты, какая-то пышно одетая дама, заплаканная старушка ожидают Семенова. Имя его приобрело большую популярность в Петербурге. К нему идут с просьбами, жалобами, за советом, за денежной помощью.

Сперва он выслушивает просителей. Заплаканная старушка рассказывает о своем сыне. Был студентом геологического института. Участвовал в каких-то запрещенных сходках. Выгнали из института.

Петр Петрович понимает горе старухи. Пусть она пришлет к нему сына. Он постарается помочь.

Роскошная дама — член благотворительного общества. Он терпеливо спрашивает какого. Дама просит о помощи сиротскому дому. Сиротам он отказать не может.

Юноша в обтрепанном пальтишке, в стоптанных ботинках. Изможденное худое лицо, голодный блеск в глазах. Молодой человек учится в технологическом институте, живет на одном хлебе.

— Принесите мне письмо от декана вашего института. Пусть напишет, как учиться. Тогда я смогу выдавать вам ежемесячную стипендию, ну, хотя бы до окончания курса.

После частных посетителей начинаются дела, связанные с Географическим обществом. Надо помочь экспедиции Северцева в Туркестане. Николай Алексеевич не может продолжать свои исследования Туркестанского края — нет средств. А исследовательские работы Северцева имеют важное значение. Северцев — большой и отважный талант. Во имя науки готов на страдания, на смерть. На Сыр-Дарье его захватили в плен кокандцы. Издевались над ним, искалечили его. Только вмешательство русских военных властей спасло Северцева от гибели. А через три месяца он уже снова исследовал Сыр-Дарью...

Увлеченный работой, он не заметил, как приоткрылась дверь и в кабинет вошел человек в казачьей фуражке. Проскользнул за его спину, вытянулся по-солдатски.

— Разрешите представиться! Потанин, Григорий сын Николаев...

Петр Петрович вскакивает, обнимает своего друга.

— Когда приехал?

— Сегодня ночью.

Потанин садится напротив Петра Петровича, любит его. Петр Петрович для него — непререкаемый авторитет как в научной деятельности, так и в жизни. Все хорошее, и яркое, и чистое в судьбе Потанина неразрывно с Семеновым. По его совету и протекции Потанину удалось поступить в Петербургский университет. Полураздетый, добирался он в столицу с обозом. Солдаты и возчики кормили Потанина, делясь своими скудными запасами. Полуголодные люди эти везли в петербургскую казну десятки пудов сибирского золота.

Потанина вскоре исключили из университета за участие в студенческих волнениях. Семенову удалось вырвать его из рук жандармов. Спасая студента от ссылки, Петр Петрович отправил его с астрономом Струве в экспедицию на Черный Иртыш и озеро Зайсан.

Струве произвел астрономические, магнитные, метеорологические наблюдения. Потанин собрал богатые коллекции алтайской флоры и фауны. Он также выяснил, что область Черного Иртыша и Озера Зайсан является этнографической границей между киргизским и калмыцким народами.

Петр Петрович тайно восхищался Потаниным, соединившим в себе качества редкие, но счастливые и необходимые каждому путешественнику. Он знает азиатские языки, умеет ладить с местными жителями. У него обширные познания в естественных науках и географии Азиатского континента. У Потанина есть еще одно чудесное качество — беззаветное служение науке.

А Потанин платил Петру Петровичу сыновней любовью. Он писал Семенову: «Извлеченный вами из духовного небытия и направленный к деятельности на пользу науке, я более чем многие другие могу ценить ваши невидимые и не признаваемые современниками заслуги перед русским обществом».

Потанин только что вернулся из Омска, еще не остыл от дорожных впечатлений, от него еще пахло дымом таежных костров и смолой алтайских кедров.

— Ну, рассказывай, рассказывай, — Петр Петрович похлопал друга по плечу. — И можешь дымить своим табачищем.

Потанин умел рассказывать ярко, образно, поэтично. Он говорил, и Петр Петрович видел Бухтарминскую долину. По сторонам горной тропинки пламенели дикие тюльпаны, розовели сережки бересклета, нежно зеленели алтайские березы.

— Ночевали мы на берегу Бухтармы, — говорил Потанин. — На

рассвете выпал глубокий снег. Трава исчезла, только тюльпаны пылали на снежной белизне. Да еще виднелись медвежьи следы, большие, как лапты.

Петр Петрович слушал Потанина и опять видел сопки, заросшие гигантскими кедрами, медведей с мордами, красными от малины, и маралов, увенчанных целебными пантами. Слышал, как из кустов вырываются тетерева, как жалобно вскрикивает куропатка в когтях соболя. Он воспринимал тайгу в цветах, звуках, запахах. Многоцветные алтайские земли излучали запахи, из запахов рождались звуки. Рассказ Потанина возвращал Петру Петровичу свежесть его собственных странствий и неясную надежду, что, может, еще придется попутешествовать.

— На Зайсане такое буйство камышей — не проломишься. Настоящие камышовые джунгли, где и кабаны и фазаны. Киргизы говорят: там водятся и тигры. Я вел путевые дневники. Материал собран солидный. Думаю написать «Очерки северо-западной Монголии», — закончил Потанин свой рассказ.

Они минутку помолчали. Потом Петр Петрович спросил:

— Что нового в Омске?

— Чокан Валиханов умер от скоротечной чахотки.

— Меня уже известили о его смерти. Это очень большая потеря для науки.

— Я познакомился в Омске с одним ссыльным. Он сослан за участие в Польском восстании. Увлекается географией, мечтает стать исследователем Сибири, хорошо бы его использовать для Географического общества, — продолжал Потанин.

— Кто он?

— Иван Дементьевич Черский.

Петр Петрович записал фамилию ссыльного в свою тетрадь.

— Обществу надо постоянно искать молодых способных исследователей. Мы должны полностью открыть для себя Россию...

Вся деятельность Географического общества со дня его создания и была посвящена открытию России. Еще много имелось неисследованных областей, «белых пятен» на русских географических картах.

Тринадцать лет пробыл Семенов на посту председателя Отделения физической географии, где подготовлялись и оформлялись научные экспедиции. Наравне с вице-председателем Географического общества Петр Петрович являлся вдохновителем и практическим организатором всех новых исследований.

Петр Петрович составлял инструкции и программы физико-географических исследований. Беседовал с участниками экспедиций,

консультировался с учеными, хлопотал о снаряжении, получал всевозможные разрешения. Многочисленные встречи и переписка отнимали у него уйму времени. А когда путешественники возвращались, он помогал им в издании научных трудов.

По инициативе Семенова Географическое общество решило исследовать древнее русло Сыр-Дарьи, разработало план изучения северных морей.

В то же время он работал над переводом четвертого тома Карла Риттера, писал исследование о девонских пластах Средней России, редактировал два тома «Записок по общей географии». Он опубликовал статьи по географии в Энциклопедическом словаре, представлял русскую науку на международных конгрессах.

Однажды в Географическое общество вошел высокий полный, круглолицый, с черными густыми усами человек. Четко, по-военному представился Семенову:

— Офицер Генерального штаба Николай Пржевальский...

Петр Петрович усадил гостя в кресло. Вежливо осведомился о цели визита. Пржевальский подал ему большое, на плотной бумаге письмо.

Глава 22

СЛОВО О СТАТИСТИКЕ

Какие народы населяют Россию? Сколько сейчас живет на земле русских людей? Чем они занимаются, что производят, чем обладают?

Статистические таблицы могут говорить о благосостоянии государства эпическим языком. Они же бывают и трагедией его упадка.

России нужны социальная, и поземельная, и торговая, и транспортная статистика. Нужна, как наука, познающая народнохозяйственную жизнь всей империи. А статистики, как науки, в России не существует. В министерствах и департаментах на нее смотрят словно на досужую выдумку ученых. Царское правительство уже дважды отказывалось от участия в международных статистических конгрессах.

Лишь передовые деятели пореформенной России понимали государственное и научное значение статистики. В Географическом обществе был создан политико-экономический комитет, в котором обсуждались самые актуальные вопросы экономической и общественной жизни.

Крупные русские экономисты и статистики К. И. Арсеньев, А. П. Заблоцкий-Десятовский, П. И. Кеппен, Н. А. Милютин, А. Г. Тройницкий были членами этого комитета. В противовес мертвяще-бюрократическому отношению к статистике со стороны правительственных учреждений члены Географического общества решали самые глубинные вопросы статистических исследований. Статистическое описание России, перепись населения, выкуп крестьянских земель, экономические последствия крестьянской реформы, деятельность только что созданных Дворянского и Крестьянского банков, организационные основы статистики привлекали пристальное внимание Географического общества.

Одним из выдающихся русских статистиков был Заблоцкий-Десятовский. Андрея Парфеновича шуточно называли «поэтом статистики».

Андрей Парфенович заинтересовал и увлек статистикой своего зятя. Все началось с идеи, давно вынашиваемой Заблоцким-Десятовским. Он мечтал создать Русский географическо-статистический словарь. Многотомный, всеобъемлющий труд, который стал бы своеобразным зеркалом, отражающим жизнь России.

Этот словарь должен рассказать обо всех морях, омывающих русские

берега. Обо всех заливах, бухтах, лиманах, мысах, островах, имеющих собственные названия. В нем предполагалось описать все горные хребты, кряжи, отдельные вершины, все судоходные каналы, реки, крупные озера, минеральные источники. Все города, села, посады, примечательные историческими событиями, промыслами, торговлей. И все губернии, уезды, волости, округа империи, и монастыри, и урочища. Фабрики и заводы, рудники — свинцовые и золотые, железные и медные. Все нации и племена, живущие на безграничных пространствах России.

Этот словарь будет состоять из пяти томов. Он станет настольным справочником для географов, статистиков, этнографов, учителей, для каждого образованного русского.

Таким в общих чертах явился перед Петром Петровичем замысел Заблоцкого-Десятовского. Сначала этот замысел заинтересовал его, потом овладел им. Он согласился стать главным редактором словаря. К составлению его Петр Петрович привлек лучших ученых, общественных деятелей, писателей, земских работников. Статистик Кеппен передал Семенову и Заблоцкому-Десятовскому свою картотеку, состоящую из двадцати тысяч единиц. Для Географическо-статистического словаря было подготовлено пятьдесят шесть тысяч карточек.

На издание словаря общество отпустило скромные средства. Потребовались весь энтузиазм и бескорыстие главного редактора и его добровольных помощников, чтобы идея стала действительностью. Словарь, потребовавший огромного упорства и многих лет напряженного труда, современники называли «семеновским».

Статистика на долгие годы захватила Семенова.

Но здесь нужно пояснение. Под статистикой Петр Петрович понимал экономическую географию. Как наука, экономическая география изучает размещение производства, его развитие по странам и отдельным районам. А производство всегда находится в условиях природы, зависит от них. Без подлинного научного изучения географических условий нельзя развивать производительные силы. В то же время невозможно изучать географическую среду без влияния на нее деятельности человеческой.

Физическая и экономическая география тесно и неразрывно связаны между собою.

Семенов был одним из первых русских ученых, понявший значение экономической географии. По его инициативе был создан Центральный статистический комитет. Он стал его бессменным председателем. Его усилиями была пробита дорога русской статистике сквозь дремучий лес чиновно-бюрократических предубеждений и равнодушия.

Статистика стала необходимой для Русского государства. Мертвые цифры ожили, таблицы заговорили, сухие документы наполнялись жизнью. Теперь без статистического комитета не решался ни один важный государственный вопрос.

Преобразование судебной части и пересмотр европейского таможенного тарифа. Развитие местных промыслов на Крайнем Севере и строительство Вятско-Котласской железной дороги. Отмена подушных налогов и проект местного управления. И еще многие, многие вопросы уже не решались без статистического комитета и его председателя.

Если воля — это непрерывная настойчивость, Петр Петрович обладал ею в избытке. Его упругая энергия двигала вперед любое дело. Он любил подбадривать своих друзей:

— Человек очень силен, человек может многое...

Годы, отданные Семеновым Центральному статистическому комитету, составили эпоху в развитии русской статистической науки. Петр Петрович был убежден в том, что статистика без общенародной переписи не может стать основательной и научной. Размещение населения в стране, его национальный состав, его численность — основа основ всех статистических исследований.

Мысль о всеобщей переписи населения России давно зародилась в уме Семенова. Созрело и убеждение, что эту перепись нужно отделить от всяких административных мер, вроде рекрутских списков. Царское правительство отклонило всеобщую перепись населения. Семенов не сдавался.

Центральный статистический комитет под его руководством начал составлять списки населенных мест России. Комитет помогал местным статистикам в проведении частных переписей населения. Семенов всюду доказывал: частные переписи — фундамент для будущей всенародной.

В 1869 году Семенову удалось произвести перепись населения Петербурга. Первая, проведенная в столице пятью годами раньше, была несовершенной. «Самое существенное различие нынешней переписи от прошлой состояло в том, что перепись эта была поквартальная, а не домовая, что она обратилась не к домовым спискам, а к домашним и семейным очагам, т. е. к живым личностям», — писал Семенов. Форма этой переписи, разработанная им, стала основой для всех городских переписей в России.

И все же Семенов недоволен результатами новой переписи населения Петербурга. Слишком несовершенными оказались статистические источники. Чересчур много было помех и препятствий. С горечью писал он

в «Известиях» Географического общества о предубеждении народных масс «против всякого рода переписей, в которых они в течение более полутора веков привыкли видеть непосредственную связь с подушными или другими налогами». Он жаловался на царскую администрацию, «которая только с недавних пор начала проникаться сознанием государственно-общественной и научной важности правильных статистических данных».

В 1870 году Семенову удалось созвать первый и единственный в царской России статистический съезд. На съезде Петр Петрович опять поднял вопрос о Всероссийской переписи населения. Правительство снова отодвинуло перепись на неопределенное время. И все же съезд прошел с большим успехом. Он обсудил многие кардинальные вопросы русской статистики. Общественным успехом и значительностью проблем съезд был обязан «председателю своему П. П. Семенову, который умел и успел устранить из заседаний съезда все официальные отношения, через что дал возможность членам съезда открыто и честно отнестись к своему делу», — вспоминал статистик А. М. Сементовский.

Через два года стараниями Петра Петровича в Петербурге состоялась Восьмая сессия Международного статистического конгресса. Сессия проходила под его председательством. Петр Петрович выступил с докладом о принципах организации и проведения народных переписей. Он предложил создать постоянную Международную статистическую комиссию. Такая комиссия должна готовить материалы для будущих сессий Международного конгресса и руководить статистическими работами, имеющими мировое значение. Международная комиссия была создана, ее председателем избрали Семенова.

Многолетние усилия Петра Петровича по организации Всероссийской переписи населения лишь частично увенчались успехом. Ему все-таки удалось произвести поземельную перепись в 428 уездах империи. Были собраны сведения о количестве земли у владельцев, о распределении ее по угодьям и посевам.

Семенов издал материалы этой переписи десятью выпусками. Они вышли под общим названием «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России». К четырем выпускам этого монументального труда Петр Петрович написал вводные статьи. Глубина и мастерство статистического анализа, широта научных взглядов и обобщений Семенова привлекли внимание Карла Маркса.

В эти годы Маркс пристально следил за экономическим и политическим развитием России. Он собирал материалы для дополнительной главы «Капитала», посвященной земельной ренте.

Вводная статья Семенова «Несколько общих выводов из данных по статистике поземельной собственности населенных мест центральной земледельческой области» была всесторонне проанализирована Марксом.

Из семеновской статьи Маркс сделал многочисленные выписки. В замечаниях на полях статьи Маркс отметил и нищенский характер крестьянских наделов, и бедственное положение крестьян после реформы, и помещичью спекуляцию землей, и хищничество зарождающейся деревенской буржуазии в России.

Семенов стал признанным главой русской статистической школы.

И все же Семенову потребовалось тридцать лет, чтобы воплотить в жизнь свою мечту о Всероссийской переписи населения.

Глава 23

ВИЦЕ-ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Шел 1873 год.

В январский вечер к подъезду дома у Чернышева моста подкатывали санки и возки. Генеральские шинели, штатские пальто, тяжелые шубы вливались в парадные двери. Члены Географического общества раздевались и спешили в конференц-зал. Одна новость волновала всех: адмирал Литке уходит в отставку. Сегодня будет избран новый вице-председатель. Кто заменит старого адмирала?

Федор Петрович Литке открыл собрание.

— Перешагнув за вторую половину восьмого десятка и чувствуя с каждым днем возрастающий упадок сил моих, я поступил бы недобросовестно, представ перед вами вновь кандидатом на должность, которую уже не могу выполнять с прежней энергией. Для этого нужны силы более свежие. — Адмирал вытер ладонью облысевшую голову, расправил седые бакенбарды. — Я предлагаю на пост вице-председателя Петра Петровича Семенова. Всем нам известны многочисленные труды его как на поприще географии, так и в интересах общества. Все это служит залогом того, что под руководством Петра Петровича деятельность Русского географического общества, доставившая ему уже столь видное место между учреждениями того же рода в Европе, не только не уменьшится, но будет все более и более развиваться...

Собрание единодушно избрало Семенова вице-председателем Географического общества.

Петр Петрович произнес благодарственное слово за оказанную честь:

— Принимая сопряженные со многими трудностями обязанности, возлагаемые на меня общественным доверием, я, признаюсь, смотрел бы с некоторой боязнью на будущее, если бы думал, что будущие успехи общества, меня избравшего, зависят почти исключительно от личных качеств его вице-председателя.

Главные залогом успехов общества лежат в нем самом, в непрерывно обновляющихся живых силах, выходящих из русской общественной среды.

Вице-председатель общества есть только регулятор этих живых сил, посредник между главными деятелями общества... Разумный орган, отгадывающий потребности и лучшие стремления общественного организма и изыскивающий средства к осуществлению этих стремлений...

И Семенов становится регулятором живых сил общества. Все, что можно делать для географического познания родной страны и стран с ней сопредельных, делает новый вице-председатель.

Русские промышленники и купцы заинтересовываются деятельностью Географического общества.

Оно может оказать капиталистам ценные услуги в поисках торговых путей на русские окраины, к новым рынкам и природным богатствам.

Членами-соревнователями общества становятся сибирские промышленники-миллионеры М. К. Сидоров и А. М. Сибиряков. Слава географических открытий их не волнует. Сибирский лес, золото, графит интересуют их. Рынки для сбыта своих товаров. И прибыли.

Сидорову очень нужен морской путь к Енисею. У него на енисейском притоке Курейке богатейшие прииски графита, а в Европе колоссальный спрос на графит. Кратчайший же путь из Енисея в Европу через Карское и Баренцево моря. Сидоров обещает большую премию тому кораблю, который первым войдет в Енисей и достигнет его графитовых приисков. Премию получает знаменитый полярный исследователь Норденшельд — он первым проходит в Енисей, но не поднимается до Курейки.

Сидоров обращается в Географическое общество. Новый вице-председатель охотно принимает денежную помощь сибирского капиталиста. На средства Сидорова снаряжается экспедиция капитана Шваненберга и штурмана Нумелина. На клипере «Северное сияние» они пытаются с грузом графита пройти из Енисея и достичь Петербурга.

«Северное сияние» гибнет в Енисейском заливе. Экспедиция продолжается уже на шхуне «Утренняя заря». Эта шхуна достигает намеченной цели.

Сибиряков ведет крупную торговлю с жителями Сибири. Быстрая и дешевая доставка товаров на Обь, Енисей, Лену для Сибирякова — самое важное дело.

На средства, пожертвованные Сибиряковым, снаряжена экспедиция Норденшельда. От Географического общества в экспедиции участвует подпоручик Оскар Нордквист.

Норденшельд на «Веге» пересек Карское море, побывал в устье Лены и, немного не достигнув Берингова пролива, застрял во льдах. «Веге» приходится зимовать у мыса Северного.

Вынужденная зимовка «Беги» оказала неожиданную услугу Нордквисту. Подпоручик, исследуя чукотское побережье, наткнулся на старое становище онкилонов. Суровый многочисленный народ этот жил на Чукотке больше двух столетий назад.

«Они были смелыми воинами, удачливыми охотниками, храбрыми рыбаками. Они охотились на китов, били белух и моржей. Свои жилища онкилоны возводили из китового уса, оружие вытачивали из мамонтовых бивней. Их ноги отоптали тундру от Анадыря до Яны, костры их становищ освещали ночное небо. Они притесняли чукчей, побеждали алеутов. И вот они исчезли. И никто не знает, куда ушли воинственные онкилоны», — говорило чукотское предание.

Нордквисту так и не удалось установить, куда и когда исчезли таинственные онкилоны. Кто победил их? Кто изгнал их из чукотской тундры? Или они сами покинули родную землю? Как мог бесследно исчезнуть большой и сильный народ? Все это осталось загадкой и для Нордквиста и для Географического общества.

В то время как Норденшельд зимовал у мыса Северного, среди ученых и географов Европы росла тревога за его судьбу.

Забеспокоился и промышленник Сибиряков, на чьи деньги Норденшельд отправился прокладывать Северный морской путь. Сибиряков снарядил на поиски «Беги» пароход, который назвал «Норденшельдом».

Пароходу предстояло пройти через Суэцкий канал в Индийский океан и через просторы Тихого океана достигнуть Берингова пролива. На борту «Норденшельда» находился ученый секретарь Географического общества Александр Васильевич Григорьев.

Григорьев уже плавал в Белом и Баренцевом морях. Он изучал жизнь морских животных и растений, вел гидрологические наблюдения в северных водах. Пока «Норденшельд» шел от берегов Балтики до Японии, Григорьев занимался научной работой. Измерял температуру воды на разных глубинах Индийского и Тихого океанов, вел метеорологические наблюдения.

Однако «Норденшельду» не пришлось спасти Норденшельда. В туманах Японского моря пароход наскочил на берег острова Исесо, и рейс на север оборвался.

В Японии Григорьев собирал сведения об айнах — маленьком народце, который жил также и на Сахалине. Григорьеву удалось приобрести редкие японские рукописи о жизни айнов. Он составил превосходную коллекцию вещей из обихода айнов. Многие вещи были уникальными — подобных не имели даже японские музеи.

Старинные рукописи, альбомы с пейзажами и типами жителей Японии, Гонконга, Сингапура собрал Григорьев в дар Географическому обществу.

Для Географического общества наступило самое напряженное и самое плодотворное время.

Его вице-председатель — достойный ученик Александра Гумбольдта — настойчиво прививает в среде русских географов и путешественников идеи своего учителя.

Александр Гумбольдт говорил: всестороннего познания земли можно достигнуть лишь совместной работой ученых разных специальностей и направлений. Он наметил пути для исследования нашей планеты. Его идеи о комплексных экспедициях открывали необыкновенные горизонты для науки.

Семенов первый из русских географов оценил идеи Гумбольдта. На посту вице-председателя он начал настойчиво проводить в жизнь эти идеи. Он все время напоминал, что география должна изучать не «отдельные явления, а группировку или ассоциации их. В сложном взаимодействии природы и человека непрерывно слагается географический лик страны».

Семенов, напутствуя в дорогу участников новых экспедиций, предупреждал их, что страны и отдельные районы надо познавать «совокупными усилиями множества лиц, между которыми для создания стройного целого устанавливается естественно своего рода разделение труда».

Комплексное изучение природно-географических условий, или географической среды человеческого общества, — вот цель каждой экспедиции.

Исследуя физические и органические законы, климат, растительность страны, надо изучать жизнь и деятельность народов ее населяющих.

В 70—80-е годы деятели Географического общества совершили великие путешествия, сделали крупнейшие открытия.

В это время прославили русскую науку Пржевальский и Миклухо-Маклай, Потанин и Мушкетов, Воейков и Певцов, Черский и Северцев, Грум-Гржимайло и Роборовский.

В это время на окраинах Сибири и Дальнего Востока, в горах Урала и Тянь-Шаня, в среднеазиатских и монгольских пустынях работают многочисленные экспедиции.

Географическому обществу уже не надо искать исполнителей. В его двери ежедневно стучатся молодые люди, жаждущие действия. Они приносят проекты новых путешествий, собираются в самые недоступные места земли. Многие из них мечтают о путешествиях в дальние страны: на острова Тихого океана, в тропические дебри Амазонки, Конго, Цейлона.

Петр Петрович оказался в родной для него стихии проектов, планов

намечаемых экспедиций, отчетов экспедиций, вернувшихся из путешествий. Исследователи отправляются в путь только после совета с вице-председателем. Он ставит перед ними конкретные цели, помогает в разработке научных программ, указывает на особенности тех мест, где им придется работать. Он подбирает талантливых руководителей, хлопочет перед правительством о денежной помощи.

Тяжесть организаторской работы почти полностью лежит на вице-председателе. Добыть средства на издание научных произведений, географических карт, атласов, на помощь нуждающимся исследователям — задача не из простых. Бюрократическое равнодушие царских чиновников беспредельно. У вице-председателя часто происходят столкновения в министерствах и департаментах.

— Северцев вернулся из Туркестана. Совершил исключительно много для русской науки, а теперь бедствует. Да, Северцева в Европе на руках бы носили! Ему же не хотят дать и временное занятие по специальности, — возмущался он и шагал в министерство внутренних дел хлопотать за исследователя Туркестана.

— В Восточной Сибири работают на собственный риск талантливейшие люди — ссыльные поляки. Географическое общество уже отметило их — наградило золотыми медалями. А по-моему, самая высшая награда для них — свобода, — доказывал Петр Петрович в Азиатском департаменте.

Ему удалось прочитать секретное дело о политическом преступнике Бенедикте Дыбовском:

«Дыбовский Бенедикт. Волосы темно-русые, глаза голубые, из дворян, бывший профессор Варшавской главной школы. Лишен всех прав состояния и сослан на каторжную работу на двенадцать лет. Прибыл в Иркутск в 1864 году».

Но Петр Петрович знал о профессоре-каторжнике и другое. С помощью Сибирского географического отдела Дыбовский и друг его Виктор Годлевский уже несколько лет изучают Байкал. Материалы, собранные ими, изобилуют совершенно новыми сведениями о Байкале. Ссыльные зоологи нашли в великом сибирском озере тридцать неизвестных видов моллюсков, семьдесят видов гаммарид-бокоплавов. Ими добыта живородящая рыбка голомянка. Рыбка эта водится только в Байкале. Они открыли новый вид четырехпалого тритона. И они же установили: в байкальских глубинах температура почти постоянная. Ими же было найдено самое глубокое место озёра — 1320 метров.

Географическое общество наградило Дыбовского и Годлевского

малыми золотыми медалями. По прошению Петра Петровича ссыльных ученых амнистировали. Профессор Дыбовский, приехав в Петербург, поспешил к Семенову. Петр Петрович встал при появлении человека, чье мужество и воля давно покорили его. Во время душевной беседы он предложил профессору любую работу в обществе. Он был уверен — после долголетней каторги, ссылки, лишений Дыбовский охотно согласится.

— Мне всего лишь сорок лет. Я еще успею отдохнуть в тиши, — ответил Дыбовский. — Вот если бы вы предложили поехать на Камчатку, я не колебался бы. Очень хочется продолжить работы в Восточной Сибири...

— Мы удовлетворим ваше желание, — отозвался Петр Петрович.

Внезапно просиявшее лицо Дыбовского потемнело, жесткая складка легла между бровями.

— Я так обрадовался, что позабыл о друзьях. В иркутской ссылке томится Александр Лаврентьевич Чекановский.

Это имя известно Петру Петровичу. Географическое общество наградило Чекановского золотой медалью за превосходные труды по геологии Иркутской губернии. Общество снарядило экспедицию для исследования Нижней Тунгуски и Оленека — ее возглавил Чекановский. От Чекановского давно нет известий, а Дыбовский привез и приятные и огорчительные новости. Петр Петрович слушает, опершись локтями о стол, хмуро потирая щеки.

Экспедиция, кроме Нижней Тунгуски и Оленека, побывала на Верхоянском хребте.

Александр Чекановский установил, что магнитный полюс расположен между Вилюем и Оленеком на семь градусов южнее, чем думали прежде. Чекановским собраны богатые геологические и палеонтологические коллекции, составлены новые географические карты северо-востока Сибири. К сожалению, Александр Чекановский страдает душевным недугом. Черная меланхолия все чаще посещает его.

Петр Петрович опустил ладони на стол, поднял голову. Голосом, прерывистым от волнения, сказал:

— Его же надо вызвать в Петербург и лечить...

По настоянию Петра Петровича Чекановский приехал в Петербург для лечения. Но было уже поздно. Он умер в расцвете сил и таланта...

В это время Певцов исследует Джунгарию, Монголию, застенный Китай. Своим путешествием Певцов достиг того, к чему так стремилось Географическое общество — изучил юго-восточную оконечность Алтая, бассейн озера Кызыл-Баш, проник в пустыню Гоби.

В это же время геолог Черский путешествует по Восточной Сибири.

Он составляет геологическую карту Байкала, обследует Китайские и Тункинские хребты, реку Селенгу с ее притоками.

Черский с женой Маврой Павловной проникает в самые глухие места Прибайкалья, интересуясь не только геологией, но и флорой, и фауной, и доисторическим прошлым Сибири.

П. А. Кропоткин.

Н. А. Северцев.

М. П. и И. Д. Черские.

В то же самое время Большее наносит на карту берега Татарского пролива, а Нейман наблюдает за морскими течениями в Беринговом море. Поляков ищет на Сахалине следы доисторических жителей. Он находит предметы и вещи первобытных людей, доказывающих связь их с обитателями островов Тихого океана. Тогда же Лопатин производит съемку сибирской реки Чулыма, а Сендесер исследует Кеть. Одновременно с ним барон Аминов производит топографическую съемку и нивелировку Енисейско-Обского водораздела. И тогда же Воейков путешествует по Америке, Японии, Индии, изучая мировой климат.

И в это же время среди постоянных забот и тревог за дела Географического общества трудится его вице-председатель. Современники удивляются — когда Петр Петрович находит время для собственных научных занятий? В ответ он только улыбается и пожимает плечами.

— Я не думаю о времени, я просто работаю, — отвечает он на вопросы друзей.

Под его редакцией выходят в свет два тома «Записок по общей Географии». Он составляет обзор деятельности Географического общества за двадцать пять лет его существования. Пишет статьи и очерки о своих путешествиях в Небесные горы. Издает очередные тома Географическо-статистического словаря. Принимает самое близкое участие в организации этнографических экспедиций в Туркестан и Западный край.

Его избирают председателем комиссии по составлению программ этих экспедиций. Этнографы уезжают в путешествие с инструкциями, разработанными вице-председателем.

Но, как и прежде, самое значительное место в научной деятельности Семенова занимают перевод «Землеведения Азии» и дополнения к нему.

Дополнения к труду Карла Риттера давно уже стали самостоятельным географическим произведением. Научные представления об Азиатском материке и расширились и углубились благодаря работам вице-председателя.

Одно за другим стираются «белые пятна» Азии с географических карт земли. Знаменитые экспедиции Пржевальского, Потанина, Певцова, братьев Грум-Гржимайло, Громбчевского, Валиханова и самого Семенова выдвигают Русское географическое общество в первый ряд мировых научных центров.

Члены общества выступают на международных конгрессах, участвуют в разработке географических вопросов, имеющих международное значение. Устройство полярных станций, определение первого меридиана земли, карта земного шара — эти вопросы мировой географии теперь просто немислимо решать без русских ученых.

Европейские географы и путешественники предлагают свои услуги обществу. По приглашению вице-председателя в Россию приезжают Норденшельд, Нансен, Амундсен, Свен Гедин, Шеклтон, Бонвало. Они читают доклады о своих экспедициях, научных достижениях, сотрудничают в изданиях общества.

Своей изумляющей и блистательной деятельностью Географическое общество обязано целому созвездию талантливейших ученых. Но душой всех дел являлся вице-председатель. Его энергия и направляющая мысль чувствовались во всем.

Петр Петрович Семенов и Географическое общество в глазах современников становились понятиями неразделенными и неразделимыми.

Глава 24

ЗОВ ПРИРОДЫ

Как быстро растут сыновья!

Давно ли он был озабочен покупкой игрушек, а теперь говорит с сыновьями о выборе жизненного пути, о судьбах России, о науке. Они спорят с ним, не соглашаются. Иногда ему кажется, что он читает в глазах сыновей: «Ты, отец, человек неплохой, но время твое прошло». Известная подозрительность стареющих отцов. А все-таки как незаметно и устрашающе течет время! Старший сын Дмитрий уже заканчивает университет. Средний, Андрей, видно, унаследовал частицу отцовской натуры: он решил посвятить себя энтомологии.

Петр Петрович доволен выбором Андрея. Сам он тоже любит науку о насекомых. Живопись и энтомология — два увлечения, которым он отдал уже много лет жизни.

Третий его сын, Вениамин, собирается стать географом. Измаил и Валерий ходят в гимназию, Ольга — в музыкальное училище. Самый младший, Ростислав, обещает быть талантливым художником. Его пейзажи выразительны и впечатляющи. Они живописны и дышат русской природой. Что ж! В роду Семеновых будет и художник.

После разнообразнейших дел в Географическом обществе Петр Петрович отдыхает дома. Он, как и жена, не любит парадных приемов и выездов в свет. В редкие свободные часы он систематизирует свою энтомологическую коллекцию.

А коллекция чешуекрылых растет с необыкновенной быстротой. Старый просторный особняк на Васильевском острове заполнен стеллажами — в сотнях ящичков насекомые России и Азии. А новые экземпляры все поступают.

Северцев подарил целое «собрание» среднеазиатских жуков.

Из Монголии шлет свои подарки Потанин, с Кавказа энтомолог Комаров. Пржевальский собирает для него насекомых в Центральной Азии, Певцов — на Южном Алтае, Регель — в горной Бухаре.

Энтомологические коллекции Петра Петровича представляют огромную территорию от Сахалина до Кавказа, от Урала до Гималаев.

В первые годы петербургской жизни Петр Петрович выезжал на дачу за город, но слишком многолюдно и шумно было в Царском Селе. Скоропостижная смерть Заблоцкого-Десятовского — его друга и тестя —

заставила Петра Петровича перевезти семью в маленькое поместье Гремячку.

Гремячка, расположенная на берегу тихой Рановы, стала его постоянным летним местожительством. Урусово он продал.

Семья собиралась в деревню задолго до отъезда, шумно, весело, хлопотливо. Особенно радовался сам Петр Петрович.

Его радужное настроение нарастало, когда тарантас катился по зеленому проселку. Июньское утро встречало его торжествующим великолепием, свежестью красок, запахами рязанских полей. Свежела душа, легко и свободно стучало сердце. Никогда он не видел такого мягкого переливчатого рассвета, нежного сияния луж, влажной духовитой полыни. Ястреб вылетел из-под колес и быстро-быстро махал красными от зари крыльями. В небе, тоже розовые, заливались жаворонки, по обочинам дороги распушилась хлопущка. Ее вздутые чашечки подмигивают из травы; ударь по чашечке, и она щелкнет, как пистолетный выстрел. По лесным опушкам темно-лиловыми островками замерли цветы иван-чая, в оврагах над родниками созревает ежевика.

Петр Петрович спускается в лог. Сочная осока скрипит под ногами, листья папоротника задевают лицо. Пестрая бабочка промелькнула над ним, он провожает ее пристальным взглядом. Сосны редуют, бор кончается обрывом.

Под ногами Петра Петровича лениво раскинулся синий плес Рановы.

Гремячинское лето он посвящает энтомологии, главным образом ей. Азарт в собирании насекомых заражает его милой жадностью. Он сообщает Андрею сенсационную новость: «Ко мне в кабинет залетела „кикинделла германика“». Советует сыну пойти на берег Рановы. «Там, в овраге, под плоским камнем живет семейство необыкновенных жуков». Расстроенная жена говорит, что в усадьбе поселилась норка и уничтожила дюжину цыплят. Он недоуменно смотрит на жену, оторвавшую его от коллекции насекомых. «Норка ворует цыплят? И вы до сих пор не поймали? И не поймаете. Она непобедима, как буры в войне с англичанами».

По вечерам он закрывается с сыном в кабинете. Со стеллажей снимаются ящички с хрупкими чешуекрылыми. Один, пятый, десятый.

Петр Петрович любит прозрачную, словно сотканную из лунного света, болотной переливницей. На ее крылышках мерцают семь агатовых и четыре рубиновых точки. Рядом с переливницей полосатые зефиры, хвостоносцы Маака, индийские адмиралы, черно-красные махаоны, зеленые парусники.

Петр Петрович сидит неподвижно. Сын сменяет ящик за ящиком, осторожно ставя их на стол. Зрачки отца сверкают остро и твердо, в центре их — желтые искры. Его глаза умеют следить за букашкой, ползущей по стебельку медуницы, за куколкой, спящей в сосновой коре, за голубянками, рождающимися в тине болот.

— Эту красавицу прислали из уссурийских лесов, — подает Андрей бело-розовую, похожую на морскую раковину бабочку.

— Почти все красивые бабочки — вредители, — отвечает Петр Петрович. — Красота в мире чешуекрылых — опасная красота. Махаон уссурийский уничтожает укроп и морковь, а голубянка весенняя — бич бобовых. Хвостonosцы Маака злодействуют в ореховых лесах, альционы губят дубовые рощи. — Петр Петрович отодвигает от себя ящик. Продолжает тихо, зная, что сын — весь напряженное внимание. — Энтомология должна не просто классифицировать насекомых, ее обязанность — выяснять, какую пользу, какой вред приносят они природе. Знаешь ли ты, что хвостonosцы Маака спасают соевые поля от желтянки-авроры? Белянка, пожирающая барбарисовые листья, враждует с аргусом — вредителем огородных культур? В природе все закономерно. Многочисленные тайны ее ждут своих исследователей. Я уже стар и не успею что-нибудь сделать для энтомологии. Остается надеяться на молодых натуралистов, на тебя, Андрей...

Отец и сын продолжают созерцать свои сокровища. Уже давно наступил вечер. За окном настороженно шепчутся старые липы, воробьиное чириканье падает в тишину. А перед глазами Петра Петровича все мелькают и мелькают коллекции.

Густо-зеленые с розовыми узорами, желтые с перламутровыми брюшками, белые, озаренные синими огоньками, синие в белых искрах бабочки соединяются в одно причудливое бесшумное облако. И облако это незаметно растет, заполняя старый кабинет.

Петр Петрович отрывается от коллекций, глядит в окно.

В глубину Рановы опускается необыкновенный цветной ковер, сотканный из барбарисовых белянок, болотных переливниц, глазчатых бархатниц, южных лимонниц, коричневых аполлонов, индийских адмиралов, реликтовых мидорфий. Ковер трепещет, излучая свечение, касаясь воды.

Петр Петрович протер глаза — ковер исчез. Только тяжело чернела Ранова, а небо над ней было пепельным и пустынным.

Ночью, когда в доме полная тишина, он при пальмовой свече продолжает работу, подготавливая к изданию новый том «Землеведения»

Азии». Пишет к нему свои добавления о Восточной Сибири — озере Байкале, прибайкальских странах, Гобийской пустыне.

Иногда, вперемешку с научными трудами, ведет дневники. Тогда воспоминания детства обступают его. Он опять видит себя маленьким мальчиком. Он вспоминает: «Манили меня к себе крутые скалы и обрывы глубоких ложбин и оврагов... Мне казалось, что я открыл на окраине нашего поместья местность, никем не виданную и никому не доступную». Красота скромной русской природы кажется ему лучше самых ярких тропических ландшафтов. И русская весна, и таяние снегов, и апрельские эфемерные воды, и зеленая дымка лесов ни с чем не сравнимы. «Деревья начали быстро, не по дням, а по часам одеваться: одни светлой зеленью, а другие белоснежными бледно-розовыми цветами... Все это уносило меня, одинокого и безотрадного, в какой-то чудный поэтический мир...»

Он улыбнулся в сивые бакенбарды, потянулся до хруста в костях. Долго ходил по кабинету. Перебирал на столе рукописи, корректурные листы, журнальные вырезки. Открыл окно в июньскую ночь. И опять могучий зов природы послышался ему в глубине, июньского сада.

Он вылез через окно в сад.

Серая мгла еще стелется между березами и липами, от цветочных клумб несет острыми запахами.

Гремячинский сад так же огромен, как сад проданного Урусова. Яблони, парники, виноградные лозы, многочисленные клумбы. Широкая липовая аллея рассекает сад на две половины и упирается в мостик через Ранову. С правой стороны сад обрезают канавы, заросшие крапивой, слева поле помещицы Дарьи Дмитриевны. Поле все в васильках и полыни — у помещицы некому обрабатывать землю.

Петр Петрович топчет полынь и васильки. Он их любит, но только не в поле. Как бесполезно пропадает земля! Он оглядывается на собственный дом. Крыша белеет сквозь зелень. Строился дом добротнo, на постройку шли могучие сосновые бревна, двери похожи на подъездные ворота. Можно подумать, что дом строил незабвенной памяти Собакевич. Словно по его грубой фантазии, к дому притулились два крыльца, одно высокое, с многочисленными ступеньками, другое — низкое, без ступенек.

Через ржаное поле он идет в заливные луга Рановы. «Трава по пояс, скоро косить». Озеро в белых и желтых лилиях пузырится и почмокивает — на отмелях кормятся сазаны. «Надо побаловаться удочкой». На ветке старого дуба что-то блеснуло ярко и жирно, как золотой самородок. «Жужелица. Великолепный экземпляр из рода „карабюсе сестрешери“». Он прячет жужелицу в спичечный коробок. Луга переходят в чернолесье —

береза, осинник, заросли лесного ореха. Всюду сухостойник, сгнившие деревья. Этот лес тоже принадлежит помещице, он гибнет на корню, но помещица запрещает собирать дрова. Сутяжница и сквалыга замучила мужиков штрафами за потравы, за рубку дров.

Брезжит заря. Тихо. Тепло. Просторно.

В запахе подорожника чудится все тот же неистребимый всепокоряющий зов природы.

На живую и мертвую природу Петр Петрович смотрел прежде всего как ученый. Страсть коллекционирования насекомых стала научной целью. Постепенно его коллекции превратились в грандиозное собрание. Семьсот одна тысяча экземпляров этого ставшего знаменитым «семеновского собрания насекомых» были подарены его сыном Андреем Петровичем Зоологическому музею Академии наук.

А пока же Петр Петрович жадно и весело ищет жуков и бабочек. Он пишет краткое руководство по их сбору. Всем уезжающим в экспедиции он дает энтомологическое снаряжение и советует, как собирать насекомых. Расходует личные деньги на поездки молодых энтомологов по России. Устанавливает связи с энтомологами Европы и Азии, приобретает у них новые коллекции.

Русские и заграничные ученые пользуются его коллекцией для своих работ. Коллекция становится необходимой каждому, кто изучает российскую и азиатскую фауну. По общему признанию ученых, с «семеновским собранием» не могли соперничать самые богатые коллекции европейских и американских зоологических музеев.

Русское энтомологическое общество избирает Семенова своим президентом.

Семенов добивается от царского правительства денежных субсидий для общества. По его инициативе выходит «Русский энтомологический вестник».

Четверть века деятельность общества поддерживалась и направлялась его президентом.

Общество учредило три премии имени Семенова. На соискание премий представлялись самостоятельные исследования и труды только русских энтомологов.

Своей деятельностью Петр Петрович вызывал интерес к энтомологии в России. Появились новые исследователи русской природы, и они с гордостью называли себя учениками Семенова.

Глава 25

СЕЛО МУРАЕВИНО

Мураевино расположено на берегу Рановы, в нескольких верстах от Гремячки.

Это большое базарное село — центр волости — знакомо Петру Петровичу с детских лет. Он знает жителей и Мураевина и всех деревень. А волость насчитывает двадцать сельских общин, объединяющих восемьсот крестьянских дворов.

Петр Петрович бывал в Мураевине и в будни и по базарным дням. Каждый раз, когда он появляется в селе, его окружают мужики, бабы, подростки, старики. Жалуются на тяжелую жизнь, на свои беды, просят помощи, совета.

Вот и сегодня на церковной площади его окружила толпа. Полуслепой старик (на груди у него медная бляха с надписью «Застраховано от огня в Российском страховом обществе») сует Петру Петровичу бумажный листок.

— Мужики просят тебя передать царю-батюшке жалобу. Земли у нас — куренка выпустить некуда, подати платить нечем, совсем в разор вошли. Помогите за ради Христа. Мы, правда, такую же бумагу королю датскому послали, может, и он замолвит за нас слово перед государем. Как-никак, а тестем государю приходится...

Рыжебородый мужик-погорелец просит бревен для избы. Молодая баба жалуется, что у нее сдохла коровенка, детишки сидят без молока. С кем бы он ни разговаривал — все одни и те же скорбные темы: не хватает земли, душат подати и недоимки, выкупные платежи и всевозможные земские сборы. У помещиков — лучшие земли, выгоны, луга, водопой, лесные угодья. Растет число безлошадных дворов. Многие мужики уходят из деревень на промыслы, на строительство железных дорог, в город.

А в деревне появились новые хищники. Кулаки, лавочники, ростовщики опутывают паутиной кабальных отношений безземельного, безлошадного бедняка. Растет безудержная эксплуатация батраков.

Все это замечает Петр Петрович. В своих поездках по окрестным деревням, при встречах с мужиками выясняет он, как действуют новоявленные хищники.

Несуетливо, без спешки знакомится он с сельскими общинами Мураевинской волости, куда входит и его Гремячка.

В волости восемьсот дворов. Петр Петрович обошел все восемьсот, перезнакомился с каждым мужичьим двором.

Он пересмотрел уставные грамоты, постановления волостных и сельских судов, окладные листы по всем двадцати общинам. Обошел сотни усадебных и полевых участков, которые являлись «земельным наделом» освобожденных крестьян.

Упадок натуральных отношений, разложение крестьянства, рост деревенского пролетариата, господство помещика и кулака вскрывались в обширных материалах, собранных Семеновым.

Строгий язык цифр, фактов, уставных грамот, окладных листов, дворовых книг говорил: Мураевинская волость типична для всей пореформенной крестьянской России.

Петр Петрович решил написать экономическо-статистическое исследование о Мураевинской волости. Он с жаром принялся за эту сложную работу. Кончились прогулки по гремячинским лесам, поиски жуков и бабочек, сбор трав и цветов.

Он писал главу за главой, придавая своему новому труду не только экономический, но и географический характер. В главе «Общий обзор волости» он рассказал о том, как живут, работают и что имеют от земли и своих трудов мураевинские крестьяне. «Доходов, получаемых крестьянами волости с земледелия на надельных, собственных и даже наемных землях, вообще недостаточно, за полным обеспечением собственно существования крестьян волости, на уплату всех выкупных платежей и налогов, на них лежащих», — приходит к печальному выводу Петр Петрович.

Со строгой точностью истинного ученого Семенов прослеживает общинные и бытовые порядки, экономику, жизнь, трудовые отношения крестьян. Он рассказывает о численности населения, о его составе, системе земледелия, скотоводства. О том, как обеспечивает себя крестьянин хлебом и сколько продает зерна на рынке. Описывает богатые усадьбы кулаков, их обширные огороды и сады, хозяйственные постройки и пятистенные избы. А рядом с усадьбами деревенских богатеев показывает курные избышки с прогнившими крышами, повалившимися плетнями, жалкие клочки земельных наделов.

«Мураевинская волость» на фактах и примерах вскрывала классовое расслоение русского крестьянства. Исследование Семенова резко отличалось от работ экономистов и статистиков. Если труды Скребицкого, Даниельеена, Головачева представляли собою собрания фактов различного значения, то «Мураевинская волость» давала общие выводы о жизни пореформенной деревни.

«Мураевинская волость» вышла в свет в 1880 году. Новая работа Петра Петровича опять привлекла внимание Карла Маркса. По мнению Маркса, исследование Семенова характеризовало экономическое положение крестьян, пользование общинными и усадебными землями, полевыми наделами, а также крестьянские бюджеты, повинности, платежи.

Маркс испестрил поля книги своими замечаниями о молодой деревенской буржуазии, о паразитизме рязанских помещиков. Подчеркнув слова Семенова о том, что мураевинские крестьяне вынуждены брать у ростовщика ссуды за большие проценты, Маркс гневно написал: «120 процентов в год! Такой паразит взимает процент непосредственно!»^[6]

Петр Петрович обстоятельно рассказывал, как быстро разоряется мураевинский мужик. Он говорил о том, что у бедняка земля отобрана за недоимки или же он сдает ее в «люди». А хозяин бедного двора определяется в пастухи или батраки, детей отсылает на заработки. У бедняка «нет никакого дохода, а есть постоянный дефицит, пополняемый нищенством».

Проанализировав семеновские строки, Маркс саркастически заметил: «Хорош результат общинного владения землей! Положение общин одной и той же волости столь же различно, как и положение различных крестьян в одной и той же общине.

Интересно сопоставить (различные) общины, потому что из этого сопоставления видно, между прочим, как большее или меньшее благосостояние определялось тем положением, в котором они находились соответственно еще во времена крепостного права...»^[7]

О земельных наделах, выделенных крестьянам во время реформы, Маркс отозвался: «При этом крестьянам была оставлена отнюдь не лучшая земля. Например, в 3 однопоместных общинах у крестьян отобрали луга и ближайшие пашни. В действительности все было перетасовано и перестроено в интересах помещика, а не крестьянина...»^[8]

«Мураевинская волость» помогла Марксу изучать буржуазное содержание и крепостнические черты крестьянской реформы и классовую борьбу в после-реформенной русской деревне.

Через девятнадцать лет после Карла Маркса, работая над своим произведением «Развитие капитализма в России», Ленин также обратился к «Мураевинской волости». Он ссылаясь на труд Семенова как на авторитетный источник. Ленин трижды выделял и подчеркивал бюджетные исследования Семенова, называл его труд в числе тех, которые «выгодно отличаются тем, что характеризуют отдельные группы крестьян».

Семенова опять потянуло к путешествиям. Пусть не к таким далеким и трудным, как на Тянь-Шань, но к путешествиям. Вместе с сыном Андреем он посетил Крым, Кавказ, Урал. С ним исколесил почти все центральные губернии, с ним же отправился на открытие Закаспийской железной дороги. Побывал в степях Сыр-Дарьи, пополняя свои обширные энтомологические коллекции.

В этих поездках у Петра Петровича зародилась мысль создать путеводитель по России.

Первоначально скромная мысль расширилась, засверкала новыми гранями, обросла подробностями. Нужен ли русскому интеллигентному обществу уютный, карманный «бедкер» с тихими радостями природы, с комфортом дорожных странствий? Вряд ли, едва ли.

Русские люди должны знать Россию во всей ее величавой пространственности. О всех ее морях, реках, горах, о всех степных и лесных привольях. О всех губерниях, уездах, волостях, о всех племенах ее населяющих, об их истории, занятиях, обычаях, религиях и законах. Нужна своеобразная энциклопедия России в ее земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом отношении.

Семенов увлекает своей идеей петербургского издателя Вульфа. Он говорит ему:

— К составлению путеводителя мы привлечем лучших ученых, писателей, художников России. Я обещаю вам это, Маврикий Осипович...

Сто выдающихся деятелей науки и литературы получают от Петра Петровича особые приглашения. Большинство их откликается на призыв Семенова. Петр Петрович опять разговаривает с Вульфом.

— Вот видите, я же знал — никто не откажется участвовать в издании путеводителя. Мы назовем его «Живописной Россией».

— Салтыков-Щедрин отказался, — хмуро ответил Вульф. — Прочтите его ответ...

Петр Петрович читает письмо знаменитого сатирика, хорошего приятеля своей юности. Теперь он очень редко видит Салтыкова-Щедрина.

«Милостивый государь, Маврикий Осипович! Никогда не занимавшийся этнографическими работами, я должен отказать себе в удовольствии принять участие в предложенном Вами издании „Живописная Россия“».

— Вы же знаете, Михаил Евграфович большой оригинал, — продолжал Вульф. — На днях я беседовал с ним о «Живописной России».

«За трудное издание вы взялись, — сказал он. — Шутка ли — описать всесторонне Россию! Для этого мало ста литераторов и ученых. По-моему,

вы хоть тысячу литераторов и тысячу ученых разошлите по стране, они и тысячной доли России не опишут».

Я возразил ему. Я даже показал Михаилу Евграфовичу двухтомное издание французов Артамова и Арманго «Россия — ее история, памятники древности и быт».

«Всю Россию втиснули в два тома! Это только одни французы могут. Они напишут, что русские свечи едят, водку бочками пьют, сморкаются в полы своих сюртуков, и думают, что охарактеризовали весь русский народ. А нам так нельзя. Мне кажется, об одном подмосковном селе надо писать полтома. Но вашу идею я одобряю. „Живописная Россия“ — это хорошо, это нужно! Так и передайте Петру Петровичу — хорошо!»

Петр Петрович только пожалел, что великий писатель земли русской отказался писать для «Живописной России». Но то, что Салтыков-Щедрин одобрил идею его путеводителя, было приятно и дорого ему.

Вульф выпустил семнадцать томов семеновского путеводителя под общим названием.

ЖИВОПИСНАЯ РОССИЯ ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

под общей редакцией

П. П. Семенова,

вице-председателя императорского

Русского Географического общества.

Это были в роскошных малиновых переплетах, изузоренные вязью рисунков, украшенные резанными по дереву гравюрами, репродукциями с картин лучших художников, с приложением географических карт и схем объемистые тома.

Члены Географического общества, Академии наук, многих научных обществ, любители природы, краеведы, писатели, художники участвовали в создании этой грандиозной географической эпопеи. Сам Петр Петрович выступал в «Живописной России» с очерками «Небесный хребет» и «Заилийский край».

Он написал также статьи о Крайнем Севере Европейской России в его современном состоянии, об Озерной, Литовской, Белорусской областях, об экономическом состоянии Западной Сибири и Финляндии.

В своих очерках и статьях, опубликованных в «Живописной России», Семенов давал географическую и хозяйственную оценку областей. Он рассматривал природные и исторические условия, взаимодействие природы и человека.

Вот он рассказывает читателю о Крайнем Севере Европейской России — Архангельской и Вологодской губерниях. «Область эта, которую можно было бы назвать также Беломорской, почти совпадает в пределах Европейской России с бассейном рек Северного океана».

Описав границы Крайнего Севера, Семенов анализирует хозяйственную деятельность населения, исторические пути развития Крайнего Севера. И результат анализа: Беломорская область «развивается настолько же туже и медленнее, чем в других естественных областях Европейской России, насколько прирастает туже и медленнее численность населения Крайнего Севера».

И наконец, заключение, звучащее невольным приговором равнодушию, скудоумию, творческому бессилию русского самодержавия. «По мере того, как росло Русское государство, приобретая на западе, юге и востоке и отчасти колонизируя все новые и новые области, относительное значение Беломорской области для России все более и более умалялось. И в среде умножающейся семьи родных и приемных детей, возвращенных, колонизированных и завоеванных краев и областей, гораздо более богато наделенных дарами природы, суровый и относительно бедный и малолюдный северный край остался как бы забытым и до некоторой степени заброшенным пасынком».

Во всех семнадцати томах уникального географического путеводителя Семенов присутствовал как автор, редактор, составитель. Каждый очерк, статья, рисунок, географическая карта были просмотрены и одобрены им.

«Живописная Россия» долго была энциклопедией для всех, кто интересовался географией, историей, жизнью народов, населяющих величайшее из государств.

Глава 26

ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

Давно ли, казалось, он встретился с Пржевальским?

А с той первой встречи уже пронеслось двадцать два года. Просто не верится, как быстр поток неумолимого времени. После первой встречи он сказал о Пржевальском: «Из молодого человека может выйти замечательный путешественник».

Он посоветовал молодому человеку поехать в Уссурийский край. «Докажите свою способность к путешествиям и географическим исследованиям». «У Пржевальского еще не было ни опыта, ни знаний, ни имени исследователя. Географическое общество не рискнуло послать его в экспедицию в Центральную Азию».

Семенов ободрил Пржевальского. Доказал ему, что Уссурийский край — замечательно интересная местность для географа. Неожиданные открытия подстерегают там ученого на каждом шагу. Если Пржевальский проявит себя в Уссурийском крае способным исследователем, тогда «он может надеяться на организацию со стороны Общества под его руководством более серьезной экспедиции в Среднюю Азию».

Со дня возвращения Пржевальского из Уссурийского края минуло шестнадцать лет. В эти годы он совершил четыре путешествия по Центральной Азии.

Пржевальский стал величайшим путешественником XIX столетия.

Петр Петрович с гордостью говорит и пишет о путешествиях своего друга. «Четвертому периоду деятельности Общества, последовавшему непосредственно за 25-летним его юбилеем и продолжавшемуся с 1871 до конца 1885 г., присвоено название периода экспедиций Н. М. Пржевальского. В этом периоде Обществу, благодаря неутомимой энергии и беззаветной отваге этого предприимчивого путешественника, взлелеянного и выдвинутого вперед Русским географическим обществом, удалось постепенно завоевать для географической науки большую часть внутренней Азии...»

Но мало кому известно, сколько энергии и душевных сил истратил Петр Петрович, чтобы Пржевальский мог путешествовать по Азиатскому материку.

Нужно было сломить каменное равнодушие царских чиновников и бюрократов. Надо было спорить с министрами, переписываться с русским

посланником в Пекине, хлопотать о разрешениях, согласовывать маршруты, определять научные цели каждого путешествия.

Вместе с Пржевальским он составлял планы экспедиций. Вместе сидели они над старинными картами и рукописями. Вместе изучали дневники и книги Марко Поло, Карпини, Рубрука.

А когда Пржевальский отправлялся в очередное путешествие, для Петра Петровича наступали долгие месяцы томительного ожидания. Взять хотя бы первое путешествие в Центральную Азию. Оно продолжалось три года. Экспедиция покрыла одиннадцать тысяч верст. Метеорологические, магнитные наблюдения, съемки маршрутов, определение высот Пржевальский проводил на всем пути.

Николай Михайлович собрал тогда шестьсот видов растений. Зоологический музей Академии наук получил от него редчайшую коллекцию млекопитающих и птиц. По материалам первого путешествия Пржевальский написал свою знаменитую книгу «Монголия и страна Тангутов»...

Так было с каждой новой экспедицией.

А путешествиям по Центральной Азии Пржевальский отдал сто одиннадцать месяцев своей жизни.

Маршруты, пройденные и заснятые им на карту, составили почти тридцать тысяч верст. Целая сеть глазомерных съемок опирается на им же определенные астрономические пункты. Исследования его принесли огромную пользу картографии, метеорологии и другим смежным наукам. Самые же крупные его заслуги относятся к исследованию животного и растительного мира Азиатского материка.

Он собрал все лучшие и типические образцы органической жизни в богатых степях Ганьси, в песках Алашанской пустыни, на горных высотах Алтын-Тага. Он познакомил ученых с рыбами Хуанхэ, пернатыми обитателями Янцзыцзяна, животными нагорного Тибета. Он нашел дикую лошадь (лошадь Пржевальского) и дикого верблюда. По сути дела, весь животный и растительный мир Центральной Азии был открыт им для науки.

Слава самого энергичного, бесстрашного, талантливого путешественника сопутствовала ему. Его награждали золотыми медалями Русское, Парижское, Берлинское, Лондонское, Стокгольмское, Итальянское географические общества, избирали почетным членом многие университеты и академии...

Каждое возвращение Пржевальского в Петербург было и его, Петра Петровича, возвращением в собственную молодость. Он любил в новых

планах Пржевальского свои незавершенные мечты. Глазами Пржевальского он снова и снова видел Небесные горы, зеленые степные озера, его ушами слушал рев водопадов, посвист черных бурь. Вместе с ним он согревался у походных костров, замерзал на вершинах Алтын-Тага, брел тростниковыми зарослями Лоб-Нора.

Громадны пройденные Пржевальским пространства, богаты его научные результаты. Он, совершивший замечательные географические открытия, называл свои путешествия лишь рекогносцировками. Он, считавший удел исследователя Центральной Азии завидным, прошел в этих «рекогносцировках» тридцать тысяч верст. «Путешественником нужно родиться», — говорил Пржевальский. И у него был дар путешественника — редкий, прекрасный дар познания мира.

Всего год назад Петр Петрович встречал Пржевальского в Петербурге. Он вернулся тогда из четвертого путешествия.

Торжественно встретили знаменитого путешественника. Академия наук наградила Пржевальского золотой медалью: «первому исследователю природы Центральной Азии». По предложению Семенова Географическое общество назвало хребет Загадочный хребтом Пржевальского. Была срочно издана его книга о четвертом путешествии по Центральной Азии.

И почести и громкая слава не удержали Николая Михайловича в Петербурге.

В августе 1888 года Петр Петрович проводил его в пятое путешествие. Вот уже третий месяц, как Николай Михайлович находится на Иссык-Куле, исследует Небесные горы. Завершает то, что начал Петр Петрович. Письма от него, к сожалению, приходят редко. Что делает сейчас Пржевальский? Чем занят? Куда направится он с берегов Иссык-Куля?..

Был поздний осенний вечер. В черные окна кабинета стучал дождь, уныло посвистывал ветер. В тусклой позолоте рам серели картины голландских живописцев. На письменном столе сиротливо лежали неоконченная рукопись, недочитанная книга. Печально потрескивали пальмовые свечи в бронзовом канделябре.

Петр Петрович, как слепой, бродил по кабинету, натываясь на вещи. Остановился перед глубоким кожаным креслом. Давно ли в нем сидел Пржевальский? Говорил о своих приключениях, о планах пятого путешествия. Советовался с Петром Петровичем. А теперь?

Неужели эти слова написал Пржевальский: «Похороните меня в походной экспедиционной форме на берегу Иссык-Куля...»?

Эти слова звучат как черный колокол. Завтра траурное заседание Географического общества. Невыносимо тяжело произносить прощальное

слово. Сказать, что нет больше великого путешественника. Невероятно! Умер Пржевальский. Невозможно!

Петр Петрович берет газету с некрологом. Антон Чехов пишет: «Один Пржевальский, или один Стенли стоят десятков учебных заведений и сотни хороших книг. Их идейность, благородное честолубие, их фанатическая вера в науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу...»

Что еще можно добавить к словам Чехова? Они выражают сущность жизни и деятельности Пржевальского. Кому-кому, а вице-председателю Географического общества, другу великого путешественника есть что сказать.

Петр Петрович придвигает стопку бумаги, пишет, разбрызгивая чернила. Но почему же чем сильнее горечь утраты, тем расслабленнее и беспомощнее слова? Они как туман, как мелкий морозящий дождь; от беспомощных слов этих и пусто и холодно. Он опускает трясущуюся руку. Уныло смотрит на исписанный листок.

«Тяжкая болезнь унесла в могилу мощного телом и духом русского богатыря, но память о нем будет долго жить в легендарных почти рассказах племен нагорной Азии. Местность, в которой находится могила Пржевальского, мне хорошо знакома. Она так врезалась неизгладимыми чертами в моей памяти, что я как бы вижу ее перед собою...»

Перед ним снова, как наяву, Небесные горы. Гигантские вершины поднимаются из бездонной глубины Иссык-Куля. На берега набегают широкие полукружья волн. Орел висит в небе на распахнутых крыльях. Выше орлиного взлета только хребет Кунгей-Алатау. «Этот величественный ряд закутанных в белоснежные саваны великанов стоит на страже дорогой нам могилы, обозначая собою ту грань русской земли, за пределы которой наш славный путешественник делал свои отважные набеги в почти неведомые для него в научном отношении страны...»

Дождь все так же барабанит по окнам, а Петр Петрович видит уже иные картины. Дыбятся зыбучие барханы Гоби, зияют ущелья Памира, колеблются туманная ширь Желтой реки и гаоляновые заросли Цайдама: «Из-за этой-то грани привозил он нам богатую добычу планшетов, записей и естественноисто-рических коллекций. Несравненно дороже серебра и золота, которое так бережливо тратил он на свои экспедиции, была эта добыча...»

Целая армия географов, ботаников, метеорологов, зоологов станет изучать наследство Пржевальского. Коллекции, путевые дневники, маршруты. Млекопитающие и холоднокровные животные, рыбы,

насекомые, птицы Монголии, Китая, Тибета остаются в наследство от Пржевальского.

Петр Петрович не сводит глаз с ночного окна.

«Не могли мы усыпать дорогую нам могилу сплошным ковром любимых Пржевальским цветов, не могли положить в ее изголовье лаврового венка.

В глубокой древности на берегах Нила существовал трогательный обычай. Лишь только умирал человек, оказавший бессмертные услуги своей стране, собирались в его память все, кому были близко известны и заслуги и личность усопшего. И давали они свободно и беспристрастно свои свидетельские показания о нем, в силу которых лучшим людям страны ставились величественные памятники. Они и доньше возвещают всему миру о славе великих людей древнего Египта.

Сегодня мы последуем этому примеру...»

Он встает из кресла, приближается к окну. Невозможно писать некролог! Он скажет свое прощальное слово без заранее написанного текста. Теперь и лучше и важнее обозреть все, что оставил Пржевальский. Озноб пробегает по телу Петра Петровича, ему неуютно и холодно. Он разжигает камин. Языки пламени сгибаются, мечутся, озаряя неверными отблесками картины, книжные шкафы, стеллажи.

В окно все еще стучит невидимый дождь, печально позванивают стекла. Нет! Это звонит черный колокол по человеку, открывшему новые географические горизонты.

Петр Петрович чувствует себя глубоко несчастным. Со смертью Пржевальского умерла и частица его души, ушла в прошлое молодость.

Измученный, осунувшийся, он открыл траурное собрание Географического общества.

«Милостивые государи!

В русском народном творчестве сказочный русский богатырь желает быть похороненным на перепутье, как бы указывая своею могилою на дальнейшие пути тем русским богатырям, которые пойдут вслед за ним. В этом выражается глубокая и трогательная вера русского народного героя не только в бессмертие его идеи, но и в неоскудение русской земли такими же богатырями, как он. И заметьте, что русский богатырь всегда бывает верен народному духу и доблестным преданиям своего отечества. Идет вперед без оглядки и корыстных расчетов, на славу своего отечества, побеждая препятствия и злые силы. Но заметьте еще одну особенность тех дорогих нам былин и преданий, которые так любил Николай Михайлович. Препятствия, злые силы побеждаются большей частью оружием,

таинственно скрытым в могиле богатыря, тень которого, или охраняющие могилу духи, сторожат это оружие и охотно передают его не иначе, как достойному преемнику его подвигов.

Вот и глубоко осмысленное, легендарное, поэтическое значение одинокой могилы Пржевальского на пустынном побережье Иссык-Куля, у подножия самой величественной грани русской земли, при входе в те неведомые страны, завесы которых только приподнял нам своей смелой богатырской рукой Пржевальский.

Туда манит многих из вас, милостивые государи, тень усопшего. Зайдите на его могилу, поклонитесь этой дорогой тени, и она охотно передаст вам весь нехитрый запас своего оружия, который слагается из чистоты душевной, отваги богатырской, из живой любви к природе и из пламенной и беспредельной преданности своему отечеству.

Берите же смело это оружие и идите с ним вперед на любом пути знания и истины, на славу дорогой России...»

Глава 27

ДЛЯ ТЕБЯ, РОССИЯ!

В молодости у него был девиз: «Единственная добродетель — любовь к человечеству».

Он не изменяет этому девизу и сейчас. Только к первому девизу он добавил новый: «Для тебя. Россия!»

Все, что он теперь делает, что еще думает сделать, все связано с Россией.

Он думал о ее процветании и славе, когда издавал труды многочисленных экспедиций.

Он думал о России, когда представлял ее на международных научных конгрессах в Лондоне и Милане, Париже и Дрездене, в комиссиях, решавших вопросы, имеющие значение для всего земного шара.

В 70-е и 80-е годы прошлого века северные моря и побережья их все еще мало исследованы. На арктических картах по-прежнему оставались «белые пятна».

Петр Петрович понимал огромное значение Ледовитого океана для России. Еще в 1871 году он активно участвовал в работе особой комиссии Географического общества. Комиссия эта составляла проект Большой экспедиции в Ледовитый океан. «Расширение наших сведений об обширном бассейне Ледовитого океана, которое, по всей вероятности, будет сопровождаться открытием в этом бассейне новых островов и земель, должно подействовать самым благоприятным образом на науку в России, возбуждая интерес к полярным странам и вызывая целый ряд новых частных исследований», — писал Семенов.

Проект Большой экспедиции разрабатывали лучшие знатоки русского севера: Кропоткин, Шеллинг, Шренк, Рыкачев и сам Семенов.

Князь Кропоткин составил обстоятельную инструкцию о научных целях Большой экспедиции.

Семенов отредактировал и специальную записку, написанную Кропоткиным для правительства. «Экспедиция должна поставить себе задачу: обозреть возможно большее пространство Ледового Океана и расширить таким образом наши сведения об Океане и его островах».

Семенов и Кропоткин, отстаивая свои идеи об исследовании северных морей, соединяют глубину научного подхода с практическими государственными интересами.

Большая экспедиция должна собрать сведения о землях, расположенных в приполярных морях, измерить морские глубины к северу от Новой Земли, движение и характер льдов, распространение теплого течения и влияние его на арктический лед. Подробно исследовать фауну, «которая должна представлять в высшей степени интересный материал, вследствие столкновения самых разнообразных физических условий (ветви теплого течения, холодного северного течения и течений из рек)».

Правительство отказалось финансировать Большую экспедицию — не нашлось двухсот тысяч рублей.

Петр Петрович не хочет и не может отказаться от заветной мечты. Он просит, спорит, доказывает, пытается убедить царских министров в необходимости Большой полярной экспедиции. Все напрасно! Вместе с князем Петром Кропоткиным он пишет докладную на имя «августейшего председателя Географического общества». Не помогло. Министр финансов от имени «августейшего председателя» сообщил: правительство не находит возможным ассигновать просимую сумму.

«Исследование Северного океана кровно касается русских интересов. В то время, как норвежцы, шведы, англичане, даже австрийцы вторгаются в Северный океан, наши усилия не приводят к желанным результатам», — заявляет Семенов. Он оскорблен и возмущен, но он человек действия.

Петр Петрович обращается за помощью к русским промышленникам М. К. Сидорову и А. М. Сибирякову.

Промышленники долго раздумывают: а что им дадут полярные экспедиции? Им нужны торговые пути и крупные прибыли. Наконец член-соревнователь Географического общества Сидоров соглашается финансировать небольшую экспедицию в Карское море.

Сибиряков в это время посылает пароход с грузом товаров в устье Лены. Он предлагает Географическому обществу послать одного ученого в это плавание. Расходы по командировке миллионер великодушно берет на себя.

Петр Петрович использует скромные предложения промышленников. Он посылает в экспедицию на сибиряковском пароходе «Норденшельд» членов Географического общества.

Проект Большой полярной экспедиции пришлось пока отложить. Интересы же Семенова к изучению северных морей остались неизменными.

— Мы знаем одно, — говорил он князю Кропоткину, — без изучения физических и климатических условий Ледовитого океана невозможно освоить русский север.

Князь Кропоткин — ближайший помощник Семенова по Географическому обществу — был одним из основоположников геоморфологии — науки о возникновении и преобразовании форм земной поверхности. Он был создателем и теории ледникового покрова земли.

Князь Кропоткин многие годы исследовал Сибирь. Пешком, верхом на лошади одолел он в сибирских лесах и горах семьдесят тысяч верст.

Петр Петрович пригласил Кропоткина на работу в Географическое общество. Кропоткин стал секретарем Комитета Севера.

Изучая отчеты полярных экспедиций и морские карты, Кропоткин пришел к неожиданному заключению: между островами Шпицберген и Новая Земля находится неизвестная земля. «На это указывали неподвижное состояние льда на северо-запад от Новой Земли, камни и грязь, находимые на плавающих здесь ледяных полях, и некоторые другие мелкие признаки. Кроме того, если бы такая земля не существовала, то холодное течение, несущееся на запад от меридиана Берингова пролива к Гренландии... непременно достигло бы Нордкапа», — писал Кропоткин.

Петр Петрович заинтересовался предположением князя Кропоткина. Но смелая, оригинальная гипотеза нуждалась в проверке.

Было решено направить на поиски неизвестной земли экспедицию Географического общества. Два года бились Семенов и Кропоткин, ходатайствуя об отпуске средств. Правительство так и не дало денег.

Смелая гипотеза князя Кропоткина подтвердилась самым неожиданным образом.

В 1873 году в северные моря отправилась австрийская экспедиция лейтенанта Вейпрехта. Ничего не зная о научном предсказании Кропоткина, лейтенант Вейпрехт случайно открыл острова, которые назвал Землей Франца-Иосифа.

Возвращение открывателей Земли Франца-Иосифа сопровождалось громкой шумихой. Восторги австрийских газет, фейерверки парадных встреч, гордость властей не знали предела. Тяжелую полярную экспедицию австрийцы превратили в увеселительную прогулку.

В гуле восторгов не слышны трезвые голоса. Мало кто услышал голос участника австрийской экспедиции — самого лейтенанта Вейпрехта, но среди услышавших был вице-председатель Русского географического общества.

Вейпрехт пришел к неожиданному, но очень важному выводу. На опыте своей экспедиции, на примерах других он утверждал:

— Научные результаты арктических путешествий не соответствуют затраченным на них силам, средствам, времени. Отдельные, но случайные

наблюдения имеют относительную научную ценность. Каждая экспедиция стремится лишь проникнуть к Северному полюсу, а научные проблемы отодвигает на второй план. Задачи науки требуют придать полярным исследованиям правильный и строго систематический характер.

Вейпрехт предлагал заменить экспедиции полярными станциями.

— Надо создать такие станции на Шпицбергене, Новой Земле, в Гренландии, в Северной Америке, на побережье Сибири. Полярные станции должны опоясать Северный полюс, — говорил австрийский лейтенант.

Петр Петрович ухватился за идею Вейпрехта и развил ее. Эта идея соответствовала его взглядам на изучение северных морей.

— В создании полярных станций должны участвовать многие государства. Станции будут вести одновременные наблюдения в различных арктических пунктах с одинаковыми инструментами. Лишь при постоянной работе полярных станций наука получит полное представление о полярном бассейне, — заявлял Петр Петрович. — Для достижения общности в изучении Арктики надо созвать международный конгресс заинтересованных стран.

По инициативе Семенова такой конгресс созывается. В нем участвуют Россия, Австрия, Германия, Голландия, Дания, Норвегия, Франция, Швеция. Конгресс вырабатывает подробную программу полярных исследователей, намечает места постоянных станций.

Географическое общество энергично принимается за дело. Русские станции решено открыть на Новой Земле и в устье Лены.

Семенов составил и программу научных работ для Ленской станции. Метеорологические наблюдения занимали в ней одно из первых мест. Большое значение Семенов придавал и магнитным возмущениям, и астрономическим определениям, и топографическим съемкам.

— На долю Ленского отряда выпадает самая трудная задача как по дальности пути, так и по суровости климата, — говорил он в совете Географического общества. — Устье Лены находится по соседству с Верхоянском, где самая низкая температура земного шара, поэтому благосостояние Ленского отряда требует особой предусмотрительности.

Стараниями Семенова Ленскую полярную станцию снарядили лучше других, созданных Европой и Америкой. «Всего более содействовал успеху Ленской экспедиции генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин, которому общество выразило свою признательность за широкое содействие, оказанное им экспедиции, избранием его в свои почетные члены».

Первая полярная станция успешно справилась со своими научными заданиями. Зимовщики перенесли голод, морозы, болезни, но не прекращали наблюдений даже в самые суровые дни.

Петр Петрович страшно взволновался, когда капитан Юнгерс сообщил: неподалеку от устья Лены зимовщики нашли труп мамонта.

«Местные охотники говорят, что зверь лежит в полной сохранности на одном и том же месте уже 35 лет», — писал капитан Юнгерс.

Семенов в ответном письме умолял Юнгерса сохранить труп мамонта. Для ознакомления с находкой со станции выехал доктор Бунге. Самоотверженный доктор прожил сорок шесть дней, «поселившись в устроенном из снега балагане». Все эти дни доктор раскапывал глубокие снега вокруг могилы доисторического животного. «От тела мамонта уцелели лишь разрубленные якутами кости, немного мягких частей, волосы и следы содержимого желудка и кишок», — сокрушался Петр Петрович.

— Наша наука лишилась замечательного экспоната, — говорил он своему новому сотруднику, географу и антропологу Черскому. — Когда-то еще представится такой удивительный случай? Если же снова найдется труп мамонта, кто из петербургских ученых поедет в сибирскую даль?

— Я поеду, Петр Петрович, — ответил Черский. После Ленской полярной станции была открыта Новоземельская.

Русские полярные станции «значительно подвинули вперед наши познания о физических и климатических условиях нашего Северного океана. Но вопрос о дальнейшем его исследовании, предвосхищаемый у нас нашими полярными соседями на западе и востоке — шведами и американцами, стоит еще открытым, — писал Семенов. — Русскому географическому обществу, уже во втором полувеке своего существования, придется снова, и притом с еще большим успехом, заняться физической географией тех полярных морей, климатическое влияние которых ощущает вся русская земля».

А исследования русских ученых на северных окраинах и в Сибири приносили все новые и новые материалы. С удивительной быстротой накапливались географические сведения огромной научной ценности. Географический лик Азиатского материка прояснялся все ярче, все резче.

Требовались новые дополнения к «Землеведению Азии». Семенов решил перевести пятый и шестой тома книги Риттера. К этой работе он привлек Ивана Дементьевича Черского.

Сын литовского дворянина Черский участвовал в Польском восстании и был сослан в Сибирь на вечное поселение.

Сначала в Омске, потом в Иркутске Черский упорно занимался

самообразованием. Без посторонней помощи изучил антропологию, географию, геологию. Талантливому юноше помог Григорий Потанин, живший в то время в Сибири. Он же рекомендовал Географическому обществу использовать Черского для изучения Байкала.

Исследование Байкала утвердило за Черским имя выдающегося ученого. По настоянию Петра Петровича общество наградило Черского золотой медалью. Петр Петрович долго ходатайствовал перед царским правительством о помиловании Черского. И добился. Черскому разрешили жить в Петербурге.

Бывший царский поселенец получил, наконец, возможность работать рядом с крупнейшими русскими учеными. А ученые встретили его как достойного собрата, советовались с ним, отдавали ему на суд свои труды. Он был обаятельным и сердечным, этот бледный, больной, истерзанный царской ссылкой человек. Он знал, что болен туберкулезом и что астма постепенно душит его. Он боялся умереть раньше, чем успеет закончить свой труд по исследованию Восточной Сибири.

Забывая о болезнях, он работал по шестнадцать часов в сутки. По ночам, сидя над рукописями, обобщал факты, анализировал их, выдвигал и отвергал собственные гипотезы о строении Азиатского материка.

Черский с радостью согласился писать дополнения к Риттерову труду. Пять лет работали Семенов и Черский над пятым и шестым томами «Землеведения Азии». Как и раньше, переводчики и дополнители не были только комментаторами чужого труда.

Пятый и шестой тома «Землеведения Азии» — самостоятельные географические произведения Семенова и Черского.

С научной строгостью и последовательностью, ярко и красочно описывалась природа разных областей Сибири, народов, живущих в ней.

Когда-то Гоголь мечтал о живом поэтическом изображении России. Он писал о том, что нам нужна «говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая бы поставила русского перед лицом России».

Эти мечты Гоголя о русской географии претворяли в жизнь Семенов и его ученик.

Широко рисовали Семенов и Черский природные ландшафты Сибири, народную жизнь, нравы, обычаи, звериный промысел, рыбную ловлю, земледелие, скотоводство. Они показывали, как влияет человек на природу и как природа подчиняется человеку.

Из дополнений к «Землеведению Азии» читатели узнавали не сухие схемы и факты, а полнокровную жизнь природы и человека.

Вот где-то в непроходимых саянских лесах и сопках затерялась Тункинская долина. С незапамятных времен живут в ней буряты — охотники и скотоводы. В царствование Алексея Михайловича пришли в Тункинскую долину русские переселенцы. Русские учили бурят земледелию, буряты русских — звериному промыслу. Вместе с бурятами русские кочевали, промышляли куницу, лису, соболя. Устраивали ловушки на кабаргу и сохатого, засады на медведей. Помогали друг другу в постройке жилищ, зимовий, в раскорчевке тайги для полей, в сборе кедровых орехов.

Описывая сибирскую природу, Семенов и Черский говорили не только о протяженности, о красоте ее просторов, но и о пригодности их для хозяйственной деятельности. Они рассматривали вопросы будущей колонизации. Природные условия, климат, растительный покров, земные богатства были в центре внимания Семенова и Черского. И опять это было не простое перечисление видов флоры или родов фауны. Все рассматривалось в бесконечном разнообразии и взаимосвязи.

А в это время Географическое общество получило уже второе необыкновенное известие.

На далекой сибирской реке Анабаре охотники нашли труп мамонта. Не бивни, не кости, а целиком сохранившийся труп доисторического великана; вечная мерзлота хранила его миллионы лет. Но пока шел спор, как перевезти мамонта в Петербург, труп растащили дикие звери.

Перед учеными встал вопрос: как быть дальше? Такие редкие находки требовали и тщательного сохранения и внимательнейшего изучения. Академия наук и Географическое общество создали особую комиссию. На свое первое заседание комиссия пригласила Черского.

— На поиск доисторических ископаемых нельзя посылать кратковременные экспедиции. Они принесут небольшую пользу, — ответил Иван Дементьевич. — Натуралисты должны прожить годы внутри Полярного круга. Постоянная деятельность натуралиста, который может периодически менять места своего пребывания, только постоянная деятельность, — подчеркнул Иван Дементьевич, — даст науке ощутимую пользу. Пока же следует послать экспедицию сроком на три года...

Петр Петрович слушал Черского, согласно кивая головой. Шутка ли, послать человека на несколько лет! Где найти такого энтузиаста?

— Ваше предложение разумно, — сказал Семенов. — К сожалению, я не знаю такого ученого, который рискнул бы отправиться в суровый край.

— Я готов хоть завтра, — ясно, даже весело объявил Черский. — Я могу назвать места, в которых может находиться натуралист. Вот они —

Яна, Индигирка, Алазея, Колыма...

— Да вы же больной, Иван Дементьевич!

— Не настолько, чтобы не ехать на Север. Я почту за честь, если меня пошлют в длительную экспедицию.

Петр Петрович молчал. Черский двадцать два года провел в сибирской ссылке. И эти годы страданий, нужды, бесправия подорвали его здоровье.

— Мое решение непреклонно. А все мои болезни отступят перед любимым делом, ради которого я живу, — повторил Черский.

Глава 28

РАДОСТИ И БЕДЫ

В 1892 году Генуя праздновала четырехсотлетие со дня открытия Америки.

На родину Христофора Колумба со всего света съехались гости. Петр Петрович прибыл в Геную официальным представителем русского правительства и Географического общества.

Вначале праздничная атмосфера старого итальянского города увлекала его.

Генуя цвела флагами, грохотала салютами, озарялась сполохами фейерверков. На фасадах общественных зданий и частных домов висели огромные портреты Колумба, на банкетах и званых обедах звучали тосты в честь открывателя Америки. Никогда еще люди не славили так путешественников, не интересовались так географическими открытиями. И всеобщая заинтересованность эта волновала Петра Петровича. Когда же он вглядывался в мелочи Колумбовых торжеств, то предприимчивость торгаша и пошлость обывателя оскорбляли его чувства.

Колумб хмурился с сигарных коробок, валявшихся по генуэзским улицам. Колумб мелькал на шейных платках щеголей, на чулках модниц. Великий мореплавателю призывал с рекламных щитов покупать колбасу «Колумб», рисовую водку «Кристорбаль», посетить модный кафешантан «Каравелла».

Петру Петровичу было странно думать, что четыре века назад по узким улочкам Генуи бродил молодой Колумб. Его башмаки топтали эти же самые каменные плиты, тень его ломалась на этих мостовых.

Италия приурочила к Колумбовым празднествам свой национальный географический конгресс. Петр Петрович выступал на нем с докладом о русских географических открытиях.

— После открытия Америки путем, проложенным Христофором Колумбом, — говорил Петр Петрович, — на запад устремились испанские завоеватели, голландские и английские купцы. Люди всех наций, населяющих Европу, двинулись на запад в поисках новых земель, сказочных богатств, золота, пряностей.

В то же послеколумбово время русские устремили свои взоры, но не в сторону Америки, а на восток, к неизвестным далям Азиатского материка. Русские землепроходцы, начиная с Ермака, Семена Дежнева, Василия

Пояркова, Ерофея Хабарова, кончая путешественниками наших дней, открыли необозримые земли, лежавшие до самого Тихого океана. Европа узнала от русских землепроходцев и географов о Сибири, о Камчатке, о Ледовитом океане. Благодаря нашим путешественникам стали доступны Аляска, Центральная Азия, горные страны Тянь-Шаня и Памира. Русские открыли Новый Свет с Востока, так же как Колумб открыл его с запада. В этом я вижу взаимосвязь и взаимное обогащение науки во все времена. В этом я вижу необходимость народов совместно познавать и устраивать наш мир для лучшей жизни...

Из Генуи Петр Петрович возвращался домой через Париж. Как обычно, он посетил Лувр, приобрел несколько картин голландских мастеров, заглянул в антикварные лавки. Он уже давно перестал мечтать о «своем Рембрандте» — зачем желать невозможного?

Блуждая по набережным Сены, он равнодушно наблюдал торговцев, художников, таких же любителей-коллекционеров, как и сам. То и дело слышал имена новых знаменитостей, но Мане, Курбе, Ренуар ничего не говорили ему. Глаза безразлично скользили по картинам импрессионистов.

— Мосье, уделите минутку. — Кто-то потянул Семенова за полу сюртука, осторожно, просяще.

Петр Петрович оглянулся: перед ним стоял седой старичок.

— Посмотрите, мосье, — старичок отвернул борт костюма.

Петр Петрович увидел маленький холст. Вздогнул от неожиданности. Голова старика в черных растрепанных кудрях, резкие приподнятые морщины на лбу. Глаза — острые, пронзительные, полные скорби и муки. Кажется, старик вот-вот заговорит и Семенов услышит горькую исповедь о человеческих страданиях и бедах. Художественная сила изображения, психологическая глубина образа — нет сомнения, этот портрет принадлежит Рембрандту. Семенов так долго и внимательно изучал картины великого голландца, что узнает любую из них по одному мазку.

Петр Петрович смотрел то на картину, то на ее продавца и даже не чувствовал радости. «Настоящий Рембрандт! — стучало в его голове. — Рембрандт!» Радость к Петру Петровичу пришла значительно позже.

Петр Петрович отдал за Рембрандта все свои деньги. Зато «Этюд мужской головы» стал украшением его коллекции, он гордился им и долго был счастлив.

Увлечение Петра Петровича живописью имело непосредственное отношение к географии. В своих «Этюдах по нидерландской живописи» он писал: «Как и все виды обширных равнин нашего Севера, голландский ландшафт не поражает наблюдателя той постоянной и, можно сказать,

торжественной, всегда одинаковой и потому до некоторой степени утомительной красотой, какую представляют горные и южные страны.

Зато северная природа, однообразная на больших пространствах и грустная с первого взгляда, выказывает в некоторые моменты дня и года дивные прелести, уловимые только тонким эстетическим чувством».

Выступая на юбилее художника Айвазовского, Петр Петрович говорил о том, что «все типы природы обширной русской земли будут изображены русскими художниками с таким же талантом и с такой же самобытностью, с какими изображает Иван Константинович волны и берега Русского моря».

Летом 1892 года Семенов снова отправился в родную Гремячку. Ехал он, радуясь зелени лесов, свежести полей, собственному бодрому настроению. Радовал его и отдых на берегах Рановы. Он заранее предвкушал охоту на бабочек и жучков, блуждания по березовым рощам, заревые часы на заливных лугах.

Радовало и благополучие в его большой дружной семье.

Он уже давно стал дедом, но по-прежнему чувствует в себе неумную силу. Не потому ли взвалил он на себя подготовку к пятидесятилетию Географического общества?

До юбилея оставалось два года, когда совет решил издать историю полувековой деятельности общества. Совет поручил подготовить материалы секретарю общества А. А. Достоевскому и географу Зверинскому. Зверинский внезапно умер, Достоевский не справлялся с работой. Да и не в силах был один человек пересмотреть огромный архив, подобрать тысячи выписок, статей, отчетов, сгруппировать их по главам. Нужна была всеобъемлющая память, колоссальная географическая эрудиция, чтобы справиться с таким делом. Совет обратился к Петру Петровичу с просьбой — принять на себя составление истории.

Семенов привез в Гремячку связки архивных документов и отчетов. Раскладывая их по ящикам, он с невольным уважением трогал пожелтевшие листы. В них спрессованы тысячи верст путешествий. В них географические открытия, преодоленные тяготы, сбывшиеся надежды. В них живут дух и воля его незабвенных друзей.

Даже Петра Петровича испугала предстоящая работа. Перед отъездом из Петербурга Достоевский сообщил, что подобрал всего лишь двенадцать тысяч документов. А история общества будет состоять из трех обширных томов, из полутора тысяч печатных страниц. Петр Петрович не собирается просто рассовать по главам весь материал. Ему не нужна простая последовательность в истории русских путешествий и открытий. Ему нужно осмысление всей научной деятельности общества. Взаимосвязь и

зависимость всех событий.

Испуг прошел, когда он приступил к работе. Все-таки хорошо это чувство полной отрешенности от всех забот, кроме одной, самой главной. Хороши эти часы в ночном кабинете, когда только пузырится от свежего воздуха занавеска да поскрипывает сверчок. И скрипит перо, скользя по бумаге. И мысли будоражат ум, и перед глазами встают видения далеких лет. А где-то за Рановой, в теплых лугах одиноко, протяжно вскрикивает коростель.

Петр Петрович пишет, зарыв босые ноги в пушистую шкуру гималайского черного медведя, одетый в холщовый заляпанный красками балахон. В балахоне ему и удобно и покойно, хотя сыновья подсмеиваются над его нелепым, монашеским одеянием.

В полночь он бросил перо, ложился спать. По-старчески кряхтя, долго устраивался на диване. Чтобы скорее уснуть, бормотал детские стишки, считал до ста, до трехсот, думал о себе, о сыновьях. Да, вот сыновья. Выросли, приобрели солидность, наплодили детишек. Он и в самом деле роздал сыновьям частицы своей разносторонней натуры. Лишь Ростислав решил стать художником.

Петр Петрович с усмешкой думает, что если бог и лишил его таланта, так это таланта живописца. Он, самозабвенно влюбленный в живопись, в коллекционирование картин, сам не может нарисовать ничего. Знаток живописи, не умеющий рисовать, — не смешно ли? Зато Ростислав талантлив, очень талантлив...

С этой мыслью он засыпает.

Утром расстроенная Елизавета Андреевна сообщила, что Ростислав опять заболел.

Перепуганный Петр Петрович поспешил к сыну. Еще с пятилетнего возраста Ростислав болен туберкулезом костей; ни доктора, ни курорты не могут помочь ему. Петр Петрович надеялся — чистый воздух гремячинских полей поставит мальчика на ноги.

Мальчик сгорел на глазах отца и матери.

Смерть любимого сына потрясла Петра Петровича: он осунулся, еще сильнее постарел и уже не прикасался к работе.

В доме стало пустынно, печаль поселилась во всех комнатах, Петр Петрович заперся в кабинете.

Иногда брал перо, но на бумагу стекали слова: «Что делать? Любить! Любить всех тех, кому нужна, дорога или полезна эта любовь, любить их на земле, заботясь о них, облегчая их горести и страдания...»

Он тупо смотрел на исписанный клочок бумаги. «Что делать?»

Любить!» А любви не было. Была деревянная боль в сердце, пустота в голове, полынная тоска по сыну.

Елизавета Андреевна страшилась за мужа. Впервые за долгие годы Гремячка показалась ей местом, опасным для Петра Петровича. Она уговорила его вернуться в Петербург.

Шумная столица, новые встречи, друзья отвлекли Петра Петровича от мрачных дум. Он снова принялся за работу.

Зимой 1893 года в Географическом обществе появилась худенькая по-дорожному одетая женщина. Петр Петрович еще издали заметил ее одинокую фигуру. При его появлении женщина встала. Синие, с металлическим отблеском глаза — в них жили и воля и ум — остановились на Петре Петровиче.

— Я — жена Ивана Дементьевича Черского, — сказала она.

— Мавра Павловна! — Он распахнул дверь кабинета. Еще ничего не зная, почувствовал новое несчастье.

— Иван Дементьевич скончался на реке Колыме, — сказала Черская после минутной паузы.

Петр Петрович сжался от боли. У него не было слов для утешения, потому что слова друзей не могли утешить его собственные муки.

Черский в мае 1892 года решил плыть из Верхне-Колымска до Ледовитого океана. Смертельно больной, сопровождаемый женою, сыном и проводником Степаном Расторгуевым (племянник Генрих Дуглас бросил путешественника), отправился он по неведомой северной реке. На сотни верст не было живой души, чтобы помочь Черскому в случае беды. Утлый карбас спускался по Колыме, а умирающий ученый вел наблюдения, собирал коллекции, исследовал окрестные горы.

— Предчувствуя скорую смерть, муж написал для меня завещание, — говорила Мавра Павловна. — Он просил, чтобы я завершила начатое путешествие. «Когда я умру, положи меня на карбасе лицом на север. Даже мертвым я должен быть впереди», — повторила Мавра Павловна слова завещания.

Петр Петрович вспомнил: «Похороните меня в походной экспедиционной форме на берегу Иссык-Куля». Как похожи слова Пржевальского на завещание Черского! Как родственны были их натуры, хотя путешественники и не знали друг друга!

— Иван Дементьевич умер двадцать пятого июня. Над рекой в тот день бушевала снежная метель, мы еле выкопали могилу в вечной мерзлоте. Я похоронила Ивана Дементьевича на берегу Прорвы — маленькой речки, впадающей в Колыму. — Мавра Павловна опустила

голову.

Петр Петрович пристально разглядывал худенькую синеглазую женщину, и душевная боль его таяла. Улетучивалась тоска. Казалось странным, что эта маленькая, подавленная собственным горем женщина оживляла сейчас его волю. «Может ли горе воодушевлять?» — поразился он неожиданной мысли и исправил ее, как не точную: «Не горе, а люди подают нам примеры бодрости».

Перед ним сидела простая русская женщина, дочь иркутской прачки, достойная своего мужа-путешественника. Мавра Павловна завершила трагическое путешествие мужа. Со скудными запасами пищи, с ночевками на голой земле, преодолевая снежные бури, речные паводки, всевозможные опасности. Подавленная гибелью мужа, эта женщина вела по пути научные наблюдения, дополняла коллекции новыми видами животных, образцами горных пород.

Эта женщина совершила путешествие из Нижне-Колымска в Петербург — двенадцать тысяч верст — на собаках, на оленях, через горные хребты и сибирскую тайгу, чтобы в полной сохранности доставить материалы экспедиции.

Петр Петрович вспоминает, что в истории русских географических открытий записано имя Марии Прончищевой, отважной путешественницы в Ледовитом океане. Отныне имя Мавры Павловны будет стоять рядом с именами многих открывателей Азиатского материка.

Петру Петровичу пришли на ум слова Черского:

«Если бы люди не путешествовали, как бы они узнали о красоте и величии мира? И в самом деле, как бы мы узнали о Центральной Азии без Пржевальского, о Кашгарии без Чокана Валиханова? Сколько жертв, сколько преждевременных смертей требует наука! Какие могучие люди сгорают для России, во славу ее! Для тебя, Россия, идут на подвиг, на гибель твои лучшие дети».

— А где ваш сын, Мавра Павловна!

— Саша со мною.

— Мы сделаем все, чтобы вы жили спокойно, а ваш сын получил образование...

Пройдут годы. Александр Черский станет крупным русским ихтиологом. Он исколесит реки и озера Дальнего Востока, Охотское и Берингово моря, изучая новые виды рыб и морских животных. И погибнет от американских браконьеров, спасая котиковые стада на Командорских островах.

Петр Петрович уже ничего не узнает об этом...

Глава 29

ПОЛВЕКА ПОИСКОВ И ОТКРЫТИЙ

Он достал список почетных и действительных членов Географического общества. Надел очки, начал просматривать фамилии. Всемирно известные ученые, скромные земские деятели, члены царствующего дома. Знаменитый путешественник Норденшельд и великая княгиня Александра Иосифовна. Михаил Сибиряков, Эммануил Нобель, Григорий Потанин, Абдул Гамид Второй — султан турецкий, Генри Стенли, Рудольф Вирхов, принц Альфред — Эрнест-Альберт — Великобританский. Более двух тысяч человек...

Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!

Он улыбнулся и уже без тоски посмотрел на груды материалов. Надо заканчивать трехтомную историю деятельности Географического общества за пятьдесят лет. Он работает над ней с перерывами: другие неотложные дела отвлекают его.

Перерыв в работе сказывается: мысли разбегаются, второстепенное лезет на вид, исторические события, люди, факты толпятся и мельтешат, мешая друг другу.

Петр Петрович в первом томе истории Географического общества подробно рассказал о тех, кто принес всемирную славу русской географической науке.

Знаменитые мореплаватели Крузенштерн, Литке, Врангель. Великий путешественник Пржевальский. Рыцарь научного подвига Черский. Их уже нет, но, подобно маякам, они освещают дороги новым географам на всех меридианах и параллелях планеты. А те, кто жив, те, кто творит науку, исследует, путешествует? Все они — члены Географического общества. Вот выдающийся метеоролог Воейков, а вот не менее крупный антрополог Анучин. Талантливейший геолог Мушкетов, географы Козлов, Грум-Гржимайло, контр-адмирал Макаров, биолог Тимирязев...

Многие из членов общества в преклонном возрасте, но продолжают работать. Настоящие ученые, как и поэты, не имеют возраста, не ведают дряхлости. А великие тени ушедших вдохновляют молодую поросль на

творческие дерзания. Происходит лишь смена поколений. В обществе работают достойные сыновья достойных отцов русской науки. Многие из них еще только-только приняты в действительные члены общества. Горного инженера Владимира Обручева ждет блистательное будущее. Молод и талантлив. И поразительно энергичен. Он уже разведает залежи каменного угля на реке Оке, что в Иркутской губернии, месторождения ляпис-лазури и слюды на Байкале. Обручев побывал на вершинах Хамар-Дабанского хребта, на самом большом байкальском острове — Ольхоне. Прислал оттуда ценные научные материалы. А подполковник Вилькицкий? Он сменил удобный кабинет морского министерства на утлое суденышко и скитается в Енисейском заливе. Андрей Вилькицкий описывает побережье Ледовитого океана, производит магнитные, температурные, астрономические наблюдения на островах Диксона и Сибирякова. Что же вошло в первый том? Вступительное слово о возникновении общества, первые научные сношения его членов как внутри России, так и за границей. И первая же Уральская экспедиция под руководством минералога Гофмана. Исследования Бутакова, Макшеева на азиатских окраинах России. Состояние русской картографии и исправление губернских межевых атласов. Работы по этнографии и поземельной статистике. Вилюйская и Амурская экспедиции Сибирского отдела общества под начальством Маака. Путешествие Семенова на Тянь-Шань...

Петр Петрович остановился, держа перо на весу.

Во втором томе описывается деятельность общества с 1871 года до конца 1885-го. Этот период он назвал эпохой Пржевальского.

А за Пржевальским стоят Потанин и Певцов, с их путешествиями по Монголии и Застенному Китаю. А потом Олонецкая и Сахалинская экспедиции, сибирская нивелировка, поиски путей между Обью и Енисеем. Устройство полярных станций на побережье Ледовитого океана, исследования Семиречья, Кокандского ханства, Арало-Каспийской низменности, озера Балхаша.

Петр Петрович с удовольствием думает о том, каких внушительных научных результатов достигло общество по этнографии, статистике, математической и физической географии. Зоогеографические работы Полякова на Ладожском озере, исследования князя Кропоткина в Финляндии, Воейков и его метеорологические наблюдения.

А изучение форм и порядков земледелия, распространенных среди крестьянства, и русской кустарной промышленности, поземельная и тюремная статистика...

Третий том посвящен деятельности общества за последнее

десятилетие — с 1886 по 1895 год. В нем рассказ о пятой, неоконченной экспедиции Пржевальского и о трех экспедициях взамен ее. Рассказ о путешествии Певцова в Китайский Туркестан и на северную окраину Тибета, об открытиях Громбчевского на Памире, братьев Грум-Гржимайло в Нань-Шане.

И об экспедициях Потанина и Обручева по восточной окраине Нагорной Азии, исследованиях Радлова на развалинах Каракорума. И о русских путешествиях по Индийскому и Тихому океанам, в Турцию, Японию, Судан.

Этнография и статистика занимают достойное место в последнем томе. Отделение этнографии работало разносторонне и очень хорошо, славно работало. И тут неоспоримы заслуги его председателя — Владимира Ивановича Ламанского.

Знарок славянских народов, Ламанский создал специальный журнал «Живая старина», в котором печатаются лучшие труды отечественных этнографов, историков, антропологов. По инициативе Ламанского предпринимались этнографические поездки в Литву и Латвию, к инородцам Севера, к татарам, марийцам, башкирам Восточной России.

Этнограф Лесков записывал у жителей Петрозаводского и Олонецкого уездов сказки, загадки, пословицы, свадебные и погребальные причитания, приметы, толкования снов, народные песни.

Крестьянин Верещагин награжден серебряной медалью за свои записки о жизни и быте удмуртов, о мире их сказок и верований. Интересные этнографические материалы о народах Кавказа собрали Браун и Селиванов, Егиазаров и Марков.

Крупные услуги обществу оказал Федор Михайлович Истомин — секретарь отделения этнографии.

Истомин отправился за песнями и сказками к русским поселенцам в Печорском крае, к зырянам и ненцам. То пешком, то на челноке по речкам скитался он в полном одиночестве. О его скитаниях и приключениях в печорских дебрях можно было бы создать новую сагу...

Эта случайная мысль растрогала Петра Петровича. С необычайной отчетливостью представил он черную холодную реку Цильму — неисследованный приток Печоры. Увидел столетние зеленые стены елей и сосен на ее берегах. Услышал треск глухариных крыльев, токование тетеревов на утренних зорях. И однообразный, угрожающий рев воды на перекатах. И утлый челнок с поникшей человеческой фигурой.

«Успехи отделения этнографии в изучении истории и быта народов России несомненны, — думает Петр Петрович. — Но есть еще одна

сторона деятельности, которую нельзя не отметить. Владимир Иванович Ламанский больше, чем кто-либо из членов Географического общества, занимается сбором русских народных песен».

— Невозможно обозреть всю лирическую и бытовую поэзию самого крупного, наиболее богатого лирической песенностью русского народа в певучем и поэтическом племени славянском, — говорил как-то Петру Петровичу Ламанский. — Без народной лирической песни нельзя познать ни русского быта, ни русского духа, ни русской народной речи во всей ее силе и роскоши, красоте и меткости...

Оборвав речь, Ламапский посмотрел на Петра Петровича. Почувствовав его заинтересованность, продолжал:

— Поэтому пора издать полное собрание русских лирических песен. Такое предприятие — дело и национальное и патриотическое. Собрание песен — драгоценный запас данных для исторических, археологических, филологических, этнографических наблюдений — будет живым, неисчерпаемым родником нашей художественной поэзии. Оно послужит распространению русского языка среди народов славянских...

При поддержке Петра Петровича отделение этнографии развернуло энергичную деятельность.

Со всех концов России в общество стекались песни. Казанский краевед Шляпкин прислал сборник народных песен XVIII столетия. Были разысканы и просмотрены старинные песенники. Первый том великорусских народных песен издан под редакцией московского профессора, знатока народной лирики Алексея Ивановича Соболевского. Позже вышли еще три тома народной лирики.

Чем больше думает Петр Петрович о трехтомном труде по истории Географического общества, тем необозримее кажется проделанная работа. И он начинает колебаться: достаточно ли материалов? Ведь Андрей Достоевский представил всего лишь двенадцать тысяч документов. Придется подобрать еще материалы по статистике, по картографии...

Петр Петрович поднимается из-за стола. Подходит к книжному шкафу, где хранятся особенно дорогие ему книги по землеведению всего мира. Книги незабвенных его учителей и его друзей. Александр Гумбольдт, Карл Риттер. А рядом — Николай Пржевальский, Чокан Валиханов, Иван Черский. И еще сотни других произведений.

Он стоит перед книгами, опустив голову, глубоко задумавшись. Думает о том, что история полувековой деятельности общества — не перечисление экспедиций, путешествий, открытий. «В то время, когда учреждалось общество, географическая наука, к счастью, уже давно вышла из тех узких

рамок, которые были на нее наложены самим термином „география“... Величайший из географов первой половины XIX века Карл Риттер уже заменил имя географии на заглавном листе своего обширного сочинения термином „землеведение“...»

Так что же такое землеведение? Своим взглядам на землеведение он посвятит предисловие к трехтомной истории Географического общества. Землеведение есть познание нашей планеты со всем миром, на ней обитающим. Правильная эта мысль кажется ему слишком общей и неопределенной. Ее надо конкретизировать, подкрепить практической деятельностью ученых.

Он возвращается к столу, берет перо. Пишет быстро, мелким почерком, почти без помарок. «Землеведение прежде всего имеет дело с фигурой земли; оно старается определить эту фигуру во всей ее детальной точности не только путем градусных измерений, но и исследованием силы притяжения Земли в разных местах земной поверхности.

Затем следует исследование земных очертаний, составление географических карт. Определяется при помощи астрономии положение точек земной поверхности, производятся геодезические и топографические съемки, а затем по начертанию надлежащей проекции вычерчиваются и карты земных пространств. Но составление географической карты не есть еще само по себе географическое исследование Земли: географическая карта представляет для таких исследований только одну рамку.

Для выполнения этой рамки необходимо прежде всего исследование рельефа земной поверхности. Определение высот, тригонометрически или барометрически, дает основу той важной части землеведения, которая называется орографией.

Но орография страны, в свою очередь, зависит от состава недр Земли, от строения земной коры. Изучение этого строения, свойства и происхождения горных пород, из которых слагается тектоника недр Земли, история тех процессов, которыми обуславливаются непрерывные изменения, происходящие на земной поверхности, — все это образует те обширные части землеведения, которые известны под именем геологии и геогнозии...»

Науки так же взаимосвязаны, как живая и мертвая природа Земли. Исследования суши невозможно проводить без изучения морей и океанов. Он теперь хорошо понимает эту взаимную связь. Гидрология и гидрография составляют важнейшую отрасль землеведения. «Большая часть поверхности земного шара покрыта морями и океанами, и даже на поверхности материков воды являются в виде рек, озер, источников». Цель

гидрологии и гидрографии — изучать влияние водных масс на те «процессы, при помощи которых непрерывно изменяется земная поверхность».

Но земная поверхность и водные массы зависят от воздушной оболочки планеты, продолжает он размышлять. В атмосфере Земли происходят сложнейшие физические явления. Солнечные лучи, состав воздуха, насыщенность его водяными парами, электрические и магнитные возмущения, многие известные и пока неизвестные науке явления воздействуют на земную поверхность. Эти явления «обуславливают собою климаты стран, а изучение этих климатов, да и вообще всех физических явлений, происходящих в нашей атмосфере, составляет весьма важные части земледования, известные под именем метеорологии и климатологии.

Распределение по земной поверхности растительных и животных форм, флора и фауна каждой страны, в которых наглядно отражаются самые тонкие и почти неуловимые климатические условия, — все это, бесспорно, составляет ту интересную часть земледования, которая известна под именем фито-и зоогеографии...».

Орография и геология, метеорология и ботаника, этнография и зоология, статистика и археология — все эти науки составные и неотъемлемые части земледования. Только комплексом наук можно познать природу и человеческую деятельность на Земле.

Человек и природа. Человек является полным властителем Земли, а поэтому «изучение человеческих рас, их физических антропологических признаков, а также тех их свойств и различий, которые находятся в тесной связи с природою стран, обитаемых человеком, вводит и антропологию в область земледования...»

Он откидывается в кресле, сидит неподвижно, насупив седые брови. Его географические представления все растут, все ширятся, приобретая внутреннюю стройность, ясность, определенность. Он перечитывает только что написанные строки об изучении человеческих рас. Думает напряженно о том, что «первобытные народы, точно так же как некоторые и из ныне живущих, не отличались своей культурностью и занимали, занимают и ныне обширные пространства земной поверхности в качестве блуждающих звероловов или кочующих пастушеских племен».

Изучение их истории, нравов, обычаев, их жизни и быта, жилищ, одежды, языка, поэзии, музыки также входит в цикл земледования. И занимаются этим археология и этнография. Но на Земле существуют нации и государства, имеющие свои территории, объединенные в политические союзы. «История развития этих государств и весь их современный

экономический строй находятся, без сомнения, в большой зависимости от природных условий страны, которая, в свою очередь, изменяется упорным многолетним трудом достигших культурного развития человеческих обществ». Исследованием исторического, экономического и политического развития государств должна заниматься политическая география.

Наконец, на территориях государств, в деятельности народов, их населяющих, непрерывно происходят экономические и социальные изменения. Изучать эти изменения лучше всего статистическим методом. Значит, и статистика (экономическая география) — неотъемлемая часть земледования.

Он опять склоняется над рукописью. Теоретическое определение цикла географических наук необходимо подтвердить практической деятельностью общества. Он прекрасно понимает: при таком обширном цикле наук общество невольно ограничивало свои работы. Нужно было сосредоточить все внимание на России и странах, с ней сопредельных. И все же на долю Географического общества досталась колоссальная территория. Не заходит солнце над русскими просторами. На этих просторах работает экспедиции общества. Для изучения русской земли привлечены все лучшие и передовые силы.

Деятельность Семенова на посту вице-председателя общества, его новые географические взгляды и научные труды, исследования и открытия его учеников — целая эпоха в развитии русской и мировой географии.

П. П. Семенов-Тян-Шанский. 1913 г.

Если бы Петру Петровичу в день юбилея общества сказали, что он совершил подвиг, создав в два года классический труд по истории русской географии, он бы только покачал головой. Истинные творцы не склонны преувеличивать свои заслуги.

Окончился 1895, юбилейный год.

Отшумели банкеты, отпылали поздравительные речи. Приятные воспоминания уступили место рабочим будням. Часто это были серые будни, но иногда — с голубыми далями новых поисков.

Глава 30

ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ МЕЧТА

Тридцать лет мечта о Всероссийской переписи населения не давала ему покоя. Сколько раз он хлопотал перед правительством, просил, требовал, умолял — все напрасно!

Многие из друзей удивлялись, а зачем, так ли уж необходима перепись населения в Российской империи?

— Научное познание народной жизни и хозяйства народного невозможно без переписи, — обычно отвечал Петр Петрович. — Но перепись нужна и для разверстки податей, учета хлебных посевов и урожаев, людей, занятых на заводах, фабриках, промыслах, людей, подлежащих воинской повинности. Перепись необходима для того, чтобы виден был рост населения по губерниям и краям России. Перепись покажет, как усиливается колонизация русских окраин.

Статистика поземельной собственности, торговли, промыслов, строительства железных дорог, развития городов, поселков, уездов, волостей не может существовать без переписи. А государственная статистика без точного числа, состава и размещения живущих немислима.

Петр Петрович прекрасно сознавал трудности Всероссийской переписи. При чьей помощи, кроме государственной, он сможет осуществить ее? Он знал, какое колоссальное дело затеяно им, — ведь за всю тысячелетнюю историю России ни разу не переписывалось ее население.

Когда он задумывался над всей сложной механикой переписи, кругом шла голова. Неисчислимы препятствия, непредвиденные обстоятельства опять встают на пути.

Попробуй-ка перепиши ненцев в Архангельской губернии, якутов в сибирской тайге, чукчей на берегах Берингова моря, киргизов на Тянь-Шане.

Перепиши попробуй охотников-бурят, рыбаков-орочей, гольдов и нанайцев, кочующих в дебрях Уссурийского края.

Поди-ка перепиши безграмотных татар, башкир, марийцев. Поубеждай ветлужских раскольников, алтайских староверов, беглых каторжников, монахов и монахинь, скрывающихся от мирской суеты в онежских скитах.

А как переписать вологодских, вятских, костромских мужиков, чурающихся всяких сведений о своей жизни? Понимающих такие попытки

как причину для новых налогов. Или, что еще хуже, мужики почтут переписчиков за учеников дьявола, ставящих на христианина каинову печать.

А волжские бурлаки, странствующие богомольцы, ссыльные Нарына, Нерчинска, Барнаула?

Где, наконец, набрать армию толковых, самоотверженных переписчиков? Таких, что согласны в метель и дождь плыть на лодках, забираться в горы, блуждать по лесам и степным далям? Переписчиков, владеющих иноязычным словом, умеющих столкнуться с грузинами, армянами, черкесами, с жителями Камчатки и жителями Туркестана?

Перепись в городах еще не представляла особых затруднений. В городах Петр Петрович рассчитывал на добровольных помощников. На энтузиастов-любителей. И все же он был готов преодолеть любые препятствия. Всероссийскую перепись отвергали, высмеивали, откладывали в долгий государственный ящик — он терпеливо ждал. И снова возвращался к ней.

Десятилетиями ждал он этой переписи, и желанный день наступил. 28 февраля 1897 года по всей России была осуществлена его идея.

Со всех концов империи на стол председателя Главной переписной комиссии ложились тысячи опросных листов, телеграмм, писем. Любой человек на месте Петра Петровича утонул бы в этих бумажных волнах. Он же чувствовал себя на седьмом небе. Он даже шутил, что сегодня у него «именины сердца».

Петр Петрович одолел еще один горный перевал жизненного пути. Его возраст, казалось, исчерпывал все возможности дальнейшей плодотворной работы. Но это только казалось. Ни сам он, ни члены Географического общества не представляли, что ему можно уйти на покой. Уже шестой раз Петр Петрович избирается на пост вице-председателя. Все так же неутомимо продолжает он свою деятельность. Все так же к нему обращаются за советами, за помощью. Двери его дома открыты для всех.

Авторитет его незыблем, популярность огромна, доброжелательность вошла в поговорку.

Русские ученые оставили о нем свои восхищенные отзывы. Из этих отзывов, написанных в разное время, встает цельный, ясный, обаятельный образ человека, служившего всеми своими силами народу и России:

Путешественник Г. Е. Грум-Гржимайло: «Петр Петрович более всего содействовал славе Пржевальского — этого орла среди путешественников.

И Потанина — этого несравненного описателя неизвестных земель.

С их именем, как с именами многих последующих путешественников-

исследователей, связано имя Петра Петровича. Их слава отчасти и его слава, их заслуги отчасти и его заслуги. Область науки безгранична, и в этой области только великие сердца способны подняться на ту высоту, где успех других вселяет чистую радость и дает мужество прославить этот успех».

Географ и геолог П. А. Кропоткин: «Петр Петрович Семенов — отец современной географии в России и любимый вдохновитель ученых работ».

Географ Л. С. Берг: «В представлении нашем Географическое общество и Петр Петрович — понятия нерасторжимые. Это почти что синонимы. Трудно даже представить себе наше общество без Петра Петровича. Петру Петровичу принадлежала великая роль вдохновителя и организатора».

Ботаник В. Л. Комаров: «Как ученый, географ, путешественник, натуралист, знаток и поклонник художественного, наконец, как благотворитель, Петр Петрович стяжал себе выдающееся положение и доброе имя не только у нас в России, но и за границей».

Геолог С. Я. Эдельштейн: «В блестящей армии путешественников, завоевавших для науки сокровеннейшие уголки Центральной Азии, он работал с одинаковым рвением и беззаветностью и как рядовой воин и как вождь».

Статистик А. А. Кауфман: «Имя Семенова не умрет в истории статистики, как одно из ее крупнейших имен, как не умрет оно в благодарной памяти тех, кто когда-либо имел с ним научное общение».

Географ Ю. М. Шокальский: «Люди воспитываются не проповедями и не нравоучениями, а примерами. Жизнь же Петра Петровича есть блестящий пример того, какую огромную пользу приносит человек непосредственным своим трудом».

Петр Петрович не тщеславен, не самолюбив, но он по-детски доволен, когда отмечают его заслуги. Он гордится, что Берлинское географическое общество присуждает ему золотую медаль имени Карла Риттера. По статуту риттеровская медаль должна быть серебряной. Для Петра Петровича в виде исключения немецкие географы выбрали единственную — золотую.

В память двадцатипятилетнего вице-председательства Семенова Географическое общество учредило золотые и серебряные медали его имени: «Для поощрения трудов преимущественно русских путешественников и ученых по географическому, в обширном смысле слова, изучению России, стран с нею сопредельных, а равно и тех из более отдаленных стран, которые имеют отношение к России».

Уже шестьдесят шесть академий, университетов, научных обществ всего мира избрали Петра Петровича своим почетным членом. В честь его названы гора на острове Шпицберген, и горный хребет на Аляске, и ледник на Тянь-Шане. Над Мустагом возвышается пик Семенова, а «Семенов-баши» — над горного Тебердой. Путники пробираются по «семеновскому мосту» через Боамское ущелье, географы работают в районе «семеновского хребта» у озера Куку-Нор.

Петру Петровичу еще предстоит дать свое имя проливу в северо-восточной части Карского моря, новому пику рядом с великой вершиной Хан-Тенгри.

А профессор Сапожников, путешествуя по монгольскому Алтаю, назовет открытую им гору «Петр Петрович».

— Всем понятно, в честь кого я назвал эту вершину, — телеграфирует профессор в Географическое общество.

Горные вершины, ледники, морские проливы его именем называют географы. Но не меньше их признательны Петру Петровичу ботаники, орнитологи, энтомологи. Они присвоили семеновскую фамилию девяносто одному роду и виду животных и растений на всей планете.

Его имя стало легендой, но он по-прежнему живой, простой, работающий человек.

Петр Петрович пережил трех императоров. Четвертый — недалекий, неумный — еще недавно был почетным председателем Географического общества. Теперь Семенову приходится докладывать императору о делах общества, как «августейшему покровителю». При встречах с царем он испытывает неловкость и смущение.

Неловко потому, что приходится отвечать на нелепые вопросы царя, за которыми нет ничего, кроме равнодушного любопытства. Смущается же Петр Петрович из-за того, что надо вымалывать «монаршую милость» — скромные средства на очередную экспедицию.

Петр Петрович все чаще ловил себя на чувстве снисходительности к недостаткам людей. «Что это со мною? Я стал похваливать всех людей без исключения. Каждый человек кажется хорошим, умным, талантливым. Может, это от старости? Старости свойственна снисходительность».

Он боролся со старостью, отдавая себя работе. «Труд меня молодит и возвращает к юности. Ученый, избегающий молодежи, — живой труп».

Он был личностью в самом полном смысле этого слова. Русский, он тонко понимал национальные особенности других народов, населяющих империю.

В конце XIX века в разных странах открывались различные выставки.

Правительство, прежде чем принять в них участие, обращалось к Петру Петровичу.

— Для Колумбовой выставки в Чикаго надо издать альбом о Сибири. Для Всемирной выставки в Париже — сборники «Окраины России» и «Россия в конце XIX века», — предлагал он и принимался за дело.

В этих альбомах и сборниках он стремился показать не только природные богатства, но и жизнь, и быт, и национальные особенности народов России. Народы изменяют лик природы, повторял он часто.

Как представитель России, он присутствовал на открытии Всемирной выставки в Париже. Принимал деятельное участие в организации знаменитой Нижегородской выставки. Сибирский и Средне-Азиатский отделы в Нижнем, устроенные им, отличались особым богатством экспонатов. По его же инициативе была устроена кустарно-промышленная выставка в Петербурге. Не только иностранцы, но и русские люди увидели тогда, как богата страна талантливыми умельцами, своеобразен и красочен кустарный промысел.

Он упорно, настойчиво добивался, чтобы в университетах хорошо преподавалась география. По этому вопросу совет создал особую комиссию; ее председателем был Петр Петрович. Комиссия составила записку «О постановке преподавания географии в российских университетах».

География в университетах преподавалась двумя курсами: первый — география общая, второй — специальная. «Характеристику частей света и отдельных, с точки зрения, их природных условий и культурной жизни их обитателей» областей Семенов выделял в специальную географию, страноведение.

Он настаивал, и все согласились с ним, что, кроме страноведения, необходимо ввести преподавание отечествоведения. С этой же целью он задумал новый труд:

РОССИЯ.
ПОЛНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ НАШЕГО
ОТЕЧЕСТВА.

Настольная и дорожная книга для русских людей.

Первоначальная идея «России — нашего отечества» принадлежала его сыну Вениамину Петровичу, ставшему видным географом. Вениамин Петрович мечтал создать новый хороший путеводитель. Отец иначе подошел к начинанию сына. Петр Петрович решил свести в одно целое

результаты всестороннего географического изучения России.

Этот монументальный труд (к сожалению, из 22 томов вышло только 11) должен дать представление о всех местах России.

К работе над первым томом «России — полного географического описания нашего отечества» Семенов приступил в 1898 году. Вторым том был посвящен Среднерусской черноземной области.

На титульном листе второго тома было указано, что его составили В. П. Семенов, И. П. Семенов, П. П. Семенов, А. П. Семенов, О. П. Семенова, Д. П. Семенов под общим руководством П. П. Семенова и академика В. И. Ламанского.

«Россия — полное географическое описание нашего отечества» наравне с «Землеведением Азии», географическо-статистическим словарем и «Полувековой деятельностью Русского географического общества» — крупнейший вклад Семенова в науку.

Семенов называл географию самой народной из наук. Вся его долгая жизнь ушла на обогащение русской географии новыми материалами и новыми идеями. Современники не случайно называли его и вождем географической школы и рядовым ее работником. Первый исследователь Небесных гор, он был и создателем русской школы комплексных исследований. Его статистические работы помогли становлению экономической географии. Огромно его значение как творца книг по истории русской географии.

Поколения географов учились по трудам Семенова искусству географических характеристик, историческому методу исследования, умению «связывать географические исследования с практическими потребностями страны и прежде всего народа».

И еще учились они мастерству описаний. Петр Петрович умел создавать незабываемые картины природы и человеческой деятельности. Географический лик страны вставал со страниц его книг живой, цельный, глубоко значительный. Вот как выглядит в описании Семенова Среднерусская черноземная область: «Это была то непролазная листовенная чаща, напоминающая, вероятно, современную сибирскую „чернь“ с ее подлеском из кустарников и папоротников, то лощины, сплошь заросшие веселым густым орешником. Изредка встречались в этой чаще, окруженные многовековыми развесистыми дубами, лесные поляны с богатой травяной растительностью, с чудным ковром лесных незабудок, анемонов, ирисов и пр. — поляны, или „переполынья“, как их звали в старину...

К югу поляны становились все обширнее, превращаясь в целые поля, как, например, Рясское, Куликово, а также обширная поляна, занимавшая

весь бассейн Польного Воронежа, на которой останавливался Батый. На южных склонах этих полей местами появлялся уже ковыль, и, наконец, степь брала на юге области решительный перевес над лесом, оттеснив его в лощины, балки и речные долины. Здесь уже была иная картина — „дикое поле“...»

Ясная живопись слова отличала географические произведения Семенова. Из них русские впервые узнавали или еще такие неведомые им страны, как Тянь-Шань, или же собственную землю.

Глава 31

ТЯН ШАНСКИЙ — ОТНЫНЕ И НАВСЕГДА...

Была весна 1906 года.

Зеленый ветер с Невы продувал Васильевский остров. В старом доме шелестели листьями араукарии, спокойно цвели драцены. Красные чаши тюльпанов освещали затемненные уголки, азалии покачивались у картин.

Петр Петрович, шаркая туфлями, переходил от картины к картине, останавливался, склонял набок голову, любясь своей коллекцией. Шестьдесят лет собирал он эти картины по всем антикварным лавкам и аукционам Европы. Теперь его коллекция «маленьких голландцев» считается лучшей в мире. Она уступает лишь коллекции нидерландской живописи, хранящейся в Эрмитаже. Но Петр Петрович собирал картины таких голландских мастеров, которых нет и в Эрмитаже. На французском языке уже вышел каталог его картин под названием «Семеновской коллекции». Иностранные музеи и коллекционеры зарятся на его коллекцию. Подсылают агентов — может быть, продаст.

Он отвергал все соблазнительные предложения.

— Моя коллекция принадлежит России...

Его не интересовала баснословная цена, предлагаемая иностранцами. «Моим картинам пора перебираться в Эрмитаж», — думал он, заканчивая осмотр. «И Рембрандта, и Рейсдалей, и Ван Гойена, и Темпеля, и Гальса-Младшего — всех без исключения в Эрмитаж. Но сегодня у меня особенный день».

Сегодня у него действительно особенный день — пятидесятилетие путешествия на Тянь-Шань. Географическое общество назначило на сегодня торжественное собрание своих членов.

Да, неудержимо протекло время! Ему уже стукнуло восемьдесят лет, из них большую половину он отдал Географическому обществу. Подумать только, пятьдесят лет назад, в такой же зеленый день, он приближался к Тянь-Шаню. Был молод, здоров, силен. Был обаян любовью к жизни и творчеству.

Петр Петрович подошел к зеркалу. Совершенно снеговая голова, такие же бакенбарды, густая сеть морщин на лице. Впалые щеки, желтый от возраста лоб. Он поднимает перед зеркалом руку, растопыривает пальцы. Пальцы мелко дрожат — не от болезни, от старости. И лишь одни глаза — черные, ясные — сохранили молодой блеск. Он устал стоять перед

зеркалом, опустился в кресло. Опять посмотрел на дряблые руки. Десятки тысяч книг, документов, рукописей перевернули бедные старые руки.

Он прямо с креслом повернулся к столу. Огромный ворох приветственных телеграмм, писем, визитных карточек. Поздравления идут уже несколько дней, и нет им конца. Как будто ему сейчас очень нужен этот поток хвалы. Петр Петрович взял первое попавшееся письмо. На конверте — томский штемпель, знакомый почерк. Григорий Потанин.

От чистосердечного Потанина можно ожидать только светлых слов. «Мне всегда приятно вспоминать, что мои надежды когда-нибудь увидеть берега Куку-Нора выросли в вашем кабинете. Кусочек вашей азиатской программы вы предоставили и мне».

Петр Петрович отложил письмо Потанина. Вот и Григорию за семьдесят лет, а не стареет. Что еще принесла почта, кроме поздравлений? Юбилейные поздравления похожи на похоронные речи. Покойник был человеком, таланты и добродетели которого... Из массы писем он вытаскивает узкий длинный конверт. Осторожно разрезает его костяным ножом.

Письмо от московского богача Федора Павловича Рябушинского. Рябушинский предлагает снарядить на его средства географическую экспедицию на Камчатку. Интересное предложение. Надо использовать деньги богача на Камчатскую экспедицию. Еще в прошлом году в Географическое общество обращался молодой ботаник Владимир Леонтьевич Комаров. Просил послать его для исследования Камчатки. У общества, как всегда, не было средств, пришлось отказаться от предложения Комарова.

Забыв про свой юбилей, он садится за письмо московскому богачу. Рассказывает Рябушинскому об истории Камчатки, о необходимости изучать этот примечательный, своеобразный край земли русской. «Камчатскую экспедицию должен возглавлять умный, знающий человек. Такой человек есть — ботаник Комаров. Приезжайте в Петербург, милостивый государь, мы быстрехонько договоримся по всем деталям путешествия».

Петр Петрович доволен. Предложение Рябушинского — славный подарок Географическому обществу. Сам Рябушинский собирается участвовать в экспедиции как охотник. Ему хочется пострелять диких гусей в камчатской тайге. Пусть стреляет. Общество не может отказаться от его неожиданной помощи.

Утренний свет переливается на голландских картинах. Смутно поблескивают стеллажи с насекомыми, шкафы с книгами. Портрет

Пржевальского словно призывает к новым странствиям. «Не щадите ни сил, ни здоровья, ни самой жизни, если потребуется послужить науке и славе дорогого отечества». Так написал Пржевальский на портрете, подаренном когда-то Петру Петровичу.

Он глубоко вдыхает утренний воздух. А славно жить на земле, даже когда тебе восемьдесят! Еще можно кое-что сделать. Многое можно еще сотворить. Организовать Камчатскую экспедицию, например. Построить новый дом Географического общества хотя бы. Дописать свои мемуары. Чем больше вспоминается незавершенных дел, тем неотложнее и важнее они. Жизнь не признает старости, она требует постоянного действия. Труда и душевной радости требует жизнь. В голове прозвучала поэтическая строка: «Признаю тебя, жизнь, принимаю. И приветствую звоном щита!» Умирающие гладиаторы звенели щитом в честь буйной жизни Рима. Это по преданиям древней истории. Поэт же говорит о каждом человеке, уходящем из жизни и приветствующем новые поколения.

Неслышно входит Елизавета Андреевна. Кладет перед ним новую почту. Целует в лоб, строго журит:

— Ты бы хоть сегодня отдыхал.

— Я и так ничего не делаю, Лиза.

Они смотрят друг на друга и понимающе смеются. Жена уходит, он бегло просматривает приветственные телеграммы, письма: «Эко сыплют поздравлениями. Что тут еще?»

Со славным пятидесятилетием путешествия на Тянь-Шань поздравляют своего почетного члена Российская академия наук и Академия художеств.

Своего почетного члена в этот день приветствуют Московский, Петербургский, Юрьевский, Киевский университеты, Лондонское, Венгерское, Мадридское, Итальянское, Нидерландское, Румынское, Женевское, Бременское, Антверпенское географические общества.

Шлют поздравления своему почетному, действительно, неперемому члену Московское общество испытателей природы и Международный статистический институт, Болгарское энтомологическое дружество и Шведское общество антропологии и географии, Американское географическое общество и Петербургский ботанический сад, Географический комитет Португалии и Общество изучения Амурского края, и Русское горное общество, и прочие, и прочие..

Сегодня почему-то грустно лауреату многочисленных премий, кавалеру отечественных и иностранных орденов, старейшему русскому сенатору, всемирно известному географу. Может, оттого грустно, что он на

пороге девятого десятилетия своей жизни.

Он поднимается из-за стола и во фраке, при всех регалиях, похожий на золотой иконостас, идет к стеллажам.

Новый, неизвестный вид муравья привлекает его внимание. Он бережно вынимает насекомое, но в кабинет входит Вениамин Петрович.

— Пора собираться на юбилейный вечер...

Рука с крошечным муравьем вздрагивает, почетный член 66 академий, университетов, ученых обществ мира падает на пол. Сын бросается к нему:

— Что с тобой, отец?

— Отойди в сторону. Я обронил ножку муравья...

О его страсти к коллекционированию знают не только родные и близкие. Про эту страсть сочиняются смешные анекдоты. Очевидцы рассказывают:

— С Петром Петровичем опять история приключилась. На аукцион, где картины продавались, он опоздал. Явился, когда там покрикивали:

«Кто больше? Два! Кто больше?..»

Петр Петрович, уверенный, что продают картину, набавляет цену. И получает египетский саркофаг...

— При всех регалиях, при андреевской-то ленте через плечо в базарной лавчонке по грязному полу ползает. Старые картины в лупу разглядывает.

— Что за картина?

Хозяин глаза отводит — картина скабрезного содержания. Петр Петрович краску ногтем поскреб.

— Беру эту вещицу. На вечную красоту пошлость наложена, но я ее смою.

Знаток. Купил. Редчайшая, говорят, картина...

Его уже давно перестали называть по фамилии, величать вашим превосходительством. «Петр Петрович сказал», «Петр Петрович посоветовал», «Сходи-ка, сударь, к Петру Петровичу»...

Члены Географического общества, представители ученого петербургского мира приветствуют его на торжественном собрании. С трибуны раздаются слова восторга, перечисляются его заслуги.

— Наш дорогой, отзывчивый, удивительный, талантливый, — повторяют ораторы.

Он кусает губы, морщится, пытаясь скрыть недовольство. Слишком много слов в превосходной степени.

— Наш замечательнейший Петр Петрович обладает искусством пробуждать лучшие человеческие качества, укреплять веру в себя, находить

свои пути. Петр Петрович открыл Потанина, Валиханова, Пржевальского, других выдающихся путешественников...

«О чем они говорят? — думает он. — Таланты открывают себя сами. Таланту можно только помочь. Куда там — открыл Пржевальского! Он бы и без меня стал Пржевальским».

— Петр Петрович любит и умеет выражать себя в учениках...

«Как же это понимать? — продолжает он думать. — Выражать себя в своих учениках?»

— Идеи Петра Петровича оплодотворили многих его последователей...

С высоты восьмидесяти лет он может усомниться в правде слов, произносимых ораторами. Ничего не скажешь, приятно, что современники славят его. Но нельзя же питаться одними пирожными. Вот если бы сбросить лет сорок с собственных плеч. И отправиться по горным тропам Тянь-Шаня. Дышать бы разреженным воздухом перевалов, любоваться сизой зыбью иссык-кульских вод. Висеть бы над бездонными ущельями. Путник, идущий над пропастями Тянь-Шаня, помни, ты лишь слеза на реснице...

Зал с напряженными лицами отодвигается. Перед ним возникают Киргизская степь, илийские густые, в рост человеческий, травы. Сотрясают землю табуны кобылиц и неисчислимыя овечьи отары, на тугом песке следы тигров и кабанов. Цветут серебристые джиды, похожие на шатры, онемевшие в знойном воздухе. В небе плывет на распластанных крыльях беркут. Беркут видит и степь и далекую, еле уловимую снежную стену Небесных гор.

Небесные горы растут и приближаются — протяни руку, и прикоснешься к вечным вершинам...

А председательствующий читает царский указ, и голос его особенно торжествен:

— В честь пятидесятилетия со дня путешествия на Тянь-Шань отныне и навсегда к имени Петра Петровича Семенова присоединяется титул Тянь-Шанский...

Зал взрывается аплодисментами. Раздаются приветственные Возгласы, вздымаются руки, сияют глаза. «Отныне и навсегда», — повторяет шепотом Петр Петрович и видит не бушующий зал, а Небесные горы с вершиной Хан-Тенгри. И зеленую ветку с красным огромным яблоком — символом зрелости и красоты тянь-шаньской природы...

Глава 32

ЗАКАТ

И вот он снова в своей Гремячке.

Кажется, торжества происходили только вчера, так ярки и свежи воспоминания, — на самом же деле пролетели годы. Бурная река времени вошла в свои берега. Петр Петрович живет в семейном кругу, в родных полях и лесах. Спокойно, неторопливо, бесстрастно — так можно подумать, глядя со стороны.

Почти каждый день Гремячку навещают ученые, музыканты, художники. Один из американцев, ставший московским жителем, привозит к нему своих соотечественников. «Путешествуя по России, нужно познакомиться с одной из ее достопримечательностей», — советует своим друзьям «московский американец».

Петр Петрович снисходителен к праздному любопытству незнакомых людей. Он принимает и тотчас же забывает про них. Иногда лишь высказывает Андрею свое недовольство:

— К чему мне поклонники?

Сын неуверенно оправдывается:

— Ну ладно. Пойдем на охоту за жужелицами.

С палкой в руке, в неизменном холщовом балахоне, он шагает по травянистой тропинке. Андрей запряг в тарантас мерина и следует за отцом. Если у Петра Петровича разыгрется ревматизм, тарантас придется кстати.

Охота на жужелиц, поиски трав на лугах продолжаются до поздней ночи. Вконец усталые отец и сын отдыхают под стогом сена, на берегу черного, заросшего кувшинками озера. Небо на юге и на западе обложено тучами — там играют сполохи неслышных гроз.

Петр Петрович растирает заболевшие ноги: ревматизм все же подкрался. Говорит, морщась от боли:

— Слушай, Андрей, мое завещание...

— Я не хочу слушать о завещании, отец.

— Да не будь же ты младенцем! Все приходит к своему концу. Так вот, завещаю тебе издать мои мемуары...

Все эти годы он работал над мемуарами. В первом томе рассказал о своем детстве и юности, второй посвятил путешествию на Тянь-Шань, третий и четвертый — эпохе освобождения крестьян.

— Может, завернем к нашим толстовцам? — спросил Петр Петрович, поглядывая на далекие бесшумные сполохи.

— Поздно уже. Да и ехать далековато.

История толстовцев огорчала Петра Петровича.

Его внук, поэт-неудачник Леонид, стал учеником Льва Толстого. С группой своих единомышленников он решил «опроститься». Леонид выпросил у деда участок земли на опушке гремячинского бора. Молодые толстовцы построили избушку, пахали землю, тачали сапоги, подражая своему великому учителю. Леонид писал неуклюжие и не очень грамотные стихи о «мужичьей мудрости земной» и проповедовал непротивление злу. Однако в последнее время «сельская община братьев-толстовцев» распадалась. Леонид и его товарищи разочаровывались в учении Толстого.

— Ну, бог с ними, с нашими толстовцами.

Возвращались освещаемые яркими, далекими молниями. Раскаты грома пока не доносились до них.

— Вот она, воробьиная ночь! — восклицал Петр Петрович, закрывая голову рогожей. — Как хорошо описал ее Тютчев:

Не остывшая от зною
Ночь июльская блистала,
Небо полное грозою
От зарниц все трепетало.
Ударил сильный теплый ливень.

В оврагах шумели потоки, дубки то пламенели в отсветах молний, то погружались в дегтярную темноту. Вода захлестывала тарантас. И опять перед ним возникли бессмертники детства — грустные неумирающие цветы. Почтенный сенатор и почетный член множества ученых обществ превратился в босоногого мальчика. Подставив обнаженную голову теплому ливню, он декламировал Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Переходил на английский, цитируя Шекспира, по-немецки читал Гёте: «Остановись, мгновенье, — ты прекрасно!»

С седой бороды сползали капли. Желтые, в синих узлах вен руки перебирали рогожу. Июльская ночь продолжала озарять его разноцветными молниями, но возбуждение уже улеглось. Сын услышал отцовское бормотанье:

— Последняя воробьиная ночь в моей жизни. Последняя гроза надо мною...

Утром, зябко кутаясь в плед, он сидел над своими мемуарами. Огромный письменный стол, как всегда, завален книгами, выписками из журналов, документами, стопками мелко нарезанной бумаги. Найти в этом хаосе нужную вещь почти невозможно. Но Петр Петрович никому не разрешает прикасаться к столу.

— У меня идеальный порядок. Все лежит на своем месте, строго и симметрично.

Когда же что-то требуется, он расчищает бумажные завалы, рвет нужные и ненужные рукописи, ворчит:

— Это же какие-то авгиевы конюшни! Когда только я избавлюсь от геологических наслоений на столе?

Петру Петровичу не легко писать мемуары. Его мучают неотвязчивые воспоминания. В уме мелькает бесконечная вереница событий, исторических лиц, но как-то невероятно далеко и отчужденно. Прошло уже больше полувека со дня отмены крепостного права. Все эти годы в России неистовствует самая оголтелая реакция.

Долгие годы он считал себя либералом. Он любил говорить о свободе, равенстве, братстве и о том, что рабство падет «по манию царя». И что свободный народ устроит свою жизнь на справедливых основах. Он верил в то, что говорил. Теперь он молчит. А разве может уйти он от боли народной? Разве может укрыться жучками и травами, бабочками и цветами от мужицких бед? Раньше он говорил, что гуманизм зародился в нем, когда заболело его сердце гражданина. А теперь? Теперь его гуманизм обернулся пустыми вздохами.

Он морщится, как от зубной боли, и снова обращается к своим мемуарам. Перо его опять скользит по бумаге, выводя бисерные красивые буквы. Он пишет, вспоминая эпоху освобождения крестьян:

«Только теперь и дело и люди представляются мне воскресшими из полувекового тумана. Только теперь живо чувствуешь, что никто из деятелей великой эпохи не уйдет от суда мирского, как не уйдет от божьего суда. А мне остается только погасить свою лампаду и благодарить бога за то, что свидетелем меня он многих лет поставил и книжному искусству вразумил...»

После благодатного гремячинского лета он возвращался в Петербург посвежевшим. И опять водоворот всяческих дел захватывал его. В государственном совете будет обсуждаться проект строительства Амурской железной дороги. Как же ему не поехать на заседание!

Врачи предупреждают — нельзя переутомляться. Он отшучивается: «Дело — лучшее лекарство от переутомления».

Петр Петрович надевает парадный мундир со всеми орденами, с андреевской лентой через плечо. В пышном зале государственного совета, из толпы сенаторов и царских министров он выделяется не мундиром и орденами. Мировая слава ученого, авторитет крупного общественного деятеля сопутствуют ему. Сам премьер-министр Витте называет его «почтенным старцем, к мнению которого прислушивается государственный совет».

Петр Петрович занимает свое место, встряхивает белой гривой, расправляет бороду. Слушает, как противники громят так называемый «маньчжурский вариант» Амурской дороги. А проведение дороги через Маньчжурию имеет государственное значение. Его географическая, экономическая и политическая значимость огромна. В маньчжурском варианте заключены неисчерпаемые возможности для освоения русского Дальнего Востока.

Петр Петрович просит слова. Страстно, убежденно защищает он маньчжурский вариант. Приводит неотразимые доказательства. Сенаторы слушают с напряженным вниманием. Большинство из них склоняется на его сторону: еще несколько минут, и он как победитель сойдет с трибуны...

И вдруг острая, пронизывающая боль опалает сердце. Перед глазами возникают оранжевые, зеленые, белые круги. Он наклоняется вперед, цепляется за края трибуны и падает без сознания.

Заседание государственного совета прерывается. Петра Петровича бережно поднимают, выносят на руках...

Он очнулся в постели. В изголовье сидит жена, над ним стоит врач. Взгляд Петра Петровича встречается со скорбным неосуждающим взглядом жены. Он приподнимает с подушки голову и слабым, неприятным для себя голосом спрашивает:

— А как с проектом Амурской дороги? Прошел он или нет?

— Успокойся ты ради господи! — отвечает жена. Он ищет ее теплую руку. Берет, сжимает пальцы, ласково гладит. Вялая улыбка появляется на посеревших губах.

Он еще раз побеждает болезнь. Снова появляется в Географическом обществе, в государственном совете, но тревожные мысли уже не покидают его. Жизнь близка к закату. Кажется, совершено все, что возможно. Что еще осталось доделать? Да, вот надо передать коллекцию Эрмитажу. Только там она будет в полной сохранности.

Он вызывает представителей Эрмитажа, быстро, деловито оформляет передачу коллекции. Оставляет у себя лишь несколько особенно любимых картин. Сотрудники Эрмитажа перевозят в свои хранилища сотни его

картин и несколько тысяч гравюр. «Отныне Эрмитаж обладает первым в мире собранием картин голландской и фламандской школ в период зарождения, наивысшего расцвета и начала упадка», — заявляют они в печати.

Петр Петрович третирует свои восемьдесят семь лет, он смеется над ними, когда приходят друзья. Андрею Достоевскому, который навещает его чаще других, он декламирует «Вакхическую песню»:

Подыдем бокалы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!..

Андрей Достоевский, его помощник по Географическому обществу и его же биограф, поражается этой кипучей деятельностью и неиссякаемой энергии своего шефа. Достоевский записывает в свой дневник:

«Он всегда бодрый, энергичный и вечно занят какой-нибудь работой, причем работа его нисколько не тяготит... Необыкновенная память, редкая эрудиция и строгая логичность мысли помогают ему легко работать. Какой-нибудь обширный труд увлекает его на долгое время, и он, отрываемый заседаниями, разными посетителями, деловыми разъездами по городу, старается не пропустить ни одной минуты даром и тотчас садится за свой стол. Но утомление начинает чувствоваться. Петр Петрович временно откладывает свою работу и обращается к другой. Разборка энтомологических коллекций — сравнительно довольно легкое занятие. Он переселяется в другую комнату, наверх, и там, пересматривая коробку за коробкой, производит первичную сортировку жуков, определяет их, подкладывает этикетки, мелким почерком вставляя в них необходимые даты. Иногда при этом он что-нибудь декламирует про себя вполголоса...

Замечательно, что при этом он никогда не пользовался никакими справочниками или словарями. Феноменальная память сохранила ему все, что он когда-либо усваивал из книг».

Дом его всегда переполнен и друзьями и неизвестными посетителями. Он принимал всех, охотно беседовал с молодыми учеными, живописцами, путешественниками. Но больше всего любил он встречи со старым другом Григорием Потаниным. Потанин жил в Томске, в столицу наведывался редко, но когда приезжал, то уже не разлучался с Петром Петровичем.

В свой последний приезд осенью 1913 года Потанин с волнением шел на Восьмую линию Васильевского острова. Его пугало здоровье учителя и друга. Петр Петрович встретил Потанина доброй, хотя и утомленной,

улыбкой, усадил на скамеечку под мексиканскими кактусами. Кактусы цвели ярко и пламенно.

Петр Петрович сказал, показывая на цветы:

— Не могу налюбоваться. Это какие-то живые самоцветы из далекой Мексики.

— Если заговорил о самоцветах, то получи. — Потанин открыл шкатулку из кедрового дерева.

В глаза Петру Петровичу ударила радуга уральских камней. Он погрузил пальцы в камни, наслаждаясь их красотой. Вошла Елизавета Андреевна с чашками кофе. Кинула на самоцветы спокойный взгляд.

— Неужели тебе нравятся мертвые камни?

Он замахал на жену руками:

— Что ты, что ты, Лиза! Уральские самоцветы прекрасны, как русские женщины! Я подарю тебе их, когда мы будем справлять нашу золотую свадьбу.

— Подумать только, — удивилась Елизавета Андреевна, — нам троим свыше двухсот лет! Нет, в самом деле, Григорий Николаевич, мы невероятно постарели.

Потанин глядел на располневшее, в тонких морщинах лицо Елизаветы Андреевны и все же видел ее сквозь призму времени — молодой, жизнерадостной спутницей своего друга. Он потеревил реденькую, тоже поседевшую бородку, ответил с преувеличенной живостью:

— Двести лет на троих — не так-то страшно!

Потанин, совершивший пять путешествий по Монголии и Китаю, интересно рассказывал о хребте Танну-Ола, о Большом Хингане, о быте, нравах, обычаях монголов. Сообщил о том, как бурно развивается русская колонизация в Сибири и на Алтае.

Петр Петрович слушал, закрыв утомленные глаза. Потанин невольно подумал, что это, может быть, их последняя встреча. Слишком одрях и ослаб Петр Петрович.

Семенов стряхнул с себя оцепенение, пошарил по столу, взял какое-то письмо. Заговорил, с трудом сдерживая раздражение:

— Всю жизнь приходилось мне выколачивать из правительства деньги на экспедиции. Сколько сил я потратил на прошения и ходатайства! Но вот это уже, видно, последняя просьба. Письмо министру внутренних дел. Ты слышал, Григорий, о полярных экспедициях Русанова, Брусилова и Седова? Так вот что я пишу.

«Руководители этих экспедиций, организовавшие свои предприятия по чисто идейным побуждениям или соображениям практическим, дабы

принести пользу и славу государству теми способами, на которые другие не могли бы решиться, являются все-таки самоотверженными героями, не щадящими своей жизни. Поэтому от имени совета общества я, как вице-председатель, позволю себе обратиться к вашему высокопревосходительству, как министру внутренних дел, с усерднейшей просьбой возбудить ходатайство перед правительством об организации помощи экспедиции Седова и к розыску экспедиций Брусилова и Русанова.

Едва ли можно рассчитывать в этом отношении на частную инициативу и на частные средства для спасения, может быть, обреченных на гибель героев...»

Петр Петрович тяжело вздохнул.

— Географическое общество берет на себя инициативу по розыску исчезнувших экспедиций. Поедем со мною к министру. Промедление в таких делах опасно.

Петру Петровичу не суждено узнать о судьбе экспедиций, которые он пытался спасти за полтора месяца до своей смерти.

Экспедиция Седова на «Святом Фоке» вернулась после двухлетнего плавания без своего начальника. Георгий Седов погиб на пути к Северному полюсу. Корабль Брусилова «Святая Анна» был раздавлен льдами. Бесследно исчез в Баренцевом море Русанов со своим «Геркулесом».

Медленно покидали силы и Петра Петровича. Но он еще держался, не показывая родным и друзьям бесконечной своей усталости.

Каждый вечер, надев барнаульский полушубок и валенки, он выходит на прогулку. Медленно бредет по берегам Невы, прислушиваясь к шуму великого города. Тихо, почти тепло. Падает мягкий февральский снежок. Неподвижны белые березы, клубится пар над речными прорубями. Его следы на снегу наливаются синим сочным светом, точь-в-точь как на ледниках Хан-Тенгри.

А город Петра все шумит, все шумит, роняя звонки трамваев. Крики разносчиков, рев ямщиков, звуки оркестра вырываются из общего напряженного гула. Город поэтов и путешественников стал городом царских чиновников, капиталистов, измельчавшей дворянской знати. И городом бедняков, рабочих предместий, где идет своя, непонятная для Петра Петровича жизнь. Ему надо бы проникнуть в эту жизнь рабочего человека, присмотреться к ней, исследовать ее, но теперь уже поздно. «Теперь уже слишком поздно». Вот ведь когда — через полвека припомнились слова Александра Гумбольдта.

Он спускается на Неву, останавливается у проруби. Вороненая вода вспухает, крутится, отсвечивает бликами вечерних огней. Опершись на

палку, смотрит он в крутящуюся невскую воду. Из глубин памяти всплывают имена давно ушедших друзей — их бесконечно много. Почти каждый из друзей оставил свой незабываемый след в истории народной.

Мимо проходит студент в тонкой шинели. Стайка мальчишек проносится мимо — беспечное, всегда чудесное детство. Какая-то девушка оглядела его с головы до ног и прошла равнодушно.

Идут сосредоточенные, суровые молодые рабочие, должно быть, на фабрику, в ночную смену. Незнакомое молодое поколение не обращает на него внимания. Новая, настороженная, тревожная жизнь окружает его. Он тоскливо оглядывается. Опять, как молния, сверкают строки: «Признаю тебя, жизнь, принимаю. И приветствую звоном щита!» Кому принадлежат эти строки? Феноменальная память подводит: он никак не может вспомнить имя поэта. Кто он? Старик? Юноша? Впрочем, настоящие поэты, как и ученые, возраста не имеют. Когда-то кому-то он уже говорил эти слова.

Ему душно, он расстегивает полушубок, снимает шарф, глубоко вдыхает морозный воздух. Медленно возвращается домой. Устало ложится в постель: все тело ломит, пульс участился, болит голова.

Утром доктор ставит диагноз — воспаление легких.

Петр Петрович живет в каком-то сухом зыбком тумане. Из тумана наплывают на него исплаканное лицо жены, сосредоточенные глаза сыновей. В тумане тускло горят цветы мексиканских кактусов, стол с рукописями все время ускользает в серую пелену. Сам же он плавно покачивается на постели: вверх-вниз, вверх-вниз.

Из искрящегося тумана возникают белые ломаные очертания. Что это, заиндевелые березы, ромашки на берегах Рановы, снежные сугробы? Очертания растут, увеличиваются, а над ними в черном небе мелкие резкие звезды. А, да это же Небесные горы! Над вершиной Хан-Тенгри сверкает Полярная звезда, слева ковш Большой Медведицы...

Он шевелит распаленными губами.

— Что тебе? — наклоняется Елизавета Андреевна.

Он не в силах ответить жене.

Семь звезд Большой Медведицы трепещут, мигают, гаснут. Исчез Орион, вот-вот погаснет созвездье Тельца. Он откидывает одеяло, приподнимается на локтях. Держит перед собой морщинистую с растопыренными пальцами руку. И бессильно роняет ее на одеяло. Раздается долгий, глубокий вздох. Еще один, еще...

Он скончался 14 февраля 1914 года в восьмидесятивосьмилетнем возрасте.

Такие люди, сколько бы они ни жили, умирают слишком рано.
1963–1965

Основные даты жизни и деятельности П. П. Семенова-Тян-Шанского

1827, 2 января — В селе Урусове Ранненбургского уезда Рязанской губернии родился Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский.

1842–1844 — Семенов учится в петербургской юнкерской школе.

1845–1848—Семенов учится в Петербургском университете. Совершает пешее путешествие из Петербурга в Москву.

1849 — Вступает в действительные члены Русского географического общества.

1850 — Избирается секретарем отделения физической географии общества.

1851 — Женильба на Вере Александровне Чулковой. Получает ученую степень магистра ботаники.

1853 — Смерть жены Веры Александровны.

1853–1855 — Путешествие по Европе. Знакомство с А. Гумбольдтом и К. Риттером.

1855 — Переводит на русский язык первый том «Землеведения Азии» К. Риттера. Пишет дополнения к этому труду.

1856 — Семенов отправляется в первое путешествие на Тянь-Шань.

1857 — Второе путешествие на Тянь-Шань, в сопровождении художника П.Кошарова.

1858 — Приглашается к участию в работе Редакционных комиссий по крестьянской реформе и отмене крепостного права. Выход в свет второго тома «Землеведения Азии» К. Риттера.

1860 — Работает в Редакционных комиссиях. Принимает на себя обязанности составителя и редактора Русского географическо-статистического словаря.

1861 — Семенов женится на Елизавете Андреевне Заблоцкой-Десятовской.

1862–1864 — Назначается на пост директора центрального статистического комитета. Выпускает первые два тома Русского географическо-статистического словаря.

1867 — Выход в свет третьего тома Русского географическо-статистического словаря. Издание сборника «Статистический современник Российской империи».

1868–1872 — Принимает активное участие в организации экспедиций для исследования Сибири, Монголии, Каспийского моря, Аму-Дарьи, Центральной Азии. Издание «Записок по общей географии».

1873 — Избирается вице-председателем Русского географического общества, почетным членом Российской академии наук, Лондонского статистического общества.

1880 — Издает труд «Мураевинская волость».

1881 — Редактирует географический путеводитель «Живописная Россия».

1888 — Выступает на траурном собрании Географического общества с речью памяти Пржевальского.

1889 — Избирается президентом Русского энтомологического общества.

1890 — Пишет этюды по истории нидерландской живописи.

1892 — Участвует в Колумбовых торжествах в Генуе. Пишет «Историю полувековой деятельности Русского географического общества». Редактирует пятый том «Землеведения Азии» с добавлениями И. Черского о Восточной Сибири, озере Байкал, Забайкалье.

1896 — Выходит трехтомное издание «Истории Русского географического общества».

1897 — Первая Всероссийская перепись населения.

1898–1901 — Редактирует издание «Россия — полное географическое описание нашего отечества».

1902 — Председатель комитета по делам кустарно-промышленной выставки в Петербурге.

1906 — Приступает к работе над своими мемуарами. Пишет первый том — «Детство и юность».

Исполняется 50 лет со дня первого путешествия на Тянь-Шань. Семенову присваивается титул Тянь-Шанского.

1909 — Заканчивает третий и четвертый тома мемуаров.

1911 — Награждается высшим русским знаком отличия — орденом Андрея Первозванного.

1913 — Выход в свет двух томов мемуаров «Эпоха освобождения крестьян».

1914, 14 февраля — Смерть П. П. Семенова-Тян-Шанского.

Краткая библиография

РАБОТЫ П. П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО

Придонская флора в ее отношениях с географическим распределением растений в Европейской России. Спб, 1851.

Землеведение Азии К. Риттера, т. 1–6. Перевел и дополнил П. П. Семенов. Спб., 1856–1894.

Первая поездка на Тянь-Шань, или Небесный хребет, до верховьев р. Яксарта, или Сыр-Дарьи, в 1857 году. «Вестник РГО», 1858.

Географическо-статистический словарь Российской империи, т. 1. Спб., 1863.

Географическо-статистический словарь Российской империи, т. 2. Спб., 1865.

Поездка из укрепления Верного через горный перевал у Суок-Тюбе и ущелье Буам к западной оконечности оз. Иссык-Куль в 1856 г. Отрывок из путевых записок. «Зап. РГО по общ. геогр.», т. 1. Спб., 1867.

Географическо-статистический словарь Российской империи, т. 3. Спб., 1867.

Географическо-статистический словарь Российской империи, т. 4. Спб, 1870.

Обозрение деятельности общества по общей географии «Двадцатипятилетие Русского географического общества». Спб., 1872.

Мураевинская волость (Данковского у. Рязанской губ.). «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины», Спб., 1880.

Географическо-статистический словарь Российской империи, т. 5. Спб, 1885.

Этюды по истории нидерландской живописи на основании ее образцов, находящихся в публичных и частных собраниях Петербурга. Приложение к «Вестнику изящных искусств», 1885. Речь о Н. М. Пржевальском. «Изд. РГО», 1886.

История полувековой деятельности Русского географического общества (1845–1895), при содействии А. А. Достоевского, ч. 1–3. Спб, 1896.

Первая всеобщая перепись. «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1897.

Россия — полное географическое описание нашего отечества, т. 4. М. 1892.

Мемуары, т. 3. Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861), п. 1915.

Мемуары, т. 4. Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861), п. 1915.

Мемуары, т. 1. Детство и юность (1827–1855), п. 1917.

Мемуары, т. 2. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М., 1946–1947.

О П. П. СЕМЕНОВЕ-ТЯН-ШАНСКОМ

Анучин Д. И., Некролог. «Землеведение», Спб., 1914.

Берг Л. С., П. П. Семенов-Тян-Шанский. Энциклопед. словарь Русского библиографического института «Гранат», т. 38.

Берг Л. С., П. П. Семенов-Тян-Шанский как географ. М.—Л., «Очерки по истории русских географических открытий», 1946.

Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский, его жизнь и деятельность. Сборник статей и воспоминаний. Л., 1928.

Фрадкин Н. Г., П. П. Семенов-Тян-Шанский. «География в школе», 1946, № 4.

Лавров В. И., Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1827–1914). «Люди русской науки», т. I. ИЛ, 1948.

Мурзаев З. М. и Рязанцев С. П., П. П. Семенов-Тян-Шанский — «Географические исследования в Центральном Тянь-Шане».

Семенов-Тян-Шанский А. П., Петр Петрович Семенов. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии.

Семенов-Тян-Шанский А. П., Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович. Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасающихся с Ботаническим садом. Вып. I. Спб., 1913.

Мушкетов И. В., Туркестан, т. I. Спб., 1886.

Чернявский В. И., П. П. Семенов-Тян-Шанский и его труды по географии. Географгиз, 1955.

Н. И. Леонов, П. П. Семенов-Тян-Шанский. Географгиз, 1957.

Марков Сергей, Идущие к вершинам. Алма-Ата, Казлитиздат, 1963.

Примечания

1

Здесь и дальше Казахстан называется Киргизской степью, а казахи — киргизами, как это было принято во времена Семенова-Тян-Шанского.

Ленин В. И., Сочинения, изд. 4, т. 17, стр. 95.

Ленин В. И., Сочинения, изд. 4, т. 17, стр. 96.

Ленин В. И., Сочинения, изд. 5, т. 5, стр. 36.

Ленин В. И., Сочинения, изд. 4, т. 12, стр. 237.

Архив Маркса и Энгельса, т. 12, стр. 126–127.

Архив Маркса и Энгельса, т. 12, стр. 126, 128.

Архив Маркса и Энгельса, т. 12, стр. 127.